

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

**ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

" НА У К А "

МОСКВА - 2003

В Н Топоров (Москва) Памяти Олега Николаевича Трубачева	5
О Н Трубачев Книга в моей жизни	6
Г А Богатова (Москва) Библиотека в жизни О Н Трубачева	15
И Г Добродомов (Москва) Олег Николаевич Трубачев	18
М И Чернышева (Москва) Олег Николаевич Трубачев и наше поколение Из воспоминаний	30
В В Левицкий (Черновцы) Индоевропейские корни *sep(h)ə-/sp(h)ē-, *era-/rē-, *ela/lē- “резать, связывать, гнуть” и их дериваты в германских языках	37
Б Б Ходорковская (Москва) Формирование системы перфекта в латинском языке и происхождение элемента -is/-er-	63
Х Шустер-Шевц (Пуршвиц, ФРГ) Славянская метатеза плавных и процесс дезинтеграции праславянского	78
А К Матвеев (Екатеринбург) К этимологии субстратных топонимов с основами <i>тамб</i> и <i>там-</i>	92
О А Теуш (Екатеринбург) Этимологизация финно-угорских заимствований в русском языке и семантический анализ	99
А Л Шилов (Москва) Географические реалии и топонимические этимологии (на примере топонимии Русского Севера)	109
Е М Верещагин (Москва) Наблюдения над языком и текстом архаичного источника – Ильиной книги анализ тропарей IX-й песни Канона Димитрию Солунскому	119
Г А Богатова (Москва) Историческая и этимологическая лексикография мысли лексикографа о жанре	148

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Т М Николаева (Москва) <i>В Н Vishakran Language in a Darwinian perspective</i>	155
---	-----

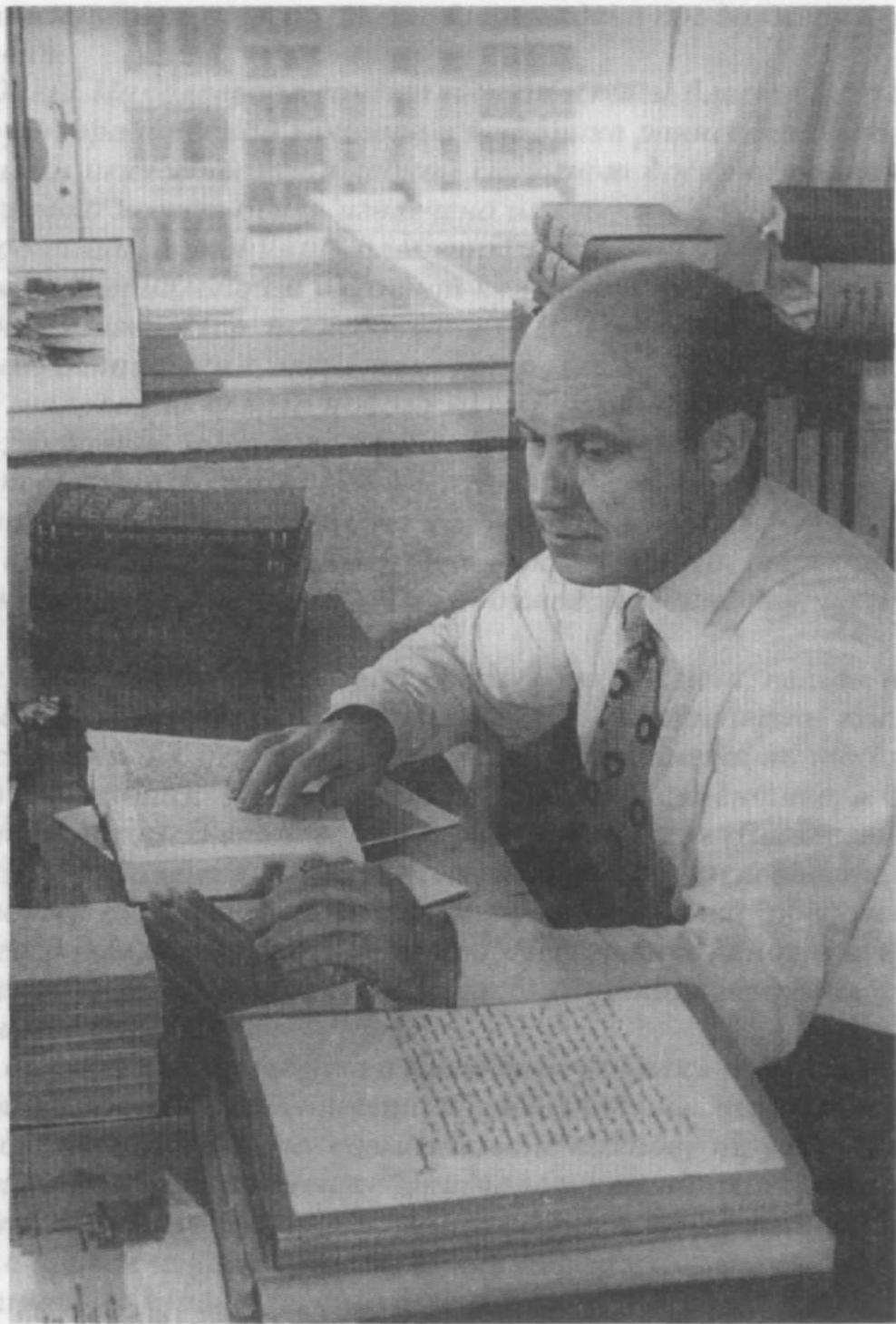
ФЕ АНН

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю.Д. Апресян И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, В.А. Виноградов (зам главного редактора),
В.Г. Гак, В.З. Дельянов, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская,
Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик (зам главного редактора)
М.Н. Маковский (отв. секретарь), А.М. Молдован, Т.М. Николаева (главный редактор),
В.А. Плузган, Е.В. Рахилина

Зав. отделами М.М. Маковский, Г.В. Строчкова, М.М. Коробова
Зав. редакцией Н.В. Ганнус

Адрес редакции 121019 Москва, Г 19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка имени В.В. Виноградова
редакция журнала 'Вопросы языкознания'
Тел. 201-25-16

Олегу Николаевичу Трубачеву посвящается

Уход из жизни Олега Николаевича Трубачева существенно меняет всю ситуацию в славянской этимологии, потерявшей слишком многое. Утрата невозместимая, по крайней мере здесь и сейчас. Дело, которому Олег Николаевич посвятил без малого полвека последовательной, упорной, целеустремленной работы, поразительной по ее результатам, оказалось теперь в угрожаемом положении несмотря на то, что Олегу Николаевичу удалось сплотить вокруг “Этимологического словаря славянских языков”, идея которого принадлежала именно ему и поначалу казалась фантастической, высококвалифицированный научный коллектив, на чьи плечи ложится теперь ответственнейшая задача продолжения словаря без снижения его уровня.

В лице Олега Николаевича сочетались ипостаси блестящего этимолога широчайшего кругозора и редкой глубины и историка раннеславянского периода, который с большим искусством и высокой степенью достоверности оперировал всем тем, что только может быть извлечено из языка. Скрупулезное исследование гидронимии, оронимии, топонимии, племенных названий, данных, относящихся к заимствованиям, материальной и духовной культуры древних славян, их связей с соседями по данным языка (ср. исследования О.Н. Трубачева по иранским, фракийским, иллирийским, балтийским элементам, отразившимся в славянских языках, не говоря уж об открытии целого нового материка индоарийской речи в Причерноморьи) – вот, вкратце, тот широчайший охват материала, проблем, задач, который характеризовал возможности и способности покойного ученого. При этом все это бралось не порознь, не по случайным поводам, не по принципу “а вот еще...”, но как составные части органического целого, вырастающего из многого и разного, казавшегося не только не сводимого к единству, но и вообще несовместимого.

Проследивая научную эволюцию Олега Николаевича, нельзя не удивляться его стратегическому дару, умению оптимально выстраивать последовательность задач и достигать их решения. Особо следует отметить то внимание, которое он уделял в своих этимологических исследованиях семантике, в частности, семантической типологии. В этой сфере первенство Олега Николаевича неоспоримо.

Путь О.Н. Трубачева в науке был поразительно последователен. Он был человеком, который с детства имел перед собою свой план, представляя себе задачи, стоящие перед ним, и путь к их решению. Несомненно, многое сугубо личное – серьезность, основательность, трудолюбие, дисциплина отразились и во всем том, что он делал.

Память об Олеге Николаевиче и признание его исключительных заслуг в славистике и этимологии в особенности обязывают нас выполнить три важнейших дела – издать собрание (по возможности полное) трудов Олега Николаевича, продолжить и довести до конца “Этимологический словарь славянских языков”, подготовить и издать сборник научных статей, посвященный памяти Олега Николаевича, с привлечением к участию как российских, так и иностранных ученых. Но и выполнив эти три дела, едва ли сможем мы, знавшие Олега Николаевича Трубачева и тем более работавшие вместе с ним, избавиться от чувства сиротства, но и от гордости быть его современниками.

В.Н. Топоров

© 2003 г. О. Н. ТРУБАЧЕВ

КНИГА В МОЕЙ ЖИЗНИ*

Пришло время, и эти вопросы задали также мне. Какой-то свой ответ на них в той или иной форме готов, наверное, у каждого из нас, коль скоро все мы учились по книгам, да и сейчас большую часть новой информации черпаем из книг, хотя иные горячие головы уже толкуют о новых формах и источниках информации в будущем

"Книга в моей жизни?" – это, конечно, вопрос, обращенный к нашему детству, отрочеству и юности, а не только к зрелому возрасту, и я рад отметить, что мое детство в этом смысле (да и в других отношениях) сложилось счастливо. Я вырос в семье, где любили книгу. Это было в 30-е годы, в довоенном Сталинграде. Отец, молодой тогда врач, собирал библиотеку из русской и мировой художественной классики. Возможности для этого были небольшие, условия жизни – скромные, ничего похожего на нынешний "взрыв" библиофилии и библиомании, разумеется, не было, любители и ценители книг знали друг друга подчас наперечет, также как и букинистов и переплетчиков. Отец, например, сам мог переплести книгу. Он ездил в магазины, брал иногда с собой и меня, и книги постепенно занимали свои места в большом стеклянном шкафу. Их, я думаю, никогда не было очень много, возможно, не больше тысячи, но они систематически и умело подбирались.

Та довоенная наша библиотека погибла в Сталинграде осенью 1942 года, поэтому не все, находившееся в ней, успело найти путь к мальчишескому сердцу. И все-таки я сумел много взять от этой библиотеки. В ней были русские и советские издания – их выпускали ЗИФ ("Земля и фабрика"), КОГИЗ и, конечно, "Academia", – а также многотомные собрания сочинений авторов, которые никогда и нигде потом мне в таком количестве не встречались, например, английского автора приключенческой литературы капитана Мариетта.

Надо ли говорить, с каким увлечением я поглощал тогда эти "морские приключения", к тому же хорошо иллюстрированные. Именно благодаря его роману "Корабль-призрак" я еще тогда приобщился к распространенному сюжету мировой литературы и культуры – легенде о Летучем голландце. И сейчас еще, когда, бывает, машинально прочтешь и расшифруешь литеры FD (Flying Dutch – Летучий голландец) на парусах яхт соответствующего класса, где-то краем сознания проплывет это леденящее, мрачноватое повествование капитана Мариетта.

Вообще приключенческой классики было у нас много: в том числе, разумеется, Ф. Купер, Жюль Верн, тоже ЗИФовский, очень комплектный (так его потом у нас никогда не переиздавали) и сопровождаемый большим количеством отличных иллюстраций французских художников. Смешно сказать, но когда мне – уже для каких-то нынешних научных изысканий – понадобился малоизвестный роман Жюля

* Предлагаемая статья О. Н. Трубачева печатается по машинописному тексту, хранящемуся в семейном архиве. Впервые была опубликована в "Альманахе библиофила" 1984 г., вып. 16 (издавался с 1973 по 1993 г. М., "Книга"). Надеемся, что и нашим читателям будет интересно узнать более подробно о той роли, которую играли книги в жизни Олега Николаевича, в становлении его как ученого

Верна "Упрямец Керабан", то его нашли в Москве только по межбиблиотечному абонементу, в Библиотеке им. В.И. Ленина, и только... в издании ЗИФ. Так что мне передали как бы привет из детства.

Начал я свои книжные воспоминания с "приключений" и "путешествий", потому что ничего так не любил, как их. В моем детском сознании эти два дорогих для меня слова даже слились и как бы синонимизировались. В жизни это получило свое преломление. Путешественником и моряком я не стал (хотя о последнем определенно мечтал), но манящая экзотика закладывала основу будущих интересов, питала фантазию и через нее – интуицию. С детства полюбил географию, а, по словам моего старого близкого коллеги, которого теперь уже нет в живых, если ребенок проявил интерес к географии, значит, полюбит филологию. Так я, видимо, пришел в филологию, а в этимологии, в которой профессионально работаю, без фантазии и интуиции нечего делать (впрочем, это, кажется, можно сказать и о многих других науках)

До серьезной русской классики в те далекие годы я еще не дорос, но, конечно, успел полюбить сказки – и "Сказки" Пушкина, и трехтомник Афанасьева, и многие другие. Надо сказать, что в 30-е годы у нас умели изумительно издавать книги, в том числе и этого рода. Как прекрасны, например, были "Сказки" Перро с дивными иллюстрациями (до сих пор помню обложку и гравюры).

В то время очень активно издавались наши национальные эпосы, и я читал с интересом и армянского "Давида Сасунского", и калмыцкого "Джангара". А тогдашний юбилей Руставели! Он породил чудесное иллюстрированное издание поэмы "Витязь в тигровой шкуре". Но фантастика, так называемая научная, меня трогала мало, с недоверием читал имевшегося у нас Уэллса и "Гиперболоид инженера Гарина" А. Толстого.

С признательностью храню память о милой дешевенькой серии "Книга за книгой". Именно благодаря ей запали в душу и "Роланд-оруженосец" Жуковского, и "Тёма и Жучка" Гарина-Михайловского, и "Стойкий оловянный солдатик" Андерсена, и множество другого хорошего. "Книга за книгой" имела, судя по всему, широкую издательскую программу. Она предоставила возможность прикоснуться к творчеству нидерландского писателя Мультиатули – прочитать книжечку "Саиджи и Адинда".

Вспоминаю, как ввиду моего неестественно тихого поведения меня находили обычно склонившимся над книгой, особенно если это была "книжка с картинками". Незаметно для себя я учился быть усидчивым, а усидчивость – добродетель не последняя для того, кто создает словари, что я и делаю сейчас, работая над многотомным "Этимологическим словарем славянских языков", первым в нашей стране (ранее мною подготовлен – переведен и дополнен – четырехтомный "Этимологический словарь русского языка" М. Фасмера). Тогда же я на практике, не сознавая этого, постигал великую истину, что книга – *vehiculum informationis*, что можно посетить Африку и побывать в Древнем Риме (помню, меня потряс "Спартак" Джованьоли), не покидая комнаты. Это тоже воспитывало навыки будущего кабинетного ученого. Хорошее изучение литературы – верный и наиболее экономный способ изучения предмета.

Я забыл сказать, что в доме у нас царила аккуратность, отчего у меня выработалась стойкая неприязнь ко всякому "живописному беспорядку", "рабочему беспорядку" на письменном столе; я не верю, что за этим всегда стоит творчество и богатство мыслей. К книгам это имело самое прямое отношение: они не пачкались, не мялись, не загибались, не клались куда попало. Это был культ книги (причем необязательно старой и редкой, об этом – далее). Поэтому книгу и не давали кому угодно. Это была семейная библиотека (сейчас охотно популяризуют опыт семейных библиотек, превращаемых в районные, поселковые, словом – публичные, тут, конечно, возможны разные мнения). На меня, на отца производили тягостное впечатление случаи потребительского, небрежного отношения к книгам.

Воспоминания уходят в то прошлое, когда притягательный стеклянный шкаф был аккуратно закрыт, из-за стекла манили толстые корешки книг. Какие же это были книги? Среди них – "Гаргантюа и Пантагрюэль" Рабле, как известно, виртуозно переведенный на русский язык и хорошо изданный, с иллюстрациями непревзойденного Гюстава Доре. Я себе просто не представляю этого писателя иллюстрированным кем-нибудь другим.

Так и запомнились автор и художник в своей неразрывной конгениальности. Возрожденческая жизнь бьет ключом на этих картинках.

За стеклянной дверцей шкафа стояли книги, знакомство с которыми тогда было и останется навсегда для меня прекраснейшим переживанием моей жизни: "Жизнь Робинзона Крузо" Дефо и "Путешествия Гулливера" Свифта. Это замечательные издания "Academia" с иллюстрациями Гранвиля. Прекрасный художник-иллюстратор объединил обоих писателей, не питавших при жизни друг к другу добрых чувств (особенно Свифт), как мне стало известно много позже. Не все иллюстрации Гранвиля, как и Доре, подходили для детских глаз, особенно в книге язвительного Свифта, но мастерство художников покоряло детскую душу, и я полюбил эту жизнь и эту природу, принялся рисовать пальмы, корабли, оружие, предметы и – как мог – людей.

До сих пор мне зрительно памятен тщательный гравюрный штрих Гранвиля, кафтаны с обшлагами, башмаки с пряжками. С натуры я никогда рисовать не учился, но гранвилевские рисунки срисовывал с таким тщанием и упорством, что взрослые обратили на это внимание, хвалили, показывали друг другу. Я считаю невозможным издавать "Робинзона Крузо" и "Гулливера" с какими-то иными иллюстрациями, это только погубит достигнутое единство образов. Если добавить, что я тогда подолгу играл в Робинзона Крузо, лежа с ружьем в засаде среди нарисованных и вырезанных из бумаги пальм, то станет понятным, что содержание книг стало содержанием и моей жизни. Величие трудов и терзаний Робинзона Крузо детская душа почувствовала раньше, чем ум научился понимать.

Ученый Свифт был интересен мне и позже, как этимологу, своим остроумным выдумыванием для великанов имен на кельтской (ирландской) основе, а также пародийными рассуждениями насчет споров об этимологии названия летающего острова Лапута (позже я прочел это и по-английски).

Из этого же стеклянного шкафа извлекался, к моей радости, двухтомный "Дон Кихот" Сервантеса издания "Academia", иллюстрированный уже упоминавшимся Доре. Был в хорошем довоенном издании и Шекспир, если говорить о современниках Сервантеса. К слову сказать, Сервантес и Доре тоже образовывали неповторимое классическое единство. Так получилось, что я, не прочитав еще "Дон Кихота" по-испански, читал его, кроме русского, еще и (частями) в польском и литовском переводах, и всякий раз это были книги, иллюстрированные Доре. Мне непонятны поэтому попытки иных художников заменить Доре в новых изданиях "Дон Кихота". Это невозможно.

Прекрасное сопереживание возникает у нас, когда мы знакомим с этими сокровищами своих детей. Так было, например, при чтении сыну детского издания "Робинзона Крузо". Тогда вновь я почувствовал эту подлинную поэму труда и добрых помыслов (когда сам маленький, то многого не видишь за пальмами и дикарями). В одну из прогулок с сыном мы купили в магазине "Букинист" на Ленинском проспекте "Робинзона Крузо" издания "Academia" 1932 года, несколько потрепанного, помню, за 3 рубля. Лет 20 назад это еще было возможно. А сейчас, говорят, тех изданий "Academia" не найти, а полная коллекция книг "Academia" – это редчайшая вещь!

До сих пор речь шла в основном о семейной библиотеке, о книгах в стеклянном шкафу. Но я читал тогда, разумеется, не только свои, но и книги городской библиотеки. Одной из них, если не ошибаюсь, была крупноформатная книга "Черногорские сказки и легенды". Они затронули меня тоже очень глубоко. Новые сюжеты, имена, новые слова (из этой книги мне, видимо, впервые врезалось в память слово *пучина* – о

море). До войны были прочитаны и близкие мне по духу и содержанию "Песни западных славян" Пушкина. Пушкинские строчки сами укладывались в детской памяти, эпический их тон очаровывал, а незнакомые прежде слова и имена только разжигали интерес: два могучих *бей* побрались; *Стамати* был стар и бессилён, а Елена молода и прекрасна... Разумеется, на всю жизнь и наверняка ещё с тех лет запомнился страшный пушкинский *вурдалак* – слово и образ. Я много думал, уже став филологом, о слове *вурдалак*, даже пытался его (ошибочно) этимологизировать в начале своей ученой карьеры. Конечный, отстоявшийся итог этих размышлений о вурдалаке нашел отражение в подготовленном мною словаре Фасмера. Но сейчас речь о другом – пожалуй, о зачатках интереса к славянству, которые заронили эти хорошие книги. Дело в том, что перед самой войной мне встретились в детском журнале и запомнились эпические стихи черногорского поэта Радуле Стиенского. Я хранил о них теплое воспоминание долго и бережно.

На этом впору и кончить воспоминания о книгах моего детства и перейти к книгам отрочества и юности.

С годами число книг в поле моего зрения, естественно, росло, хотя события жизни не благоприятствовали спокойному чтению. Шла Отечественная война, и семья переезжала на новые места жительства. Чтение в то время не могло не быть случайным. В доме приютившего нас дяди, врача-хирурга, в Горьком, были прочитаны в 1942–1943 годах и запомнились "Илиада" Гомера в переводе Гнедича (очень хорошее дореволюционное иллюстрированное издание). В одном толстом журнале тех военных лет попало описание Грюнвальдской битвы в отрывке из "Крестносцев" Г. Сенкевича, и это чтение стало событием для меня, предвавшим позднее прочтение в оригинале практически всех крупных романов этого необыкновенного польского писателя.

Тяжелая война воспитывала и славянское чувство, отнюдь не в ущерб библиофильскому интернационализму. Замечу, что моим первым иностранным языком был немецкий. А мое серьезное изучение языков началось на Украине, куда мы переехали после ее освобождения нашими войсками. Тогда мне было 14 лет. До этого – в 12 лет – прочел "Войну и мир" Толстого, так сказать, в первом приближении, чтобы вернуться к нему потом, когда мог читать там на французском письма и длинные пассажи.

Украинский город Днепропетровск поразил обилием осевшей в букинистических магазинах трофейной литературы на иностранных языках. Занималась новая мирная жизнь, а с ней крепли и ширились новые интересы. Меня и раньше влекло ко всему написанному не по-русски. Латинские буквы я пытался употреблять сам, для передачи русских слов, это была моя детская игра. Написанное на иностранных языках диковинными сочетаниями букв слово привлекало и было непонятным, вызывая стремление его "узнать". Так обретало форму мое путешествие в неизвестное. Узнавать в новом обличье уже знакомое – увлекательное занятие. Так были прочитаны вновь, но уже на немецком, с удивлением и захватывающим интересом, помогавшим одолевать трудности, знакомые немецкие сказки. Тот монументальный немецкий "Märchenbuch", преодоленный в 15-летнем возрасте, запомнился на всю жизнь.

Чудесное узнавание старых знакомых – сказок и сказочников – одухотворяло тонким романтизмом все это сугубо самостоятельное занятие, включая заучивание слов, и требовало большой усидчивости, буквально "прикипания к стулу". Немецким словарным составом я овладел действительно основательно, и это пригодилось позже.

В 1945–1946 годах мне приходилось читать, порой без системы, весьма трудные, даже труднейшие книги. Всякий хороший педагог пришел бы от этого в ужас, но я после "Книги сказок" (неадаптированной, правда) начал "Фауста" Гете... Конечно, прочитать к 16 годам в оригинале полного "Фауста" значило понять в нем едва ли одну четверть. Но затем я перечитывал его вновь и вновь; в конце концов прочитал немецкий текст четыре раза.

Возможности перечитывать Гете были – он перебивал у нас в нескольких немецких изданиях. Сначала – 15-томное собрание его художественных сочинений, затем –

роскошное, в нескольких больших томах, абсолютной сохранности, иллюстрированное лучшими немецкими художниками, издание поэта, вышедшее к 50-летию со дня смерти – в 1882 году в Штутгарте.

В 1947–1948 годах удалось приобрести полные собрания сочинений Шиллера и Гейне в превосходных немецких изданиях большого формата. Я прочел их целиком. Особенно (т.е. больше, чем Гете) я любил как поэта прямодушного и романтического Шиллера. В этом издании он открылся мне не только как автор баллад, поэм и драм, но и как историк ("История Тридцатилетней войны", "История отпадения Нидерландов от испанского правительства"). Надо ли говорить, какая это была школа в изучении немецкого языка, в познании Германии, в эстетическом воспитании.

О том, что Шиллер – поэт юности, уже сказано другими. Гейне я любил как-то меньше, чем Гете и Шиллера. Тем не менее пища для ума и сердца имелась первоклассная. Посещая букинистические магазины и приобретая редкие книги по очень недорогой тогда цене, мы с отцом вскоре собрали неплохую библиотеку европейских классиков – в оригинале.

Больше всего было немецкой литературы – несколько сот томов Гете, Гейне, Шиллера, Виланда, Лессинга, Клейста, Кернера, Шамиссо и ряд других; собрания сочинений философов – Гегеля и Шопенгауэра; книги по всемирной истории, искусству; был даже четырехтомник Фрица Ройтера. Большую часть собранной немецкой классики я прочел тогда же – на свежую, молодую голову. Был еще на немецком языке, т.е. в переводе, образцово изданный Генрик Ибсен в 20-ти томах. Я много читал Ибсена именно в этом издании. Мы собрали оригинальные издания французской литературы (Расин, Мольер, Лафонтен; "Жиль Блаз" Лесажа, "История крестовых походов", "История французской литературы" Г. Лансона), и я, надо сказать, успел тогда же, в студенческие годы, много одолеть из этого; было немало английской (хотелось бы особенно отметить оксфордский 12-томник Шекспира).

Как видно из рассказанного, мое вхождение в филологию продолжало осуществляться с помощью книг, особенно благодаря проявившейся склонности к языкам. Кончая среднюю школу, я уже свободно читал по-немецки, по-польски и регулярно занимался чтением на французском и английском языках. Приобретенный тогда скромный чешско-русский словарь под редакцией П.Г. Богатырева 1947 года – "памятник" начавшемуся интересу к чешскому языку; приобрел я и учебник болгарского языка С.Б. Бернштейна 1948 года. Старый польско-русский словарь издания 1931 года, купленный году в 1946-м, служил мне очень исправно, но рано перестал удовлетворять, а потому поля его страниц были покрыты моими тогдашними "дополнениями". Это по большей части толкования редких слов и географических названий, встреченных в прочитанных студентом романах Сенкевича на польском языке.

Охотно приобретались тогда отдельные книги на итальянском языке. В связи с этим приходилось обращаться к учебникам итальянского и испанского языков (правда, серьезно углубиться в них я не успел). Даже был приобретен учебник японского языка в двух частях Холодовича, но тоже без особого результата: Восток меня мало привлекал.

Пережив потерю первой нашей библиотеки в Сталинграде, отец с новым жаром, поддерживаемым уже моими интересами, принялся собирать вторую семейную библиотеку. Она и на этот раз количественно не была большой, но подобрана была неплохо и имела ряд ценных изданий. В те годы необычайно широко развернулась издательская деятельность. По подписке можно было приобрести за короткое время несколько десятков собраний сочинений лучших русских и зарубежных писателей.

Хочется добрым словом упомянуть деятельность нашего Издательства иностранной литературы в те годы, выпустившего в оригиналах много классики. Купер, Байрон, Диккенс, Золя и другие в советских изданиях тоже активно покупались и читались мной тогда. Книгу "Жерминаль" Золя по-французски, помню, я прихватил с собой даже в летнюю уборочную пору в колхоз, будучи студентом. И как символ книжных интересов тех лет вспоминается диковинная книжка, изданная в дореволю-

ционной России и выуженная нами из букинистических развалов (почему-то она была в обложке тома свода законов Российской империи), – сказка "Мать" Андерсена на 26 языках. Эта печальная мудрая сказка, которую прочел в некоторых переводах, послужила воспитательным средством против юношеской гордыни.

Ни одна библиотека, как бы велика она ни была, не может удовлетворить вполне своего читателя или собирателя. Я имею в виду и тех своих знакомых московских ученых, которые ухитряются в двухкомнатной квартире держать библиотеку в 5 тысяч томов, а в трехкомнатной – даже 30 тысяч томов! Не может удовлетворить одна библиотека, даже государственная, научного работника, исследователя, как не удовлетворяют, я уверен, своих владельцев названные мной для примера две частные библиотеки, но задавить и выжить человека из собственного жилья они могут вполне. О себе скажу, что я слишком хорошо понимаю, как много нужно книг на самом деле, а потому давно приучил себя обходиться библиотечным и межбиблиотечным абонементом. Словом, "почитание книжное" (по Ярославу Мудрому) и книжное собирательство – вещи все-таки разные, хотя я не хотел бы обязательно бросить тень на последнее. Создание хороших библиотек – по-своему прекрасное дело, но в нем есть риск, даже если это не снобизм. Если разобраться, создание библиотеки – это большое самостоятельное дело, оно поглощает и сковывает силы, требует времени, места. Как это ни парадоксально, создание даже целенаправленных научных библиотек отвлекает от занятий наукой, такие примеры тоже известны. Так что приходится выбирать.

Последние 10 лет я совсем не приобретаю художественную литературу, а научную приобретаю с большим выбором, единицами, а библиотека растет, полки не хватает! Дело в том, что я состою в научном обмене с немалым кругом лиц и получаю от них, а также от тех, с кем даже и не состою в таком обмене, еженедельно, если не ежедневно, довольно много новинок. Дарственные экземпляры составляют к настоящему моменту уже значительную часть моей библиотеки. Этот научный книжный обмен с коллегами очень ценен и оперативен, книги, которые я получаю таким путем, не сразу появляются в московских библиотеках.

Так я незаметно перешел на разговор о научной библиотеке. Я выбрал (не вчера) свой путь, а с ним и свой тип личной библиотеки. Но главное, что при этом надо иметь в виду, – это то, что, помимо личных словарей, справочников и прочей подобной научной литературы, у меня, у каждого из нас, работников науки, есть в обороте то, что можно назвать *библиотекой читаемой литературы*, или точнее, литературы абонируемой, которая лишь временно занимает мой стол и книжные полки, хотя в моей жизни, в моих исканиях играет важную роль.

Библиотечные книги дарили мне радость и в раннем детстве, я уже говорил об этом. В студенческие годы я, конечно, более систематично обращался в библиотеку (главным образом, университета, факультета). Замечу только, что это не было преобладающим источником моего чтения и учения. Основная масса русской классики, необходимой для студента-филолога, у меня имелась дома. Помню, что я стремился прочесть как можно больше произведений западноевропейской литературы в оригинале и прибегал при этом нередко к помощи университетской библиотеки, читая Мопассана, Барбюса, Роллана, Гауптмана и других, если их не было дома. Стремление студента-русиста читать изучаемую литературу по возможности в оригинале, может быть, и отдавало, как сейчас сказали бы, "пижонством", но в нем присутствовали и интерес к книге, и требовательность к себе.

Москва, годы аспирантуры, дальнейший научный путь вдали от родительского дома многое переменяли в привычном образе жизни. Публичная библиотека, библиотека института стали надолго основными поставщиками книжных знаний, даже впоследствии, когда я предпочитал работу над книгами в своем кабинете. Конечно, радужные представления молодого человека о богатстве столичных библиотек сменились зрелыми суждениями научного работника, познавшего и разочарования. Главный источник огорчения – некомплектность периодических или многотомных изданий. Именно

нужного тебе тома нет – им кто-то раз и навсегда "поинтересовался". Это всегда очень досадно.

Бывают, наверное, в нашей жизни какие-то "заколдованные" по своей недоступности нужные книги. Так у меня было с Плинием. Я никакими судьбами не мог получить через московские библиотеки книги IV–VI его "Естественной истории". Для курьеза отмечу, что и в ряде европейских университетов, когда я отыскивал Плиния на полках филологических и исторических семинаров, книги IV–VI всякий раз отсутствовали. Что же, я понимаю тех, кто меня опередил: эти книги, наверное, самые интересные во всей плиниевской энциклопедии древних знаний. Я рад, что мне, наконец, удалось прочесть в них то, мимо чего многие проходили. Но, чтобы сделать это как следует, пришлось добыть своего Плиния, специально списавшись с зарубежными коллегами (по счастью, "Естественная история" как раз вновь переиздавалась). "Свой" латинский Плиний и "свой" греческий Геродот в лучших изданиях смотрят на меня с полком (к прочтению и пониманию последнего я тоже приложил свою исследовательскую руку). Они – мои спутники и добрые помощники в путешествии в неизвестное, когда я ищу следы древнего неопisanного языка и этноса в античном Северном Причерноморье.

Я лексикограф, составляю и издаю, как уже было сказано, особые книги – словари. Предрасположение к этому обозначилось, думаю, рано, еще в школе. Под влиянием своих упорных занятий немецким языком я вознамерился делать свой немецко-русский словарь, который, как мне казалось, должен был отличаться от существующих, даже составил (в тетрадке) большой начальный кусок этого словаря. Разумеется, это была компиляция из других знакомых словарей, но с посылными моими дополнениями из прочитанного.

У человека, который не только читает книги, написанные другими, но и сам их пишет, отношение к книгам особое. Книга, с одной стороны, для меня – лелеемый, оберегаемый предмет (усвоенное с детства "не загибать углов, не пачкать..."), с другой стороны – это орудие моего повседневного труда. Натренированный глаз, читая, выхватывает ошибки автора или издателей, рука привычно держит карандаш, делая на полях легкие пометы, необходимые для заострения внимания, особенно при повторном чтении и использовании книги для работы. Пометы различные – от лаконичных птичек-галочек и нотабене до порой довольно подробных примечаний, которые потом входят частями текста в мои работы. Такие дополнения-приписки есть и на полях книг, вышедших из-под моего пера. Иногда это реакция досады в свой адрес – своевременно не сообразил описать, объяснить так, как сейчас представляется совершенно очевидным. Простейший пример. В моем русском переводном издании "Этимологического словаря русского языка" Фасмера оставлено необъясненным слово в следующей словарной статье: "*Катетка* – небольшой головной платок, астрах. Темное слово". Абсолютно ясно (теперь), что это не что иное, как диалектный вариант слова *кокетка* (как это раньше не догадался? Случай смещения мягких *к* и *т* обычны в русских народных говорах. Еще с детства и тоже с Нижней Волги мне знакомо слово *пашкет*, местное видоизменение литературного *паштет*). Так и останется эта карандашная приписка в моем личном Фасмере, а это, если хотите, маленькая, но этимология, истолкование ранее не объясненного слова. Одно дело – бесспорная заповедь не портить книг, а другое дело – грамотные карандашные пометы на полях автора, исследователя, владельца книги.

О моей работе над переводом словаря Фасмера хочется рассказать особо.

Как известно, "Этимологический словарь русского языка" Макса Фасмера был выпущен издательством "Карл Винтер" в Гейдельберге в 1950–1958 годах, т.е. четверть века тому назад. Этимологические словари имеют свою судьбу, они стареют, как люди, которые их пишут, они тоже не бессмертны. Их благополучие и продолжительность жизни зависят от того, как с ними обращаются и хорошо ли их "питают", – я имею в виду издания и дополнения. При этом, естественно, ни одно новое издание, ни одно дополнение не вправе считаться совершенным и полным, наиболее

естественный ход вещей – это когда за хорошим следует лучшее (не будем сейчас говорить о возможности обратного). Прежде чем рассказать о своем опыте, я хотел бы отметить, касаясь собственного перевода и дополнений к словарю Фасмера, что полностью отдаю себе отчет в тех или иных недостатках или неровностях этой работы. Сейчас, наверное, я сделал бы кое-что иначе, объяснил бы еще некоторые случаи, оставшиеся тогда неясными, но многое я и сегодня оставил бы как есть, и это, конечно, приносит удовлетворение от сознания правильности выбора или решения.

Инициатива издания русского Фасмера в стране русского языка находит свое начало если не в предложениях московского съезда славистов (IV Международный съезд славистов 1958 года), то, во всяком случае, в том прекрасном духе этого съезда и последующего за ним времени. 72-летний профессор западноберлинского университета Макс Фасмер прибыл в Москву (уже во второй раз после войны, первый раз был в 1956 году в связи с Международным комитетом славистов), принял участие в конгрессе, был глубоко потрясен теплым приемом. У нас все еще помнят его трогательную речь в актовом зале Московского университета.

Короче говоря, вскоре возникла идея русского перевода его словаря. Издательство иностранной литературы предложило мне заняться переводом, в январе 1959 года был заключен договор, и я принялся с воодушевлением за дело. В апреле 1961 года работа была окончена, и рукопись в 3200 машинописных страниц, примерно 160 авторских листов (оригинальный текст плюс этимологические и литературные поправки и дополнения переводчика), была передана редакции языкознания издательства. Те два года были для меня, молодого кандидата филологических наук, отличной школой.

Определенная подготовка для такой работы у меня была. Несколько лет уже были посвящены этимологическим исследованиям; близкое знакомство с только что опубликованным этимологическим словарем Фасмера позволило мне выступить с докладом об этом словаре на специальном заседании в Академии наук СССР в 1959 году (см.: Вопросы языкознания, 1960, № 3). Своевременность выхода словаря Фасмера в свет, высокий научный уровень труда, богатый словник (диалектная лексика, включение украинских и белорусских слов, серия статей по ономастике, особенно украсивших этот словарь, богатая библиография, трезвый этимологический анализ, непредвзятость) – таков был тогдашний вывод.

С окончанием перевода словаря Фасмера трудности не кончились. Скорее, наоборот. Перевод мог бы выйти из печати значительно раньше, на самом же деле публикация длилась 9 лет (1964–1973). Дело оказалось новым и не совсем обычным, издательские планы, как всегда, были перегружены, русский Фасмер нуждался в специальной печати, требовалась академическая типография.

От издательства "Карл Винтер" пришел запрос (переданный мне устно профессором Гертой Хютль-Ворт), действительно ли мы планируем у себя русское издание словаря Фасмера – в Федеративной Республике Германии намеревались предпринять второе издание. Первое немецкое издание Фасмера насчитывало 2 тысячи экземпляров, если не ошибаюсь. Наше русское было в десять раз больше. К сожалению, сам Фасмер не дожидаясь его выхода. Но еще перед смертью, в 1962 году, он узнал о намерении издать его словарь на русском языке. Несколько озабоченный этим, он написал академику В.В. Виноградову, тогдашнему академику-секретарю Отделения литературы и языка АН СССР. Как только я узнал о его опасениях, послал ему образец своего перевода с примерными дополнениями в квадратных скобках.

Но вернусь к своей домашней библиотеке. В моем обиходе нет и никогда не было книг рукописных, старопечатных, редчайших. Согласен с тем, что их поиски – это тоже род путешествия в неизвестное, со своими колумбами и со своими прекрасными открытиями. Я работаю и ишу в другом измерении – во времени, когда еще не было книг, не было письма – даже у греков или у еще более древних цивилизаций. Может быть, поэтому у меня спокойное отношение к старым книгам: в сравнении с праславянскими и праиндоевропейскими древностями все это – новая литература. Углубле-

ние в реконструируемые тысячелетия наделяет иным видением кардинальных проблем. Взять хотя бы проблему литературного языка: в представлении специалистов по письменной истории литературный язык – это обязательно язык *письменной* литературы. При этом недооценивают тот факт, что литература – это прежде всего не письменность, "буквенность" (таково в самом деле начальное значение латинского *litteratura*), а *словесность*, которая всякий раз начинается как *устная* словесность, что главнейшая особенность ее возникновения и употребления – наддиалектность. Гомеровские поэмы – это уже литература, литературный язык, только со временем обретшие письменную форму. Такое понимание исторического места книг и книжности приходит не сразу, и к нему более восприимчивы исследователи дописьменных эпох. Русисты и специалисты близкого профиля, как я заметил, не расположены к такому пониманию, оно их шокирует...

Таким образом, редкие книги я созерцал только в музеях и в чужих собраниях. Впрочем, не только в музеях. Помню, увидел *прижизненное* издание "Путешествия из Петербурга в Москву" Радищева, причем увидел при потрясающих, можно сказать, обстоятельствах – в руках одной студентки, моей сокурсницы, известной среди нас своим отставанием и неуспеваемостью. Студентка глядела в небрежно раскрытую книгу, сидя в университетском клубе, и ответила на мой изумленный вопрос (я понял, что передо мной – запрещенный уникум конца XVIII века), что книга из университетской библиотеки. Жалею, что не поинтересовался последующей судьбой этой книги...

На этом месте я хотел бы и расстаться с внимательным читателем, выразив убеждение, что книголюбие, как и все на свете, кроме общих представлений и стандартных правил, облекается у каждого из нас в индивидуальную форму, обретает своеобразие и отличия, и эти последние, думается, представляют наиболее живой интерес.

© 2003 г. Г. А. БОГАТОВА

БИБЛИОТЕКА В ЖИЗНИ О.Н. ТРУБАЧЕВА

В ответном слове на 70-летие О.Н. Трубачева, где он говорил о некоторых итогах главных занятий и увлечении своей жизни – есть один предмет, о котором сказано было не раз и с нежностью – это Шереметьево, его Шереметьевская библиотека. Увлечение отца перешло к сыну. Библиотека, конечно, уникальна: Олег Николаевич собирал ее сам для этимологических исследований, для "Этимологического словаря славянских языков". Но она собиралась и сама – как эхо на его исследования сюда приходили книги, статьи, оттиски как продолжение его трудов, как их популяризация в учебной литературе. Значительную часть составляет и "дискуссионный" фонд. Во всяком случае, научная составляющая библиотеки – это главное.

Строго говоря, библиотека слависта Олега Николаевича Трубачева намного шире его собственных славянских интересов. Его ученик и соратник Леонид Александрович Гиндин писал: "Олег Николаевич представляет собой целый континент в науке" (Биобиблиография ученых, 1993, с. 7). Он действительно, представлял особое явление. И так же, как сцеплен между собой весь мир, так слобжены и сложны его интересы лингвистические, которые хотелось бы назвать скорее энциклопедическими. Олег Николаевич каждый раз говорит о картине мира, отраженной в языке, о космолизме, о соборности и открытости русской науки всему миру, умении жить не только своими собственными проблемами. Он считал, что это стиль русской науки, ее особенность. Не раз читатель или собеседник замечал: "Ваша планка высока, но, пожалуй, все вместе, всем миром одолеем мы этот путь успешно". Близкие и друзья знали, однако, что эту планку он отлично держал сам, не полагаясь даже в соборности на большую коллективность. О.Н. Трубачев был высоко одаренной и высоко организованной индивидуальностью. О нем трудно было сказать, кто он – русист, славист, индоевропеист: смолоду был, что называется, "быстротец", легко при этом постигавший язык за языком. Но вопрос, сколькими же языками он владеет, каждый раз приводил его в смущение: "Да я просто работаю с ними. А владеть... Это, знаете ли, и русским всю жизнь овладевать нужно. Вот на языках китайском, японском и других языках восточного мира и Африки совсем не читаю, там пока нет, правда, и сильной славистики". Но он так полно жил и творил "в Европе" (почти не выезжая за пределы дачного поселка Шереметьево и не покидая своей библиотеки), что "континентальность" в нем отлично проступала и в провинциальном поселке. В трудах, написанных в Подмосковье, и фундаментальность, и монументальность, и глубина соображений, гипотез, реконструкций была такой, что последнее слово в русистике, славистике, индоевропеистике, так уж получалось, часто оставалось за ним. Его слова ждали и лингвисты, и археологи, и культурологи как последнего, потому что он все успевал прочесть и был постоянно, что называется, "в материале". На Шереметьевский адрес и адрес ИРЯ РАН – Волхонка постоянно приходили новые книги, статьи, письма во множестве, а уж по тому, как Олег Николаевич умел коротко ответить, отрецензировать статью, книгу, заглянуть в суть двух-трех бегло написанных фраз – авторы понимали, как он занят сам. ИНИОН регулярно предлагал академикам услугу: присылал оглавления почти всех мировых журналов. Возможность заказать ксерокс той или иной статьи использовалась Олегом Николаевичем так полно, что в ИНИОНе считали его "чемпи-

оном по заказам" (так говорили на одной экскурсии в ИНИОН). Значительную часть ценностей этой библиотеки теперь составляют шкафы этих заказанных, всегда обработанных и аккуратно сохранных статей. При нынешней скудости библиотечных поступлений эта часть библиотеки на 15–20 языках составляет для филолога чрезвычайно ценный и уж совсем недоступный в последние годы материал. Полностью библиотека, наверное, не оставит своего места. Сейчас мы стараемся из нее вычленивать Славянскую научную библиотеку для передачи в ИРЯ РАН, чтобы легче было закончить словарь – самую тяжкую его боль и заботу. Когда Олег Николаевич в больничной палате писал статью (одновременно это доклад на съезд славистов) о 30-летнем опыте ЭССЯ, он уже знал, что это почти завещание, но вы ни в одной строке не почувствуете этого.

Научная славянская библиотека обязательно включает книги по другим европейским языкам, кроме славянских, но посвященные славистике в целом, праславянским проблемам, разным периодам изучения славянства. Книги по отдельным славянским языкам, как правило, включают этимологический или историко-этимологический словарь данного языка, исследования общего или сравнительного характера, среди них книги с автографами Р. Якобсона, О. Семереньи, В.В. Виноградова, М. Фасмера и многих других. Ряды полок с журналами, серийными изданиями по славянской археологии, книги классического мира, тюркские, угро-финские. Значительную часть составляют неславянские словари и исследования по этимологии.

Но, как ни странно, он, редко читавший лекции, накопил и некоторую часть книг, которая составила бы приличную учебную славянскую библиотеку. Подготовка архива Олега Николаевича началась с его библиотеки. Сейчас мы ее каталогизируем. И это очень непростое дело: мы – это сотрудники института, аспиранты, студенты Академии славянской культуры и некоторых других институтов. Ректор Академии славянской культуры направил их сюда на практику, понимая, какой насыщенный фон для будущих славистов составляет одно пребывание в библиотеке. Повторяю, Олег Николаевич редко преподавал, но он вдохновлялся в присутствии студентов. Приведу один характерный отрывок из его "Слова на презентации", произнесенного в Крыму в связи с выходом в свет книги "INDOARICA в Северном Причерноморье" (М., 1999), 4 окт. 2000 г. на большой конференции в Ялте (см. [ВЯ. 2000. № 3 : 155]). Презентация состоялась не только в Курпатах, но и буквально в день отъезда 14 октября, когда

«...профессор кафедры общей филологии скромного Симферопольского индустриально-педагогического института Рустем Токмеджи предложил сделать утром лекцию-презентацию и для них. Когда я взглянул на лица собравшихся в зале студентов профессора, – пишет О.Н. Грубачев, – я понял, какая трудная задача стоит передо мной на этот раз. Полон зал совершенно зеленой, юной молодежи, наверняка лишь приблизительно знакомой с языкознанием вообще, не говоря уж о сравнительном языкознании. Еще раз, еще больше акцентировать самые общие вещи из области "книга и человек"... Не забыть и о живом, сегодняшнем, крымском, способном заинтересовать их всех... И меньше углубляться в этимологическую теорию (ну, разве самую малость...). Сегодняшний Крым – это хрупкое равновесие равнопретендующих этносов – славянского большинства и остального меньшинства, прежде всего – крымско-татарского народа. Показать участие тюркского элемента (начиная с гунского периода и Хазарии), участие, благодаря которому во многом осуществилась цепочка преемственности и памяти – от древней, забытой индоарики вплоть до наших дней. Один пример представился в этом отношении счастливым, им и кончаю – тем более, что, как мне кажется, в печатном тексте книги об "индоарике" он не так "играет", растворившись в другом материале. Речь, в сущности, об очень важном, с точки зрения аргументации, подтвержденном, повторном употреблении одного и того же корня-основы: это – *danda – 'камыш', которое не только представлено в великолепной Дандаке с ее полным воспроизводством в Индии,

но и еще в двух ярких, считаю, случаях. Один – на крайнем западе региона, многократно отраженный в античном *Dandarium* и позднее – турецком *Tentege* и современным Тендра – все об одной и той же песчаной косе перед входом в лиман Ю. Буга и Днепра. Другой – в античной форме названия туземного племени на Нижней Кубани, то есть на востоке региона, – *Δανδαριοι*, дандарии. Мне как-то сразу, давно стало ясно, как надо читать, этимологизировать это имя: **dand-arya* – ‘камышовые арии’ (см. выше относительно **danda* – ‘камыш’ (кабинетная этимология иранистов – из иранско-скифского **danu-darya* – “реку держащие” (!) как бы сама собой отпадала). Все хорошо, но новая этимология рисковала бы так и остаться красивой гипотезой, если бы не подсказка с тюркской, турецкой стороны, сведением о которой я обязан такому замечательному источнику XVIII века, как “История” немецкого историка Тунмана. Именно он упоминает на Нижней Кубани, точно там, где сидели дандарии античной поры, неких *сары-камыш-козаклер* (тур.) ‘казаки желтого камыша’. Все становится на свои места, здесь нечего больше добавить. И вся прибрежная зона Северного Причерноморья обретает в нашей реконструкции реальный облик не “кипарисного” (кипарисы завезены из Греции поздно), а камышового пояса. Так было в древнем Северном Причерноморье с его относительно скудным лесным покровом, так было и в “Таврической области” времен Кучук-Кайнарджийского договора Турции и России 70-х годов XVIII века, который, заметим, специально оговаривает право окрестных жителей этих пограничных районов – собирать камыш на топку. Символично, наконец, и другое при этом: для нашего решения потребовались как бы совместные усилия двух разных филологий – индоевропейской и тюркской».

Отлично помню минуту ошеломленного молчания и взрыв аплодисментов. Не так уж зелены юные, если судить и по двум-трем вопросам.

Студентам Академии славянской культуры не пришлось встретиться с самим Олегом Николаевичем – этим летом на практику в библиотеку пришел первый-второй курс. Они посмотрели лишь несколько учебных фильмов с его участием, но впечатление от библиотеки ученого то же, и чувство достоинства, гордости за специальность, которую они выбрали. И эти отлучки (“переиздание Нидерле вчера видели на Кировском”) и возвращение с двумя томами (“для себя и для того парня: ну, помните, с гитарой к нам приезжал, из авиационного института, чинил сканер. Ему здесь так понравились книги”). И не дозовешься от полки с болгарскими или сербскими книгами (ну, ладно, это их будущий хлеб), но вот одинокая фигурка долго перебирает скандинавские издания, эффектные венгерские тома “Книга и человек”. В библиотеке у Олега Николаевича всегда на видном месте была открытка скульптора Мештровича – “Человек-пишущий”. Студент, аспирант в библиотеке – “славист-растущий”, “развивающийся”, “выбирающий”. Одна из записок рязанского студента А. Дудина в газету первоначально называлась – “Молодое поколение выбирает”, в газете же она называется “Вестник” (см. “Литературная газета” 4–10 сент. 2002 г.). Приведем только начало. “...Олег Николаевич Трубачев оставил огромное наследие, которое еще предстоит осмыслить и оценить в полной мере. Разговор о молодом поколении и трудах О.Н. Трубачева зашел не случайно – великие всегда видят дальше других и мысли их устремлены в будущее”.

© 2003 г. И. Г. ДОБРОДОМОВ

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБАЧЕВ

Выдающийся русский языковед-славист и индоевропеист, этимолог, историк и теоретик языка, лексикограф и организатор науки Олег Николаевич Трубачев (23.10.1930–9.03.2002) оставил о себе память в науке как автор больших монографических исследований по проблемам славянского и индоевропейского языкознания, исторической топонимике и этнографии Восточной Европы и как талантливый организатор научных исследований, результатом чего явился не имеющий аналогий в мировой славистике еще не законченный "Этимологический словарь славянских языков", где Олегу Николаевичу принадлежит почти половина авторского текста.

Родился Олег Николаевич 23 октября 1930 года в поволжском городе Сталинграде (ныне Волгоград) в семье врача-рентгенолога Николая Мокеевича Трубачева, жившего с 1928 года на Ковровской улице на правом берегу Волги. В школу пошел семи лет. Учился в школе № 5 на Рабоче-Крестьянской улице. Во время Отечественной войны семья две недели, начиная с 23 августа, продержалась под постоянными бомбардировками в осажденном Сталинграде, а потом выехала на левый берег реки и эвакуировалась в г. Горький, где жили до весны 1944 г. в семье известного хирурга А.К. Болдина при госпитале (отец Олега Николаевича, сопровождавший поезд с ранеными, получил при бомбежке множество переломов).

Среднюю школу Олег Николаевич окончил в Днепропетровске в 1947 году и стал студентом Днепропетровского университета, где он обучался в течение пяти лет, обратив на себя внимание редким в среде студентов-филологов устойчивым интересом к этимологии, что неизменно поддерживалось руководителем кафедры русского языка Я.А. Спринчаком, специалистом по русскому историческому синтаксису, не чуждавшимся и проблем русской исторической лексикологии.

В 1952 году, будучи сотрудником "Комсомольской правды" и Антифашистского комитета советской молодежи, Трубачев поступил в заочную аспирантуру Института славяноведения Академии наук СССР, а с 1953 года стал полноправным аспирантом этого Института и после окончания аспирантуры и защиты в 1957 году кандидатской диссертации продолжал работать под руководством профессора С.Б. Бернштейна до 1961 года, когда он по приглашению директора Института русского языка АН СССР академика В.В. Виноградова создал и возглавил в рамках этого академического Института Сектор (с 1986 года Отдел) этимологии и ономастики, где в дальнейшем протекала его плодотворная сорокалетняя научная деятельность по подготовке и изданию многотомного "Этимологического словаря славянских языков", тридцатый выпуск которого утвержден к печати Советом Института русского языка имени В.В. Виноградова в 2002 году, в год смерти главного автора этого грандиозного научного предприятия.

Сразу по переходе в Институт русского языка началась длительная работа по обдумыванию плана и подготовке базы для грандиозного праславянского словаря, начиная от создания картотеки усилиями небольшого коллектива сотрудников и оформления проекта словаря, что было реализовано в 1963 году в подробном про-

спекте "Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд)" и пробных статьях к нему, подготовленных усилиями одного О.Н. Трубачева [Трубачев 1963].

В этом же году выходит первый выпуск ежегодного издания "Этимология", посвященного теории и практике этимологических изысканий на материале разных языков и не имеющего аналогий в мировой лингвистике. Усилиями ответственного редактора О.Н. Трубачева вокруг ежегодника сложился более или менее устойчивый коллектив известнейших этимологов, которые могли обсуждать волнующие их проблемы и делиться с научной общественностью результатами своих трудов. Весьма внушительный по объему критико-библиографический отдел издания регулярно представляет читателям новинки этимологической литературы, причем значительная часть литературы долгое время обозревалась лично ответственным редактором ежегодника.

Защищенная в 1957 г. в Институте славяноведения АН СССР кандидатская диссертация "История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя" в 1959 году вышла отдельной книгой [Трубачев 1959], где к языковому материалу – славянским терминам родства и свойства – был осуществлен подход как к историческому источнику, который способен раскрыть элементы общественного строя и жизни славян в том числе применительно к периоду, не обеспеченному письменными памятниками. Перманентное изучение этой группы лексики было начато на заре нашего славяноведения капитальным исследованием П.А. Лавровского "Коренное значение в названиях родства у славян" [Лавровский 1867], и каждое новое поколение славистов подвергало критическому пересмотру сделанное ранее и давало новое обобщение достигнутым результатам. Олегу Николаевичу принадлежат обстоятельные рецензии в ежегоднике "Этимология" (см. 1976; 1979) на труды продолжавших разрабатывать эту тему лингвистов В. Шаура и О. Семереньи как свидетельство неослабевающего интереса к вечно живой теме, которая не перестает разрабатываться в науке с новыми находками и на базе новых материалов, обычно из сопредельных историко-этнографических дисциплин.

Вторая этимологическая монография ученого "Происхождение названий домашних животных в славянских языках (этимологические исследования)" вышла в 1960 году и вызвала не меньшее количество откликов, чем первая [Трубачев 1960]. При лаконичности изложения небольшая книга включала весьма обильный языковой материал, освещаемый в культурно-историческом аспекте, где важную роль играла domestикация некоторых прежде исключительно диких животных, приведшая к делению животных на две противопоставленных группы – диких и домашних, роль которых в жизни людей постоянно менялась: от сакральных до утилитарных целей. Географическая проекция истории названий домашних животных (прежде всего коровы **korva*) вынуждает исследователя увязывать этногенез славян с Центральной Европой, что послужило импульсом для последующих исследований проблемы Дунайской прародины славян, которая окажется продолженной в последующих разысканиях ученого.

Дальнейшим развитием этимологических проблем групповой реконструкции тематических пластов лексики явилась докторская диссертация "Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции)", успешно защищенная в 1965 году и вышедшая на следующий год отдельной книгой [Трубачев 1966]. Исходя из положения о том, что традиционная терминология отражает не последние технические достижения ремесленного производства и самым тесным образом связана с предшествующими стадиями его развития, а также опираясь на этнографические и исторические материалы, О.Н. Трубачев дает характеристику древнейшего состояния славянских терминологий текстильного, деревообрабатывающего, гончарного и кузнечного производства в их взаимодействии на фоне ремесленных терминологий других индоевропейских языков и строит типологию истории этих производств, элементы которых вошли в культуру народов и сохрани-

лись в быту народов благодаря архаизирующей сущности старых терминов. Анализ языкового материала позволяет видеть взаимодействие разных архаичных ремесел; например, гончарное производство оказывается тесно связано с текстильным: в основе керамических сосудов были плетеные емкости, которые для водонепроницаемости обмазывались глиной.

Не обошлось при изучении ремесленной терминологии и без парадоксальных выводов о том, что славянская ремесленная терминология обнаружила более тесные связи с германским и итальянским (латинским) языковым миром, а не с балтийским, как ожидалось бы на основе традиционной классификации индоевропейских языков, где постулируется особая близость славянских языков с балтийскими. Это наблюдение, до какой-то степени сходное с наблюдением о значимости средневропейского региона в формировании славянских названий домашних животных, в дальнейшем окажется основополагающим для разысканий Олега Николаевича по проблемам славянского этногенеза.

Область научных интересов О.Н. Трубачева в это время от этимологической обработки отдельных значительных областей нарицательной лексики (термины родства, ремесел, животноводства) расширяется и рано переходит в сферу ономастики. Заметным событием в этой области явилась написанная в соавторстве с В.Н. Топоровым монография "Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья" [Топоров, Трубачев 1962], где впервые были подвергнуты сплошному тщательному анализу речные названия одного района, чрезвычайно важного для выяснения этнической истории нынешней Белоруссии и древних балто-славянских этноязыковых отношений. Словообразовательный и этимологический анализ речных названий Верхнего Поднепровья с обстоятельными комментариями и выходами в соседние регионы убедительно показал, что балтийская речь была распространена гораздо южнее и восточнее нынешних ее границ и что в течение длительного времени происходил процесс ее вытеснения речью славянской.

Исследование явилось образцовым и породило целый ряд региональных исследований речных названий, что отмечалось в довольно многочисленных рецензиях. Первые итоги были подведены в следующей ономастической монографии О.Н. Трубачева, появившейся шесть лет спустя и обнаружившей образец научного диалога с оппонентами и последователями. Здесь более сложная картина этнолингвистической истории к югу от Верхнего Поднепровья на материале гидронимов была вскрыта в монографии О.Н. Трубачева "Названия рек Правобережной Украины" [Трубачев 1968а]. Последовательная смена разных этносов и их сосуществование в отдельные временные отрезки породили чрезвычайно пестроту гидронимии на обширной территории к югу от Припяти, где обнаружены иллирийские, фракийские, иранские, балтийские, тюркские следы в речных названиях, перекрытые мощным славянским пластом.

Фактически в исследовании рассмотрены речные названия также сопредельных территорий, поскольку топонимическое своеобразие региона всегда познается в сравнении, поэтому здесь присутствуют гидронимы почти всей Украины и Южной России. Здесь были сделаны дальние подступы к проблемам древней индоевропейской речи Северного Причерноморья.

Славянские личные именованья, часть которых восходит к древности, также были объектом научных разысканий О.Н. Трубачева. Весьма важным этапом в этих исследованиях стала большая статья Олега Николаевича, оказавшаяся сильным стимулом для изучения истории фамилий в России и для составления соответствующих словарей [Трубачев 1968б].

Параллельно с этими разысканиями в области славянской апеллативной и ономастической лексики в 1964–1973 гг. шло издание русской версии "Этимологического словаря русского языка" М. Фасмера, единолично переведенного Олегом Николаевичем еще в 1959–1961 гг. с дополнениями пропущенной М. Фасмером литературы и литературы, появившейся после выхода труда М. Фасмера по-немецки в

1950–1958 гг.¹, а также в виде собственных соображений. Сделанные еще самим М. Фасмером в ходе издания словаря дополнения были включены в общий корпус словаря, эти дополнения слиты с текстом словаря и отличаются от дополнений переводчика, поданных в квадратных скобках и помеченных литерой – Т. Подготовка перевода словаря и его печатание получили осмысление и освещение в специальной статье Олега Николаевича [Трубачев 1978; Trubačev 1986].

Издание русской версии этимологического словаря М. Фасмера вместе с дополнениями О.Н. Трубачева было для ученого большой научной школой, на базе которой оттачивалась его исследовательская методика. Словарь получил новую жизнь, выдержал четыре издания, причем во втором русском издании были осуществлены также не очень многочисленные, но важные новые дополнения принципиального характера. Учет всего нового в русской этимологии, что появилось после первого издания словаря М. Фасмера, собирался сделать В. Кипарский, но эта работа не была им завершена.

Олег Николаевич, блестяще и с большим пониманием тонкостей переведший трехтомный словарь, бережно относился к авторскому тексту М. Фасмера и не вступал с ним в полемику по мелочам, а предпочитал в таких случаях ограничиваться редакционными поправками, особо их не оговаривая, хотя это иногда, в редких, правда, случаях приводило к недоразумениям.

О.Н. Трубачев всегда обладал обостренным чувством историзма, столь необходимым при этимологических изысканиях, но при чисто синхроническом подходе переводчика это чувство изредка в отдельных случаях отодвигалось на задний план, заслоняясь внеисторической нормативностью, которой, как правило руководствуются обычные переводчики и редакторы. Например, в немецком издании этимологического словаря М. Фасмера даны два омонима ЭТИКЕТ I 'Aufschrift, Bezeichnungszettel (auf Flaschen)' и ЭТИКЕТ II 'Ordnung gesellschaftlicher Formen', которые в издании русской версии перестали быть омонимами и превратились в пару *этикетка* – *этикет*, благодаря чему во главе словарных статей стали современные русские слова, нарушив, правда, алфавитный порядок. Здесь мы имеем яркий случай сбоя понимания между представителями разных поколений – поколения М. Фасмера (1886–1962) и поколения О.Н. Трубачева (1930–2002). Почти на полвека старший М. Фасмер, проживая с начала 20-х годов XX века за границей, был более чем на сорок лет оторван от живого русского языка и сохранил архаическую форму *этикет*, вытесненную в живом русском языке бывшим деминутивом *этикетка*, которая для О.Н. Трубачева была уже единственной, а старая форма *этикет* I воспринималась как ненормативная.

Аналогичное редактирование словарной статьи "ШАХТЕР 'Grubenarbeiter, Kumpel', auch шахтёр dass Vorop. <...>" с архаической формой слова в ее начале состояло в том, что не вполне обдуманно архаическая форма *шахтер*, которую помнил М. Фасмер, была устранена совсем и во главе статьи была поставлена еще диалектная для М. Фасмера в начале XX века воронежская форма *шахтёр*, которая для нас является единственно возможной².

¹ Немецкое издание словаря довольно убогой печати вышло в трех томах, а русское четырехтомное издание отличалось от него лишь более крупным (и более удобным для чтения) шрифтом, что значительно увеличило листаж книги. Скупые дополнения вносились переводчиком только в случае их принципиальной важности и не составляют большого числа, беря значительностью и важностью содержания, поэтому ошибочно указание некоторых авторов на то, что дополнения составляют треть от материалов М. Фасмера [Гиндин 1992: 20: "дополнения Олега Николаева составили одну треть по сравнению с немецким оригиналом"].

² Оба эти случая неполного понимания между поколениями были замечены лингвистами [Добродомов 1988: 127–130; Ипполитова 2001: 121–122].

Но такие случаи в русском издании словаря М. Фасмера, повторяю, крайне редки: понадобился не один десяток лет пользования словарем, чтобы они обнаружались.

Исследовательскую практику О.Н. Трубачева характеризует ярко выраженная *акрибия* или *акрибия*, 'тщательность, точность (в научных исследованиях)'³, которая в некоторых случаях, как это ни странно, может привести к ошибкам, что случилось с древнерусским гапаксом *сагъчиш*, обнаруженным А.Х. Востоковым в одном из торжественников XV века и в русских исторических словарях истолкованным как 'сановник'. В немецком издании словаря М. Фасмера оно на основании тюркской этимологии Н.И. Ашмарина в изложении М. Рясенена определено как 'Wächter', т.е. 'страж', но М. Фасмер не объяснил своего несогласия с толкованием И.И. Срезневского при наличии ссылки на него. Опора на И.И. Срезневского при выборочном редактировании русского издания привела к восстановлению ошибочного толкования 'сановник'⁴, проверять же всю использованную литературу было бы просто невозможно.

Подобные редчайшие случаи в других трудах О.Н. Трубачева исключены, поскольку обширнейшие энциклопедические познания исследователя в сочетании с его необычайной интуицией постоянно предохраняли и оберегали ученого от недоразумений.

Характерно, что и в уже коллективном с 14 выпуска "Этимологическом словаре славянских языков" Олег Николаевич проявляет постоянную толерантность к мнениям соавторов и редко допускает редакторское вмешательство или редакторские дополнения.

Материал, собранный и осмысленный во многих конкретных исследованиях, будь то монография или отдельная статья в сборнике или в этимологическом словаре, настойчиво требовал интерпретации его применительно к сложным вопросам жизни древних славян, к проблемам славянского этногенеза. Статьи на эту тему публиковались в научной периодике (преимущественно в "Вопросах языкознания") под названиями "Языкознание и этногенез славян" и подобными. На базе этих статей была создана в 1991 г. очередная монография "Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования" [Трубачев 1991] (2-е значительно расширенное издание вышло уже после смерти автора в 2002 году), в которой подробно освещается проблема Дунайской прародины славян, фигурировавшая уже у Нестора в "Повести временных лет", но впоследствии попавшая в число "донаучных" и, как показал О.Н. Трубачев, преждевременно сданная в архив, хотя некоторые преимущественно языковые материалы в виде внутриславянских и межиндоевропейских изоглосс заставляют обращаться к этой теории для объяснения многих вопросов. Возврат на новых основаниях к теории дунайской (среднеевропейской) прародины славян встретил как апологетическое, так и критическое отношение славистов, активизировав угасшее было внимание к проблеме. Олег Николаевич подчеркивает, что о дунайской прародине славян говорил еще корифей и основоположник научного славяноведения П.И. Шафарик, в исследованиях которого научный потенциал его разысканий остался незамеченным последующей наукой, в своей критической запальчивости упустившей возможность своевременного развития его наблюдений и соображений, которые долго ждали своего часа.

Основные идеи книги "Этногенез и культура древнейших славян" возникали постепенно в ходе этимологизации славянской лексики, когда объяснение многим фактам можно было дать только с учетом того обстоятельства, что славяне были

³ По определению академического семнадцатитомного "Словаря современного русского литературного языка", который, однако, почему-то посчитал это понятие излишним и поэтому исключил из словника второго издания.

⁴ Восстановленное толкование 'телохранитель. страж. сторож' на основе этимологии Н.И. Ашмарина дано в исправлениях в "Словаре русского языка XI–XVII вв.". М., 1997. Вып. 22: 298.

связаны с Дунаем, память о котором до сих пор сохраняется в архаичных русских народных песнях. Пребывание славян на Дунае не было экстравагантным взглядом на вещи, а явилось настоятельной необходимостью для правдоподобного научного освещения иначе остающихся непонятными явлений языка и археологии.

В книге содержится не простой возврат к теории П.И. Шафарика, а совсем иной подход к тем же гениально предвиденным им научным положениям основоположника научного славяноведения, которые сейчас обеспечены достижениями современной теоретической компаративистики, индоевропеистики и особенно их этимологического компонента, а также далеко продвинувшейся археологии, достижениями которой Олег Николаевич умело пользуется.

О.Н. Трубачеву удалось аргументированно обосновать старый тезис П.И. Шафарика о раннем присутствии славян в Центральной Европе и эта проблема получила новый стимул к ее разработке как в позитивном, так и критическом аспектах.

Уделяя большое внимание западным связям славян, их западным соседям (германцы, кельты, италийцы), Олег Николаевич также обращается и к проблемам восточных связей, связей славянства с иранским языковым миром, отразившихся в славянской нарицательной лексике и топонимии, что было давно в поле зрения лингвистов, которые накопили значительный запас материала в лексике и топонимии, но дело продвигалось довольно вяло. Это было обусловлено сопоставлениями исключительно на праязыковом уровне без учета древней диалектной расчлененности и славянского и иранского языкового мира, что последовательным апологетам концепции языкового древа, которая и сейчас занимает ведущее место в компаративистике, представляется невероятным.

Проблемы древнейших славяно-иранских языковых связей и иранских заимствований в славянских языках самым тесным образом стыкуются с проблемами этногенеза, уже давно разрабатываемыми в науке, что подробными очерками было рассмотрено в большой статье [Трубачев 1967], где Олег Николаевич поставил вопрос о необходимости учета в решении этой проблемы диалектной расчлененности в эпоху интенсивных славяно-иранских контактов как славянского, так и иранского этнического и языкового мира. В статье обнаружилась парадоксальная насыщенность иранскими лексическими элементами западнославянского польского языка и его диалектов, а не восточнославянских, как ожидалось бы, что было обусловлено неоднократными изменениями картины расселения иранских и славянских племен в далеком прошлом, которая разительно отличается от нынешней и которая сейчас отражается лишь в удивительных изоглоссах.

Последующее углубление в историю иранства на Юге России, следы которого сохранились особенно в топонимике, привело к появлению серии статей, где было показано, что здесь обнаруживается не только сильная диалектная расчлененность иранского языкового материала, но и наличие близкого к иранству, однако противопоставленного ему индоарийского лексического и особенно топонимического материала. Это выяснилось в целой серии статей по истории лексики и топонимии языков Восточной Европы. Эти статьи в совокупности за 15 лет, начиная с 1974 года, составили целую книгу "Indoagica в Северном Причерноморье" [Трубачев 1999], легко обозримую благодаря наличию аналитических указателей (этимологического, семантического и предметного), где кратко суммируются итоги исследования старых и современных топонимов Северного Причерноморья, объясняющихся из индийских языков как результат пребывания в этих местах предков современных индийцев.

Благодаря исследованию Олега Николаевича был открыт еще один индоевропейский язык индоарийского характера, названный условно синдомеотским, что обогатило новыми материалами не только историю индоарийских языков, но и в первую очередь этническую историю региона в древности. В этом деле у Трубачева был лишь один серьезный предшественник – П. Кречмер, но его единичные примеры не идут ни в какое сравнение с сотнями слов, четко определенных Олегом Николаевичем как индоарийские. При этом надо заметить, что сделано такое открытие при от-

сутствии достаточной филологической базы: топонимика региона не собрана в достаточно авторитетные коллекции, не обеспечена в достаточной степени очень нужными в таких разысканиях сведениями по истории каждого топонима, который мог в ходе длительного употребления довольно сильно исторически меняться. Осложняется дело и отсутствием словарей по местным языкам региона. Приходится удивляться, как при таких условиях мало неточностей и ошибок. Их почти нет. Например, из-за отсутствия крымскотатарского словаря второй компонент *сала* в крымских топонимах *Ени-Сала (Енисала), Феттах Сала, Коджа Сала* О.Н. Трубачев несколько неосмотрительно соотносит с синдомеотским **salā* 'сток, склон' [Трубачев 1999: 84], хотя это крымскотатарский термин, восходящий к русскому *село* с тем же значением, что, впрочем, было указано В.В. Радловым применительно к казанскотатарскому и караимскому *сала* 'деревня, село' [Радлов 1911; 349–350]. Но обильный материал совсем другого характера спасает автора от неудач.

Неожиданность выводов О.Н. Трубачева о наличии индоарийских следов в Причерноморье заставляет лингвистов обращаться к их внимательной проверке с привлечением нового материала и тщательной проверке старого. Благодаря разысканиям О.Н. Трубачева открылось новое поле исследований для языковедов и археологов.

Из всех предыдущих публикаций во многих изданиях и монографиях была выделена восточнославянская проблематика культурного, этнографического и лингвистического содержания, составившая содержание отдельной книги "В поисках единства" [Трубачев 1992; 1997]. Книга возникла в связи с докладами на проводящихся в разных городах России праздниках славянской письменности и посвящена отдельным спорным вопросам восточнославянского этногенеза. Здесь в полемическом ключе рассматривается проблема периферийности древненовгородского диалекта, в архаических чертах которого нет никаких оснований видеть свидетельства его былой принадлежности к западнославянским языкам, вопреки время от времени возникающим утверждениям некоторых лингвистов. В связи с анализом разноязычных названий Киева в древних источниках О.Н. Трубачев особенное внимание уделяет роли хазар в истории этого города и находит, что эту роль никак нельзя преувеличивать, как и в истории восточных славян в целом. Пестрота и гетерогенность этнического состава восточнославянских племен и народов позволяет все же установить, что в определениях *Малая, Великая и Белая Русь* скрываются символические указания на исходную территорию (*Малая Русь*), на территорию более позднего распространения (*Великая Русь*) и на географическое положение на Западе (*Белая Русь*).

В заключительных частях книги показано, что славянские этнонимы (племенные названия) могут служить ценным источником для установления фактов древнейшей истории славян, причем специальный экскурс посвящен выяснению южных источников этнонима *Русь*, корни которого, по мнению О.Н. Трубачева, затерялись в пестрой сумятице сложной этнической истории Северного Причерноморья, и прояснение этих корней требует значительных усилий ученых. Это вовсе не возврат к старым взглядам, которые были дискредитированы в результате беспощадной критики еще в XIX веке, а тщательный пересмотр материала на предмет поисков истины, которая умерла в спорах, где в остроте полемических схваток наносились смертельные удары неприемлемым для критика взглядам, а поиски истины остались в стороне и сама истина в этой полемике преспокойно умерла.

Прежние поиски корней этнонима *Русь* на юге не учитывали сложные исторические процессы, изменения в языках этого региона и были в силу последнего обстоятельства обречены на неудачу. Олег Николаевич обозначил здесь направление поисков...

Сюда же примыкает одна из последних работ Олега Николаевича – статья "Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения" [Трубачев 2000; 2002а], где рассмотрена судьба вятичей и их роль в формировании южновеликорусского наречия, роль чего в истории русского языка до сих пор остается недостаточно учтенной.

Олег Николаевич внимательно следил за развитием современной лингвистической науки и постоянно анализировал появившиеся новинки литературы, посвященные этимологии. Его рецензии и обзоры литературы подобного рода составляли весьма значительную часть ежегодника "Этимология" и являлись притягательной силой для привлечения к этому делу множества других языковедов. Критико-библиографический отдел ежегодника стал фактически своеобразной летописью развития современной этимологической науки языков Старого Света.

Весьма поучительный опыт работы над "Этимологическим словарем славянских языков" (ЭССЯ) обычно в сопоставлении с аналогичными начинаниями чешских и польских коллег постоянно освещался Олегом Николаевичем в разных изданиях, и его последняя работа "Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003)" [Трубачев 2002б], подготовленная уже в больнице в последние дни жизни в качестве доклада для предстоящего в 2003 г. XIII Международного съезда славистов в Любляне и посвященная памяти великих этимологов Василия Ивановича Абаева и Франтишека Славского, подводит итоги его непосредственной деятельности в этой области. Характерен эпиграф из высказывания В.И. Абаева: "...делать этимологические словари интересно и легко, надо только каждый день писать несколько строк и так – сорок лет..."

В специальных разысканиях по этимологической проблематике и обзорах О.Н. Трубачева создана стройная теория этимологической лексикографии, особенно применительно к лексикографии праязыковой, как интердисциплинарная сфера научной деятельности.

Все эти теоретические положения нашли воплощение в грандиозном труде всей жизни Олега Николаевича – не имеющем прецедента в этимологической лексикографии. Это "Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд", 28 выпусков которого вышло еще при жизни его создателя и вдохновителя и 2 еще подготовлены к печати.

Из четырех десятиков лет работы над словарем (с 1961 г.) подготовительный этап занял 14 лет, в том числе 2 года на выработку концепции, реализованной в лично составленном Олегом Николаевичем проспекте, который и определил дальнейший ход реализации замысла. Небольшой коллектив сотрудников (Ж.Ж. Варбот, Л.А. Гиндин, Т.В. Горячева, Л.В. Куркина, В.А. Меркулова, И.П. Петлева, О.Н. Трубачев, позже В. Михайлович, Г.Ф. Одинцов, Е.С. Павлова, А.А. Калашников, Т.В. Невская, О. Младенова) собирал материалы для словарной и этимологической картотеки, легшие в основу капитального "Этимологического словаря славянских языков", который через словарную форму обработки материала призван осветить жизнь древних славян, поскольку слова являются своеобразными свидетелями жизни народа в прошлом, несмотря на те изменения, которые с течением времени произошли и в языке и в жизни его носителей.

Авторскую работу над 13 выпусками вел лично О.Н. Трубачев, а с 14 выпуска авторская работа над выпусками стала коллективной (с обозначением отрезков словника, составленных каждым из авторов – В.А. Меркуловой, Л.В. Куркиной, Г.Ф. Одинцовым, И.П. Петлевой, Ж.Ж. Варбот, А.А. Калашниковым, О.Н. Трубачевым), причем в некоторых из выпусков словаря О.Н. Трубачеву принадлежит авторство более четверти объема.

Будучи крупнейшим ученым мирового масштаба и работая всю жизнь в академических учреждениях, Олег Николаевич живо откликался на просьбы вузовских учреждений и читал лекции в институтах и университетах нашей страны и за рубежом. Эти лекции носили характер пропаганды науки среди специалистов, хотя и будущих, но Олег Николаевич не был чужд общения и с более широкой аудиторией неспециалистов, интересующихся историей народов и этимологией. Это общение осуществлялось через публикацию статей в газетах и журналах, которые сохраняли свою научность, но были приспособлены для неподготовленного читателя стилистически – отказом от злоупотребления специальными терминами. В этих публикациях зачас-

тую звучали и публицистические нотки на злобу дня: окружающая обстановка в стране сказывается и на состоянии науки, что всегда заботило Олега Николаевича.

В плане просветительском, для облегчения творческого общения с неспециалистами и наведения ими справок по трудным для неспециалиста вопросам Олег Николаевич разработал грандиозный проект "Русская энциклопедия". Это предприятие задумывалось как энциклопедия универсальная, типа "Большой советской энциклопедии", но в отличие от последней, которая отражала везде государственные, официальные взгляды, "Русская энциклопедия" должна была бы носить этноцентрический характер – показывать весь мир глазами русского человека, русского народа, значение его в мировой культуре, опыты чего были в XIX веке ("Русский энциклопедический словарь" под редакцией И.Н. Березина) и в начале XX века (неоконченная "Русская энциклопедия"). К сожалению, этот проект не нашел поддержки, а русской читающей публике вместо "Русской энциклопедии" была преподнесена "Хатчинсоновская карманная энциклопедия" в плохом переводе.

Еще в аспирантские годы О.Н. Трубачев стал автором многочисленных этимологических разысканий, которые активно публикуются в советских и зарубежных изданиях, что продолжалось в течение всей творческой жизни ученого параллельно с подготовкой и изданием больших трудов как индивидуальных, так и коллективных.

Олег Николаевич постоянно принимал участие в разного рода съездах⁵, конференциях, симпозиумах, а многие из них он сам организовывал и выступал часто как летописец этих важных для науки событий, освещая их ход и результаты в научной печати. С большим стилистическим блеском Олег Николаевич писал портретные очерки об ученых прошлого и о своих старших коллегах и современниках, что тоже является важным компонентом истории науки. Яркие очерки этой еще живой истории, написанные с места событий сразу после них, представляют большой интерес как взгляд на текущую историю науки глазами крупного ученого, современника событий.

Олег Николаевич иногда выступал в качестве официального оппонента на защитах кандидатских и докторских диссертаций, в отзывах на которые он высказывал порой весьма любопытные мысли как общетеоретического, так и конкретного свойства, причем эти соображения зачастую так и остаются в диссертационных делах соискателей, несмотря на просьбу их опубликовать, как это было и с моей просьбой оформить в статью его соображения об этимологии слова *карман*, привлекавшего к себе внимание со времен Ф.И. Рейфа, который не вполне удачно связывал его с латинским *crumena* "кошелек" [Рейф 1835: 379], что было оспорено Ф. Миклошичем и повторено Н.В. Горяевым, неудачно выводившими его из северотюркского *karman*, оказавшегося на самом деле русизмом на тюркской почве [Miklosich 1886: 112; Горяев 1896: 135]. Несмотря на это, слово с долей сомнения и сейчас трактуется как тюркизм⁶.

Новые интересные этимологические соображения относительно этимологически трудного слова *карман* почти три десятилетия назад прозвучали на защите моей докторской диссертации "Проблемы изучения булгарских лексических элементов в славянских языках" 9 декабря 1974 года в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина, где О.Н. Трубачев выступал в качестве моего официального оппонента вместе с А.Н. Кононовым и А.С. Львовым.

О.Н. Трубачев в ходе оценки моей диссертации подчеркнул методологическую важность учета семантической проблематики, которая, на его взгляд, не всегда получала в этом исследовании достаточно широкое применение, и обратился при этом

⁵ Например, был участником восьми международных съездов славистов, начиная с IV-го (1958 г.), подготовил доклад для очередного XIII съезда.

⁶ Невероятность сближения хорошо видна в одной из последних попыток вывести *карман* из тюркского *qirtan* 'налучье, саадак' [Юналесва 1982: 99].

к предполагаемому тюркизму русского языка *карман*, который, по мнению известного тюрколога и слависта Н.К. Дмитриева, может быть включен в группу "Слова, причисляемые к тюркизмам в порядке гипотезы", хотя в этимологических словарях и некритических списках тюркизмов слово *карман* фигурирует довольно давно [Дмитриев 1958: 44].

Соображения О.Н. Трубачева опирались на отмеченное в литературе архаическое обозначение словом *карман* отдельного мешочка, сумочки, еще не пришиваемых к платью, кошелька [Чернышев 1948: 9–10]. Карман можно было даже терять, пример чего П.Я. Черных обнаружил в газете "Санкт-Петербургские ведомости" (1.06.1798): "Некая барыня... шедшая по Фонтанке... обронила карман с разными записками" [Черных 1952: 299]. Это архаическое значение слова *карман* сохранялось довольно долго. По сообщению Н.С. Араповой (1934 г. рожд.), ей в детстве еще пришлось видеть нарядную сумочку, называемую *карман*, в которой носили в церковь *поминание* (синодик), как это было принято в подмосковных селах⁷. О.Н. Трубачев напомнил, что:

...к обеднению результатов исследования ведет и отказ от использования семантического критерия в диссертации. Верно, что семантика или семасиология развита еще недостаточно, но полезность семантического критерия как вспомогательного в исследованиях лексики никто не станет отрицать. Речь идет об установлении параллелизма семантических эволюций, операциях очень простых, но, как правило, весьма надежных, как все простое. И хотя этот нехитрый прием семантического анализа иногда иронически трактуют как элементарный "здравый смысл", не нужно забывать, что мы имеем здесь дело с моментами семантической типологии, а в ряде случаев – с семантическими универсалиями. Современная реализация принципа *Wörter und Sachen* не может обойтись без таких аспектов. Я говорю это со специальной целью показать на конкретном примере возможные этимологические связи, которые, может быть, заинтересуют диссертанта, а в данной связи любопытны своей семантической стороной. Так, на стр. 102 разбирается русское диалектное слово *кодман*, название мешкообразной одежды, др.-русс. *къдманъ*, которое вместе с венг. *köd-tőp* 'полушубок' автор считает древним болгарским заимствованием "по фонетической черте (-d-, не изменившемся в -z- > -p-)". Автор реконструирует болгарский прототип **kădmān*, однако иных фактических подтверждений его, равно как и предполагаемой там ротацистской тенденции, он не приводит. Я хотел бы в этой связи обратить внимание на общеизвестное русское слово *карман*, над которым исследователи бились безуспешно, потому что единственным положительным итогом их поисков остались, пожалуй, только догадки, что *карман* – наверное, тюркизм. Я бы предложил И.Г. Добродомову связать упомянутое выше *кодман* 'вид мешкообразной одежды, плаща' и *карман* (*карман* тоже генетически восходит к мешочку!), потому что это как будто перспективно с точки зрения фонетической диахронии, поскольку восполняет лакуну соответствия на -p-. Но главный акцент мне желательно поставить при этом на значении слов. Родство значений 'мешкообразная одежда' и 'карман' обосновывается не одной только очевидной эволюцией реалии, названной выше, но и семантическим параллелизмом, который я провожу между парой *кодман* – *карман* и рассматриваемыми у И.Г. Добродомова далее особо древнерусским и церковнославянским *чьнагъ* 'карман', сербохорватским *чпаг* 'карман' (куда диссертант остроумно относит и русск. диал., арханг. *ецьнах* 'карман') и болг. диал. *чипаг* 'род короткой одежды без рукавов' (стр. 145–146 диссертации), где имеем ту же связь значений 'род одежды' – 'карман'. Понимая гипотетичность своего примера со словами *кодман* и *карман* (не совсем ясны возможности развития здесь ротацизма, поскольку зубной соседствовал с другим согласным, ср. автореферат диссертации

⁷ О соотношении наименования *карман* с другими синонимами см. [Судаков 2002: 55–60].

Добродомова, стр. 11), я хочу вместе с тем подчеркнуть, как важно прослеживать филиацию идей и лексических значений, как это помогает восстанавливать подчас недостающие звенья других уровней, в данном случае фонетического, и в целом – решать этимологические задачи. Попутно замечу, что такая этимологическая увязка слова *карман* контролируется со стороны лингвистической географии : более древний (по Добродомову) вариант **кадман* распространен на более широкой территории, включая венгерский, тогда как вторичный вариант *карман* – практически только в русском языке. Упомянув критерий лингвистической географии, не могу не отметить, что диссертант в остальном учитывает его регулярно, хотя и здесь найдется материал для критики”.

Сомнение О.Н. Трубачева в фонетической стороне соотношения слов *кодмань* ~ *карман* “(не совсем ясны возможности развития здесь ротацизма, поскольку зубной соседствовал с другим согласным)” может быть отведено ссылкой на весьма обычный *Mittelsilbenschwund*, открытый В. Бангом и подтвержденный Л. Юхансоном. Соображения О.Н. Трубачева хорошо подтверждаются польским диалектным *kaɪtan* ‘дождевик’ (*Kleiderdecke gegen den Regen*), которое привел Э. Бернекер как параллель русскому *карман* [Betneger 1908–1913 490].

В свете этих соображений О.Н. Трубачева о зависимости значений ‘мешкообразная одежда’ – ‘карман’ должны отпасть сомнения М. Фасмера в связи латышского *kabata* ‘карман’ с бродячим названием рабочей рубахи, куртки, кофты типа русского диалектного и устарелого *кабат*, имеющего параллели во многих языках Средней и Восточной Европы

Во многих современных тюркских и финно-угорских языках слово *карман* (хакасск., алт., телеутск., чувашск., тувинск.), *канмар*, *калмар* (кызыльск.), является русизмом с отражением современной семантики русского слова, а в узбекский язык *карман* вошло в старом значении ‘кошелек’, как и горномарийский в форме *кармак*, *картмак* ‘кошелек для денег’ (устар.)

Олег Николаевич со своей подчеркнутой педантичностью и пунктуальностью на первый взгляд казался весьма суровым и неприступным человеком, но в ходе начавшейся беседы он как бы преображался, становился веселым, постоянно шутил, и нить беседы переходила в его руки, и он ее крепко держал. Слушать его было необычайно интересно.

В громадном научном наследии О.Н. Трубачева поражает прежде всего обилие самого разнообразного материала из самых различных источников с умелым выбором из него самого главного, существенного и четкая методика его анализа, что отличает истинную высокую науку от расхожих мнений. Олега Николаевича характеризуют основательное знание древних и новых языков и литератур на этих языках, этнографии и истории их носителей, глубокие познания археологических древностей этих народов, знание чисто технических тонкостей древних ремесел разных регионов. Столь обширные и глубокие энциклопедические познания обеспечивали ему возможность работы на стыке разных наук, что давало всегда свежие и несколько неожиданные результаты. Именно такая энциклопедичность обеспечивала плодотворность.

Олег Николаевич был великий этимолог, который умел извлечь из древнего слова максимум возможной сейчас информации о жизни наших далеких предков, проникнуть с помощью древних слов в строй их мыслей, оберегаясь как от их модернизации, так и от чрезмерной архаизации, в чем ему помогало замечательное чувство историзма в сочетании с глубоким пониманием человеческого слова

Большое научное наследие Олега Николаевича Трубачева большей частью уже прочно вошло в арсенал современной науки как ее последние достижения, а оставшаяся часть будет освоена в дальнейшем. А если что-то и получит в будущем иное освещение, то и это останется важной поучительной вехой этимологического познания на бесконечном пути к истине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гиндин Л А 1992 – Краткий очерк научной и научно-организационной деятельности <О Н Трубочева> // Олег Николаевич Трубочев / Сост Л В Шутько Автор вступительной статьи Л А Гиндин Российской Академия наук Материалы к биобиблиографии ученых Серия литературы и языка Вып 21 М, 1992
- Горяев Н В 1896 – Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис 1896
- Дмитриев Н К 1958 – О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник Вып III М, 1958
- Добродомов И Г 1988 – Этика и этикет // РР 1988 № 4
- Ипполитова Л В 2001 – Еще раз о шахтере // РР 2001 № 6
- Лавровский П А 1867 – Коренное значение в названиях родства у славян (Зап имп Академии наук Т XII Кн 1) СПб, 1867
- Радлов В В 1911 – Опыт словаря тюркских наречий Т IV СПб, 1911
- Рейф Ф И 1835 – Русско французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению или Этимологический лексикон русского языка Т I СПб, 1835
- Судаков Г В 2002 – Живое русское слово Вологда, 2002
- Топоров В Н Трубочев О Н 1962 – Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья М, 1962
- Трубочев О Н 1959 – История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя М, 1959
- Трубочев О Н 1960 – Происхождение названий домашних животных в славянских языках (Этимологические исследования) М, 1960
- Трубочев О Н 1963 – Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд) Проспект Пробные статьи М, 1963
- Трубочев О Н 1966 – Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции) М, 1966
- Трубочев О Н 1967 – Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965 Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам М, 1967
- Трубочев О Н 1968а – Названия рек правобережной Украины Словообразование Этимология Этническая интерпретация М., 1968
- Трубочев О Н 1968б – Из материалов для этимологического словаря фамилий России (Русские фамилии и фамилии бытующие в России) // Этимология 1966 Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов М, 1968
- Трубочев О Н 1978 – Из работы над русским Фасмером К вопросу теории и практики перевода // ВЯ 1978 № 6
- Трубочев О Н 1991 – Этногенез и культура древнейших славян Лингвистические исследования М, 1991
- Трубочев О Н 1992, 1997 – В поисках единства М, 1992 Изд 2-е доп., с подзаголовком Взгляд филолога на проблему истоков Руси М, 1997
- Трубочев О Н 1999 – INDOARICA в Северном Причерноморье Реконструкция реликтов языка Этимологический словарь М, 1999
- Трубочев О Н 2000 – Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // ВЯ 2000 № 5
- Трубочев О Н 2002а – Из истории лингвистической географии восточнославянского распространения // В пространстве филологии К 70-летию со дня рождения доктора филологических наук профессора Евгения Степановича Отина Донецк, 2002
- Трубочев О Н 2002б – Опыт ЭССЯ к 30-летию с начала публикации (1974–2003) // ВЯ 2002 № 4
- Черных П Я 1952 – Историческая грамматика русского языка М, 1952
- Чернышев В И 1948 – Разыскания и замечания о некоторых русских выражениях // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР Вып 1 М, Л, 1948
- Юналеева Р А 1981 – Опыт исследования заимствований (Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками) Казань, 1982
- Berneker E 1908–1913 – Slavisches etymologisches Wörterbuch Bd 1 Heidelberg, 1908–1913
- Miklosich F 1886 – Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen Wien, 1886
- Trubačev O N 1986 – Gedanken zur russischen Ausgabe von Vasmer's Russischem etymologischem Wörterbuch // ZsIPh, 1986 Bd. 46

© 2003 г. М.И. ЧЕРНЫШЕВА

**ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБАЧЕВ И НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ.
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ**

Предлагаемые воспоминания носят очень личный характер, в них не столько затрагивается научная проблематика, сколько воссоздается образ Трубачева-человека, каким видели мы его, начиная с того момента, когда нам было едва за 20 лет, а ему едва за 50, а потому здесь преобладает субъективное переживание (заново!) того времени, когда все мы были рядом, и тех чувств, что тревожили нас тогда, да и сейчас еще не оставили.

В Институт русского языка Академии наук я пришла в 1977 году, в ту пору Трубачев поистине находился в зените своей славы. Стремительно пронесился он по коридору Института в свой кабинет всегда в каком-то внутреннем сиянии мысли. Для меня – с самой первой минуты знакомства – Олег Николаевич был не просто человеком, а существом другого порядка. Так это осталось навсегда, и ни сравнительно близкое знакомство, ни трудные обстоятельства, в которых я заставляла этого человека, ни сложность его поведения и подчас неожиданное непонимание по отношению к разным людям, приводившее порой к обидам, не изменили моего мнения.

Много позже сложились наши деловые и, иногда даже казалось, почти дружеские отношения, что объяснялось стечением обстоятельств: кабинеты наших словарей – "Этимологического словаря славянских языков", который он создал и которым руководил, и нашего, "Словаря русского языка XI-XVII вв.", где мы работали под руководством его жены, Галины Александровны Богатовой, почти всегда были совсем рядом. Между супругами существовало что-то похожее на шутовское соперничество, продолжавшееся из года в год: какой из словарей нынче обгонит другой.

* * *

На самом деле первое знакомство с О.Н. было заочным. Однажды на кафедру классической филологии МГУ из Института русского языка позвонила Галина Александровна Богатова: в "Словарь русского языка XI-XVII вв." нужен был специалист со знанием древнегреческого языка (речь, конечно же, шла о медиевисте). Для знакомства Г.А. пригласила к себе домой (они жили тогда с О.Н. недалеко от "Юго-Западной"), ввела в комнату, где было два письменных стола, и со скрытой гордостью указала на один из них: "Это стол Олега Николаевича Трубачева". Меня поразил абсолютный порядок: стол был почти пуст, запомнились только маленькие часы-будильник. Эти часы – знак времени, быстрого, неостановимого, – так и застыли в моем сознании рядом с ним. Мысль: "Я не могу терять время", – всегда чувствовалась в нем. Много и многое в его поведении подвижно и объяснялось ею.

Когда я говорю "наше поколение", то имею в виду ту молодежь, русистов, историков языка, появившихся в Институте русского языка РАН (тогда Академии наук СССР) в конце 70-х и начале 80-х годов (один из нас, А.М. Молдован, ныне возглавляет наш Институт). Это время пришлось на золотой период в русской этимологической науке, на самое, может быть, продуктивное, самое благоприятное (в смысле оценки научной общественностью) и яркое время творчества О.Н. Он был звездой

первой величины. Тогда, на наших глазах, рождалась "Индоарика" в серии публикаций с подзаголовком "Индоарийцы в Северном Причерноморье", и это параллельно с ежегодным появляющимися томами "Этимологического словаря славянских языков", который он писал и редактировал, параллельно с подготовкой ежегодника "Этимология", фейерверком статей и рецензий, участием в Ученых советах и редколлегиях, в том числе, нашего Словаря – всего не перечислить. Мы следили за его работами, читали, обсуждали, спорили... Увлечение этимологией приводило к тому, что даже любовные письма в нашей среде в ту пору содержали этимологические этюды. Сказывалось сияние плеяды звезд: Топоров, Трубачев, Иванов (так, почти рифмуя, повторяли эти имена). В докладе к XII краковскому Международному съезду славистов он скажет об этом времени: "50-е – 80-е годы – это эпоха фронтальной публикации этимологических словарей всех славянских языков" (М., 1998. С. 10). Можно сформулировать и иначе, шире: эпоха славянской этимологии.

Часто Галина Александровна приносила его свеженанписанные статьи (еще чуть влажные страницы, будто чернила не просохли), и мы, держа в руках пока не перепечатанную рукопись, восхищались не только новизной и свежестью мысли, но и самой рукописью, которая была шедевром и по внешнему облику: писал он красивым каллиграфическим почерком – сразу набело, практически без правки (порой во всей статье можно было найти только одно зачеркнутое слово).

Наша молодость была освещена им, его близостью, его гением. Мы во многом, часто не сознавая этого, находились под воздействием мощи этой личности, вплоть до того, что порой, если осознание силы его магнетизма все же приходило, активно противились – вдруг казалось, что так можно рядом с ним и себя потерять...

Прежде, в те годы, о которых речь, я не была знакома с Олегом Трубачевым-младшим, сыном Олега Николаевича (видела его раз в Политехническом музее на лекции отца, поразило сходство – такая же круглая, особой формы, голова, погруженность во внутреннюю мысль – и при этом – столь же яркое несходство). А совсем недавно, уже за поминальным столом, оказавшись рядом с Олегом-младшим, облик которого в окружении скорбных лиц порастил меня таким же, как у отца, спокойствием внутренней силы, услышала: "Отец оказал на меня **огромное** влияние. Мы много были вместе". Зная семейные обстоятельства, я удивилась: "Мне казалось, вы не так часто встречались?... " – "Нам не нужно было даже встречаться и говорить друг с другом – между нами давно установилась очень тесная и сильная связь. Я физик. Я понимаю это".

То самое спокойствие внутренней силы и ясный (с глубоко припрятанной и не всем явленной искоркой веселья) взор где-то там же, рядом, в сиянии нашей и, можно сказать, его молодости.

Это позже взгляд его изменится, в нем будет печаль, пожалуй, оттого, что слишком многое открылось и теперь уже понятно (*"И ты, и я – мы все имели честь/ Мир посетит в минуты роковые"/ И стать грустней и зорче, чем мы есть. "*). Не зря выбран им к одной из последних статей "говорящий" эпитафия из процитированного стихотворения М. Волошина "Дом Поэта" (через две строчки):

*Я сам избрал пустынный сей затвор
Землю добровольного изгнанья,
Чтоб в годы лжи, падений и разрух
В уединенье выплавить свой дух
И выстрадать великое познание...*

Его последние годы жизни многим видятся подлинным отшельничеством (жил он преимущественно не столько в своей московской квартире, сколько в Шереметьеве в окружении любимых животных, все реже появляясь в Институте). Он стал как будто нарочито самодостаточным человеком, но строки Волошина многое объясняют:

*В уединенье выплавить свой дух
И выстрадать великое познание...*

Его вела все та же мысль ("нельзя терять время") и страстное желание успеть. Теперь уже под "успеть" подразумевался главным образом его Словарь и доведение до логического конца многолетне-вынашиваемых идей об этногенезе славян. Все остальное вокруг ему уже мешало. (Почти за десять лет до ухода в одной своей работе он обронил: "Просто человеческое общение превратилось в роскошь".)

В прежние годы к нему шли за советом многие, в том числе и мы, тогдашняя молодежь, несли ему свои рукописи, и он все брал, читал, снимая сверху из кипы, высящейся на его столе, очередную работу¹. Ему долго казалось, что хватит сил выдерживать, как он позже писал, "растущий поток информации, растущую сложность современной науки и современной жизни с ее стрессами, дистрессами и самообслуживанием" ("Беседы о методологии научного труда". С. 12). Со временем он от этого устал, устал от научной и околонучной суеты. Устал бороться и защищаться. Себя – борца в науке – он назвал "нонконформистом". И пояснял: "Все это [речь идет об ожесточенном оппонировании его идеям. – М. Ч.] – со всеми вытекающими последствиями, ведь инакомыслящих у нас по-прежнему не любят, я испытал ... на себе вполне. Слова "никто так не думает, он один так думает" я слышал в свой адрес, по крайней мере, по двум поводам. Один из них – по поводу теории индоарийской принадлежности части древнего населения Северного Причерноморья. А другой раз – в связи с моим опытом пересмотра проблемы прародины славян, когда я на основе изоглоссных данных выступил против теории прародин к северу от Карпат, принимаемой большинством, в защиту старых воззрений о давних местах обитания славян на Среднем Дунае" ("Предыстория одной книги". М., 2001. С. 253).

Постепенно он начал уходить от людей. Этот уход, сначала почти незаметный, завершился мгновенно и уже бесповоротно после смерти матери, Елены Васильевны. Все, знавшие ее, сходятся в одном: это была неординарная личность. О.Н. как-то по-своему, очень благоговейно относился к родителям, не случайно его первая книга "История славянских терминов родства..." (М., 1959) – точка отсчета на жизненном пути – посвящена им, но значимость матери для О.Н. с ее уходом стала особенно заметна. О.Н. был всегда чудесно молод – как радовались мы этому! И вдруг – в одночасье, сразу вслед за матерью, сильно сдал. Как-то быстро он устал от людей и уж слишком поспешил за ней... (Мало кто знал тогда о развивающейся у него болезни крови)².

Кому-то казалось, что он ушел в себя. Так все виделось. Так на поверхности. Но на самом деле – там, в глубине, шла мощная работа мысли – до последнего дня. На больничной койке, за несколько недель до кончины он написал статью для журнала "Вопросы языкознания", одновременно это был и доклад к предстоящему XIII съезду славистов. Отшельничество и одиночество не были молчанием – то был постоянный монолог, разговор-размышление с самим собой и потенциальным читателем-слушателем. Это становилось очевидным, или когда удавалось его разговорить, или когда – редчайшие случаи в последние годы – он выступал с лекциями.

Его блестящие лекции, представлявшие собой медленное – вслух – разворачивание давних мыслей, прежде в Политехническом музее и в нашем Институте собира-

¹ О себе могу сказать, что, без сомнения, под его влиянием началось мое увлечение ранними трудами М. Фасмера, его "Греко-славянскими этюдами", что привело к появлению работы: «Греческие слова, способы их адаптации и функционирование в славянском переводе "Хроники" Иоанна Малалы» (М., 1994).

² Мы не говорим сейчас о роли его жены, Галины Александровны Богатовой, которой всегда (по разным причинам) было очень нелегко – настанет день, она сама об этом напишет. Со стороны можно было только заметить, что ей приходилось разрываться даже не между двумя (в Теплом стане и Шереметьеве), а тремя домами (третий – Волхонка, наш Институт). Ей так часто приходилось ездить туда и обратно, что она приговаривала: "Я почти живу в электричке".

ли полные залы. В годы своей зрелости (и нашей молодости) он охотно выступал. Помню его настойчивое стремление донести до академической аудитории соображение, подкрепляемое интереснейшими примерами, об относительности деления на синхронию и диахронию в языкознании – в своем последнем докладе на XII съезде славистов он его, несколько расширив, повторит: "В практическом повседневье весьма нередки ситуации, когда "узкий" специалист, скажем, по словообразованию, нуждается в напоминании, что он лингвист, то есть для многих специалистов по небольшому кругу тем даже единство языкознания – довольно абстрактная истина" (С. 11) и сошлется на свою статью с ярким названием "Синхрония, диахрония – und kein Ende...". Столь же настойчиво повторялась мысль о наддиалекте как единственной коммуникативной форме, которую способно выработать общение диалектов между собой (положение, приложимое к разным областям славистики, в том числе, по его представлению, к истории возникновения первого литературного языка славян), и идея "гибкого" понимания праславянского и древнерусского единства как заведомо "сложных" – всего не перечислить... Спектр проблематики, которой он касался в 80-е и развивал в 90-е годы, давно имеет своих поклонников и оппонентов и еще долго будет находить достойных интерпретаторов (в зависимости от интересов последних: будь то проблема балто-славянских отношений или споры вокруг древненовгородского диалекта и т.д.). Укажу лишь на еще одну его мысль, показавшуюся мне (в связи с моими научными интересами) достойной самого серьезного внимания. На примере анализа слов (и представлений, заключенных в них), типа **duša*, **grěxъ*, **světo*, он продемонстрировал не только праславянскую принадлежность и индоевропейскую древность этой и другой "высокой (культурной) лексики", отвергая неверие в существование "самой этой высокой, культурной страты дописьменного языка славян (их культурного наддиалекта, интердиалекта...)", но более того, на основании этого он утверждал, что "христианство гибко переняло <культурную религиозную терминологию праиндоевропейской древности> у славянского язычества"³.

Со временем занятие это (публично выступать) он уже не любил и всячески его избегал; все же произнесенные с трибуны мысли удивительным образом освежали его, эмоционально сильно подстегивали, давали ему неожиданный новый импульс, и потому Галина Александровна всячески побуждала его к выступлениям.

Однако вот уже поменялись увлечения слушателей, и залы пустели. Это не могло не печалить, притом, что доклады его не уступали прежним по значимости и глубине мысли. Разительным контрастом тому, что видели и слышали мы в 80-е годы, явилась его лекция там же, в полупустом Политехническом музее, 20 января 1998 года, когда, начав почти нехотя, О.Н. проговорил в два – два с половиной раза больше времени, ему отведенного, и сам был после так поражен собственным увлечением, что на следующий день в возбужденном состоянии подошел с извинениями "за болтливость" и в благодарность "за терпение" преподнес с дарственной надписью второе издание "В поисках единства" (М., 1997).

Много говорилось о том, что Трубочев не любил возиться с учениками. Наоборот, он был учителем по преимуществу: у него многое написано пером учителя, тоном мягкого, ненавязчивого, порой обращенного к самому себе, поучения, поднимающегося иногда до интонаций пророка. Думаю, со мной согласится всякий, кто с ним хоть однажды говорил или его слышал – его письменная и устная речь удивительно совпадали. Один мой знакомый пришел к нему и сказал: "Я хочу быть Вашим учеником", повторил еще и еще. О.Н. улыбался и молчал. Это вызвало недоумение, по-видимому, ожидалось что-то вроде передачи "тайн ремесла" – Трубочев

³ Мысль эта неоднократно в том или ином виде высказывалась и последний раз весомо повторена в докладе к XII Международному съезду славистов (С. 9).

молчал. Все "тайны ремесла" – в его работах, ничего, из того, что он накопил, не скрыто, в его архиве почти не осталось неопубликованных работ.

Впрочем, есть у него и отдельная общеметодологическая работа о научном труде, написанная специально "для молодежи", "Беседы о методологии научного труда" (с подзаголовком "Трактат о хорошей работе" – журнал "Русская словесность" за 1993 год, № 1). В ней останавливают внимание несколько мыслей, помимо тех, к которым всякий, занимающийся наукой, неизбежно приходит сам. Среди них – положение о плодотворности "переживания успеха, которое так нужно исследователю и вкус к которому необходимо развивать у себя"; сформулированное явно с юмором соображение о том, что есть скромность в науке: "Зачинать надо в тиши", – с обычным для него этимологическим пояснением: "Недаром самая удачная этимология слова *затеять*, пожалуй, сближение с *таить, тайна*" (речь идет о молодых людях, затевающих "звонкую работу", которую они не способны закончить); совершенно замечательная идея "духовной невинности": "Свое место в науке, свое лицо, гордость и самостоятельность дерзаний – об этих вещах надо не забывать с самого начала. Пусть в нашем багаже, кроме унаследованного и усвоенного богатства, всегда будет и свое, до чего дошли сами... Образно говоря, эвристические потенции нашего ума могут быть довольно высоки именно на стадии духовной невинности"; в этой статье выражена его убежденность, что ученик должен максимально предоставляться самому себе и что "опытные преподаватели советуют давать <ученикам> задачи, которые кажутся неразрешимыми"; здесь же сформулировано производящее впечатление очень личного высказывание об эпигонах и эпигонстве: "...Эпигонство досадно еще и потому, что содействует обеднению фактического богатства, унаследованного от учителя-инициатора, очень часто безвинно при этом страдающего". Последнее прозвучало в связи с обсуждением "огромных по важности вопросов морали в науке", первым среди которых автор называет отношение учителя и ученика. "Этика у нас находится в... запущенном состоянии", – вскользь бросает он и приводит ставшее уже знаменитым высказывание В.И. Абаева: "Если бы меня сейчас спросили, какая наука важнее всего в наше время? Языкознание? – Я ответил бы: нет. Физика? – Нет, не физика. Сейчас для нас важнее всего этика". Будучи сам образцом нравственности и честности, больше он, насколько мне известно, к вопросам этики (по крайней мере, письменно) не возвращался.

Продолжение этой работы – статья "Образованный ученый" (с уточнением в тексте: "образованный мыслящий лингвист", с. 10), посвященная обзору и оценке современных лингвистических теорий и методов, обращена уже к сформировавшемуся специалисту – начинающему такого не говорят: "Сущность языка, по-видимому, асимметрична, и в этом причина его постоянных изменений" ("Русская словесность". 1993. № 2. С. 7).

Итак, об учениках. Их, на самом деле, не так мало. Многие признавали себя его учениками. Даже такой серьезный ученый, как Л.А. Гиндин, не единожды повторял, что несмотря на небольшую разницу в возрасте между ним и О.Н. Трубачевым, он считает О.Н. своим учителем. Но почему-то принято говорить об учениках, когда возрастной барьер между учителем и учеником приблизительно такой, как между отцом и сыном. У О.Н. было несколько аспирантов, но среди его учеников обычно называют (и сам он всегда называл) двоих: Сашу (Александра Евгеньевича) Аникина и Сашу (Александра Константиновича) Шапошникова. Первый принадлежит непосредственно к нашему поколению, и все, о чем здесь рассказано, переживал вместе с нами, – второй пришел позже. Оба узнали об О.Н. по его публикациям, оба появились издалека. Саша Аникин – из Новосибирска, Саша Шапошников – с Кубани. Знакомство началось с писем.

С. Аникин написал О.Н. письмо, не только полное восхищения его работами, но содержащее уже собственные соображения молодого ученого. О.Н. был тронут, ответил ему. На этом все бы и закончилось, и дело ограничилось бы, скорее всего, перепиской, если бы не вмешательство Г.А., убедившей О.Н., что такой знающий,

устремленный к этимологии человек должен стать его аспирантом. Так состоялась их встреча, а затем родилась кандидатская диссертация, переросшая позже в книгу "Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне" (Новосибирск, 1988). Александр Евгеньевич Аникин – ныне крупный ученый, этимолог, автор ряда серьезных работ, посвященных заимствованиям в русских говорах Сибири (Тунгусо-маньчжурские заимствования в русских говорах Сибири. Новосибирск, 1990; Этимологический словарь русских говоров Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 1-е изд. Новосибирск, 1997; 2-е изд. Москва-Новосибирск, 2000), создатель нового балто-славянского словаря (Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Материалы для балто-славянского словаря. Вып.1 А–Г. Новосибирск, 1998), – остался таким же застенчивым и скромным человеком. Живет он по-прежнему в Новосибирске, работает в Сибирском отделении РАН. В годы ученичества у О.Н. он не только был страстно влюблен в этимологию (в те годы это было нашей общей страстью), столь же увлеченно изучал он поэзию Анненского, Ахматовой, Мандельштама... Несколько небольших книжечек, написанных сразу после кандидатской диссертации, посвящены этому. Этимология и поэзия находились у него тогда в сложном переплетении и взаимодействии, неожиданно и оригинально дополняя и обогащая друг друга. Выбор его колебался между путем этимолога и стезей литературоведа... Но этимология, как видно по его последним книгам, не просто перевесила, а стала единственным и главным делом его жизни. Их отношения с О.Н., похоже, сложились не совсем так, как того хотел Саша, ожидавший большей душевной близости с учителем. О.Н. при всем внимании, высокой оценке и гордости своим учеником все же близко его к себе не подпустил.

Гораздо счастливее в этом смысле оказался другой ученик Олега Николаевича – Саша Шапошников. Начало знакомства – похожее. Еще будучи студентом Кубанского университета (в Краснодаре) он тоже написал О.Н. восторженное письмо (по-древнегречески), которое начиналось обращением: ὦ Διδάσκαλε (О, Учитель)! По случайному совпадению оба (учитель и ученик) – с юга России, оба исходили Крым вдоль и поперек, изучая древности, оба испытывали острый интерес к топонимике этих мест, скрывающей многовековые напластования прихода-ухода разных народов – кто только не топтал эту землю! Через несколько лет после упомянутого письма они встретились, и оказалось, что их связывают не только общие научные интересы, но и какая-то трудно объяснимая внутренняя близость, поддерживаемая в чем-то сходной психологической организацией этих людей. Оба были наделены острым чувством моря, горных и степных просторов, оба по-южному понимали фрукты, виноград и вино. Эти чувства иные, негородские. Оба стремились прочь из большого города, почитая и почти обожествляя свой дом, свой сад, выращенные в нем плоды, своих домашних животных... Когда позже, уже после окончания аспирантуры в академическом Институте языкознания, защитив кандидатскую диссертацию "Опыт реконструкции реликтового языка (по материалам Хазарского каганата)", Саша Шапошников, отказавшись от заманчивых предложений остаться в Москве, поселился на родине своих предков-болгар в Коктебеле, обзавелся там собственным домом и стал вести жизнь отшельника, многим это показалось странным, но не Олегу Николаевичу, который не только любил повторять, что у каждого свой путь, но в данном случае принял дорогу, выбранную его учеником, с каким-то особенным удовольствием. Наблюдая за их общением, приходило на ум, что они понимают друг друга почти без слов. Совершенно естественно поэтому, что при подготовке к изданию книги "Indoarica в Северном Причерноморье"⁴ О.Н. пригласил его принять участие в составлении самостоятельного раздела – "Этимологического словаря языковых реликтов Indoarica". Так родилась их совместная работа, о которой позже О.Н.

⁴ Книга долго пролежала в готовом виде и была опубликована только в 1999 году.

очень тепло отозвался в статье "История одной книги" (Вестник Российской академии наук. Т. 71. № 3. 2001. С. 254).

А.К. Шапошников, живя в Коктебеле, много писал, опубликовал с комментариями Жития Иоанна Готского и Стефана Сурожского, этимологическое исследование об исторических названиях окрестностей Коктебеля "Старый добрый болгарский Коктебель" (Симферополь, 1999). С переездом в Харьков наступил новый этап в его жизни: он начал активно сотрудничать в издательстве "Эксмо-Пресс", где готовит к печати книги, посвященные разным культурным аспектам античности и древнего мира: переводит, комментирует, пишет вступительные статьи (за два года их вышло около десятка). Неожиданно удивительным образом оказались востребованы его прекрасное знание античности и любовь к этимологии. Таким поворотом в жизни своего ученика О.Н., кажется, был очень доволен. Новостью, с которой О.Н. уже не суждено было познакомиться, было предложение того же издательства подготовить в короткий срок однотомный этимологический словарь русского языка, над которым А.К. Шапошников сейчас и работает.

* * *

Чтобы как-то оценить феномен Трубачева и людей того же масштаба, в качестве далекой аналогии приходит на ум античная оценка личности (и феномена) Пифагора: "Есть боги, есть люди, а есть Пифагор"...

В последние недели жизни Олега Николаевича, в больнице, рядом с ним была книга о Пифагоре, составленная его крымским учеником А. Шапошниковым⁵.

Второй книгой, что сопровождала его в эти дни жизни (но, наверное, первой по значимости для него), совсем не случайно оказался труд В.Н. Топорова о святости. А значит, и все мысли были – о том.

⁵ Пифагор. Золотой канон. Фигуры эзотерики. М., 2001.

© 2003 г. В. В. ЛЕВИЦКИЙ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ КОРНИ *sep(h)ə-/sp(h)ē-, *era-/rē-, *elə-/lē- "РЕЗАТЬ, СВЯЗЫВАТЬ, ГНУТЬ" И ИХ ДЕРИВАТЫ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Вступительные замечания.

В современных работах по этимологии (имеются в виду работы последних 10–15 лет) становятся все более заметными поиски и применение новых исследовательских приемов, в основу которых положено несколько довольно четко обозначившихся гипотез и идей. Назовем некоторые из них.

Индоевропейские преформанты. Идея об и.-е. преформантах широко представлена в работах М.М. Маковского. Так, например, М.М. Маковский полагает, что в качестве табуирующих маркеров в индоевропейском "использовались вариативные формы слов – с преформантами и без преформантов": и.-е. *ag- "сакральное действие, жертвоприношение", но да. *lāc* то же; и.-е. *log- "вода", но лат. *aqua* то же; а. *land* "земля", но арм. *and* "поле" и т.п. [Маковский 2000: 237; 2002].

Семантический синкретизм. При сопоставлении слов в поисках приемлемого этимологического решения в работах по этимологии предпочтение отдается сходству формы, а не содержания, поскольку семантическое развитие слова протекает весьма причудливым образом, а потому не поддается формализации и трудно предсказуемо. Многократное разветвление исходного значения приводит к утрате интуитивно ощущаемых семантических связей между словами; поэтому в этимологических словарях типа [Pokorny 1959] подчас трудно определить, имеем ли мы дело с разошедшимися вариантами некогда единого корня или с омонимичными корнями.

Семантическое и формальное сходство между некоторыми "омонимичными" в слове Ю. Покорного неоднократно обсуждалось в лингвистике. "Не редки случаи, – замечает, например, В. Мерлинген, – когда слова, явно близкие по своей форме и значению, в словарях Покорного и Вальде–Покорного рассматриваются в совершенно различных местах и должны быть извлечены оттуда и сгруппированы заново" [Merkingen 1978: 43]. Сходные мысли высказывались и Б. Егерсом: "Между омонимичными (в словарях. – В.Л.) существует семантическое родство, которое невозможно распознать с первого взгляда" [Jegers 1966: 8]¹. В конечном итоге идея о смысловом родстве формально идентичных, но семантически несхожих, а иногда противоположных лексем привела ко все более четко формулируемой гипотезе о семантическом синкретизме, под которым понимается "объединение в одном значении нескольких, часто трудно совместимых, семантических компонентов" [Левицкий 2001: 94]. К таким компонентам относятся прежде всего [резать], [связывать], [гнуть]. Так, например, если исходить из того, что и.-е. корень *(s)nē-ǵ- означал не

¹ Тенденция пересмотреть данные, представленные в словаре [Pokorny 1959], сгруппировать содержащиеся в нем лексические единицы в иные лексико-семантические парадигмы, восстановив возможные утраченные семантические связи между "омонимичными" корнями, явно прослеживается и в некоторых отечественных работах по этимологии (см., например [Монич 1998; 2000, Маковский 2000; 2002]).

только "связывать, сплести нити, ткать, прясть", как это сформулировано в [Pokorny 1959: 973], но обладал синкретическим значением "связывать/резать". становится возможным пересмотреть этимологию германского корня **snīþ-* "резать". происхождение которого до сих пор считается неясным [Lewickij 1998; Левицкий 2001].

Аномальный аблаут. Под аномальным аблаутом понимают явление, обозначаемое немецким термином Ablautentgleisung (буквально "соскальзывание с колеи аблаута"). Это явление заключается в том, что в некоторых случаях вместо ожидаемого и.-е. чередования *e – o – нуль* в составе дифтонгов *eī* (*eī – oī – нуль*) или *eū – oū – нуль*) наблюдается чередование *eī – eū – нуль* или его варианты *eī – нуль*, *eū – нуль*. Известным примером, где этимологи вынуждены идентифицировать формы, не полностью соответствующие друг другу (с позиций "нормальной" мены гласных, с помощью понятия Ablautentgleisung, является германский корень **stak-/stik-/stak-* "колоть"; ср.: да. *stician* (< **stik-*) "колоть, прокалывать", дисл. *steikja* (< **stak-*) "поджаривать на вертеле" (< "протыкать острием"), но гот. *staks* (< **stak-*) "рубец, след от раны", двн. *stahhula* "шип, колючка, острие" [Walde, Hofmann 1938–1956, 1: 707; Pokorny 1959: 1017].

Наиболее приемлемое объяснение возникновению аномального аблаута дал П. Перссон: и.-е. корни типа **sterə-*, трансформируясь в вариант **streē-*, могут далее либо расширяться с помощью формативов *i* или *u*, либо оставаться без такого рода первичного расширителя, порождая соответственно формы **strēī-*, **strēu-* или **strē-* /*stre-*. Ср.: да. *strīcan* "тереть, мазать" (< **strēī-g-*), дисл. *strjuka* "мазать, бить" (< **strēu-g-*) [Persson 1912: 857]. Аналогично: н. *bleich* "бледный", двн. *bleih* (< и.-е. **bhlaī-g-*). но гр. φλέγω "горю, сияю", н. *blaken* "коптить, чадить", да. *blac* "темный, черный" (< и.-е. **bhle-g-*).

Возможность аномального чередования гласных учитывалась в единичных случаях, как показано выше, в некоторых этимологических словарях и других работах по этимологии. Так, приведенный выше и.-е. корень **snēī-*, как отмечает Ю. Покорный [Pokorny 1959: 975], также мог выступать в виде вариантов **snēu-*, **sneū-*, **sner-*, **snep-* (заметим, что в соответствии с теорией П. Перссона наличие таких вариантов предполагает исходную форму **senə-/snē-* с дальнейшим расширением с помощью формативов *i*, *u*, *r* и др.). О.Н. Трубачевым [Трубачев 1957: 29–31] допускается чередование и.-е. **ǵheu-/ǵheī-* "лить". Однако, пожалуй, наиболее широкое использование в этимологии аномальных чередований гласных, позволившее сопоставить ранее несопоставимые формы и таким образом найти оригинальные этимологические решения, характеризует работы Я. де Фриса [Vries 1958; 1962]. Опыт, накопленный современной этимологией [Seebold 1997; Schmid 1996], показывает, что учет аномального чередования гласных может оказаться эффективным инструментом этимологического анализа, позволяющим либо пересмотреть уже существующие этимологические решения, либо найти таковые в тех случаях, когда происхождение той или иной формы в течение длительного периода времени остается спорным и неясным.

Семантическая типология. Языковая типология становится важным процедурным приемом при реконструкции индоевропейской фонетики, морфологии и синтаксиса (это убедительно продемонстрировано в целом ряде работ в сборнике "Новое в зарубежной лингвистике" [НЗЛ 1988]). Заметно возрос интерес и к семантической типологии как к одному из исследовательских приемов в этимологии. Так, например, решая вопрос о происхождении и.-е. числительного "девять", В. Блажек изучил типологию образования этого числительного в языках различного строя и обнаружил, что все "типологические параллели" можно свести к двум основным моделям: "9 = 10–1" и "9 = 8 + 1", причем первая модель встречается намного чаще, чем

вторая. С учетом этого и.-е. **Н₁newt* "девять" трактуется как "одного не хватает" [Blažek 1999: 197–200].

Разумеется, сама по себе семантическая типология не может служить ни доказательством этимологической гипотезы, ни основанием для идентификации формально сходных, но семантически далеко отстоящих друг от друга корней. Однако "семантические параллели" (в "традиционной" семасиологии их принято называть "семантическими законами") могут подтвердить гипотезу о генетическом единстве тех форм, семантическая близость которых вызывает сомнение, если набор сем или семантических трансформаций, объединяющих эти формы, регулярно повторяется в других случаях. Закономерности семантической сочетаемости нередко позволяют найти приемлемое этимологическое решение там, где чисто формальные методы оказываются неэффективными.

2. И.-е. корень **sep(h)ə-/sp(h)ē-*.

2.1. Среди реконструированных в [Pokorny 1959] и.-е. форм корень *sep(h)ə-* не значится. Тем не менее, в свете изложенных выше гипотез существование такого корня представляется весьма вероятным. Основанием для его реконструкции являются прежде всего зафиксированные в [Pokorny 1959] формы, представляющие собой типичные дериваты сем [резать, бить], [вить, крутить] и [гнуть]:

1. *sp(h)ə-*, *sp(h)ə-(dh)-* "длинный плоский кусок дерева" (с. 980);
2. *(s)p(h)ēi-/-(s)p(h)eī-/-(s)p(h)i-/-(s)p(h)i-* "острый; острый кусок дерева" (с. 981);
3. *(s)p(h)el-* "расщеплять, откалывать, отрывать"; "доска" (с. 985);
4. *(s)p(h)el-* "блестеть, мерцать" (с. 987);
5. *(s)p(h)e(n)d-* "биться, дергаться, сучить ногами" и (через промежуточное звено [колыхаться, мигать, мерцать], как отмечает Ю. Покорный) "блестеть" (с. 989);
6. *sp(h)eng-* "блестеть" (с. 989);
7. *(s)per-* "стропило, балка; шест, копьё" (с. 990);
8. *sper-* "вить, крутить, плести" (с. 991);
9. *(s)p(h)er-* "рвать"; "клочок" (с. 992);
10. *sp(h)er-* "биться, дергаться, отгалкиваться ногами, подсакивать" (с. 991);
11. *sp(h)er(dh)-* "дергаться, прыгать" (с. 996);
12. *sperĝh-* – "быстро двигаться, спешить, прыгать" (как замечает Покорный, *sperĝh-* является дериватом корня *sper-* "подсакивать, дергаться" – с. 998);
13. *(s)plei-* "расщеплять, раскалывать" (при этом в [Pokorny 1959] делается отсылка к **spheł-* и **plēi-* "голый, непокорный" – с. 834).

Почти во всех гнездах, представленных в [Pokorny 1959] под соответствующими леммами, корни с начальным *s-* чередуются с корнями без *s-mobile*: ди. *sphaŕati* "рвет" – *phalati* "раскалывается" (< **sp(h)el-*); гот. *spinnan* "прясть" – арм. *hanum* "ткать, шивать" (< **spend* – "растягивать, прясть"; рус. пружина – ди. *sphūrjati* "вырывается, выскакивает" (< *(*s*)*phereg-* "дергаться, вскакивать"). Все это дает основание рассматривать в качестве вариантов приведенных выше корней их корреляты без *s-mobile*, например, **peu-* "очищать, просеивать", **peu-* "исследовать" и **pēi-* "бить; острый, рубить" (с. 827), **per-* "бить", **perg-* "шест", **perk-* "разрывать, раскалывать; борозда", **pēi-* "подчинять боль, ущерб, хулить" (гот. *faijan* "хулить, порицать", *tijan* "ненавидеть"), **peĕ-* "теребить шерсть" и др.

Связь корня **spheł-* с некоторыми корнями без начального *s-* не осталась без внимания и в [Pokorny 1959: 986–987]: "С *(*s*)*p(h)el-* "расщеплять" возможно совпадают: **pel-* "кожа, шкура", **spelg-* "расщеплять", **splei-* "расщеплять", **plei-* "лысый", **plēk-*, **plēik-* "рвать", **pleu-* (*s, k*) "выдергивать, выколупывать", **plas-* "отщеплять". В этом кратком, но весьма важном замечании косвенно признается: а) наличие связи между корнями с *s-mobile* и без *s-*; б) возможность чередования в и.-е. корне *e – ei –*

еи; с) семантическая связь между 'расщеплять' и 'кожа', 'лысый', 'выдергивать и т.д., d) возможность сведения всех перечисленных форм к единой базе **sp(h)el-*

Таким образом, можно реконструировать и -е корень **sep(h)ə-/s)p(h)ē-* с синкретическим значением "резать/связывать, плести, гнуть" Этот корень порождает множество дериватов, основными из которых являются **sphēl-* (см выше п 2), **sp(h)er-* (см. п 8–12), **sp(h)el-* (см п 3, 4, 13) В приведенном выше перечне отсутствует форма **sp(h)eu-* как коррелят формы **sp(h)el-* Однако в [Pokorny 1959] 998–999 допускается реконструкция и -е **spēu-/speu-/spū-* гр σφύζω "дергаюсь, быстро двигаюсь, устремляюсь" двн *spioz* "пика, копье" Теоретически может существовать корень **sphem-/pet-*, однако в [Pokorny 1959] такая форма не засвидетельствована

И.-е. гнезда **sp(h)ē-* "длинный плоский кусок дерева" (> двн *spān* 'щепа, стружка' дисл *spānn* 'стружка, кусок дерева'), **sp(h)el-* "острый, острый кусок дерева" (> двн. *spiz* "вертел", н. диал *Speil* 'стружка, щепа, клин'), **sp(h)el-* "растягивать, пряхть" (> гр σλόσσι "оторванное, клочок", σπάδιξ "отломанная ветвь" σπάτος 'кожа'), **spend* 'растягивать, натягивать, пряхть' трактуются в [Pokorny 1959] 980–989] как отдельные, за редким исключением (**sphē-* "длинный кусок дерева" считается дериватом корня **sphel-* "тянуть") омонимичными образованиями Между тем, значения щепа, стружка", "копье", "клин", "тонкий", "острый" и т.п. являются типичными дериватами семы [резать] – ср гот *skaidan*, н *scheiden* "отделять, выделять" – лит *skiedarà* 'стружка', свн *schiten* 'расщеплять' – двн *scit* "полено, кусок дерева", свн. *scheite* "стружка" (< **skei-* "резать"), рус *колоть* – *кол*, *клин*, алб. *hele* "вертел, пика, копье" (< **skel-* "резать") Значение "тянуть", как видно по приведенным выше дериватам корня **sp(h)el-*, может возникнуть как вариант семы [рвать, сдирать] (не случайно гр. σπάτος, "кожа" Покорный трактует как "содранное" – с. 982) Возможна также след линия развития 'резать' > "проводить полосу, борозду" > тянуть (семантическую типологию ср в [Левицкий 2001] 96, пункт n).

Не исключено, что в и-е гнезде **sphel-* "тянуть" (в том виде, как этот корень представлен в Pokorny) смешались дериваты различных и-е корней Во всяком случае, типичные дериваты семы [резать], как показано выше, в этом гнезде явно присутствуют. Анализ рассмотренного материала позволяет утверждать, что в дериватах корня **sep(h)ə-/sphē-* наблюдается синкретизм значения "резать/связывать". Сема [резать] представлена в герм гнезде **spel-/fel-* "расщеплять" (см далее 2.2); сема [связывать] представлена в гнездах **fleh-* (н *flechten* "плести", двн *flehtan*, гот *flahta* (дат. п.) *коса (волосы)*'), дисл *flāta* "плетение из соломы, подстилка" // лат *plectera*, рус. *плести*, < и-е **plek(t)-* "плести"), *flaisk-* (см 2 11) и в др гнездах

Аналогичное семантическое расщепление наблюдается в и-е корне *(s)*per-*. *sper-* 'крутить, вить' (гр. σπειρά "сплетенное" – канат, сеть), *spher-* "разрывать" (гр. σπάρωσσω *разрываю*), *per(t)-* "бить" (ди *pirt-* "битва, борьба"), *perg-* "срубленное дерево (дисл *forkr* 'жердь, столб', рус *порог*), *sper-* "бревно, балка, копье" (см далее 2.3)

2.2. Наиболее полно и четко сема [резать, расщеплять] представлена в герм гнезде **SPEL-/SPAL-/SPÖL-*:

a) н *spalten* "расщеплять", двн *spaltan* то же, да *speld* "кусок дерева, факел", свн *spelte* *заноза, обломок (копья)*'), дисл *spjald* "доска", гот *spilda* "доска для писания" // гр σφολάσσειν 'колоть, расщеплять', лат *spolium* "содранная шкура", рус *полоть*, половина, дирл *altan* "бритва", < и-е *(s)*phel-* "лопаться, расщепляться",

b) а. *flint* "кремень", да *flint* "галька, кремень", н *Flinte* "ружье" (< кремневое ружье), дисл. *fletta* (< **flintōn*) "колотый камень" (< **splind-/flind-*, назализованный вариант и-е *(s)*plei-* "расщеплять" [Luhr 1988 105])

Сюда же, т е к и-е **spel-* "расщеплять", может быть отнесено еще несколько гнезд:

с) и *flink* "быстрый" (< "блестящий"), нн *flinkern* "сверкать, блестеть", н *flinkern* "сверкать" Развитие значения 'резать > сиять" носит регулярный характер [Левицкий 2001 97, пункт r],

d) дисл *spjall* (< **spel* þa-) "вред, ущерб", да *spild* "уничтожение, развалины", дисл *spilla* "портить, убивать", да *spildan* 'уничтожать" (ср [Левицкий 2001 95, пункт d]),
е) дисл *spqlr* (< герм **spaluz*) "тонкая плоская жердь", дисл *spjalkir* (мн. ч) "клинья", *spelkja* "накладывать шину", да. *spelc* "шина, лучина" (< и -е **spel-g*)

2.3. Аналогичный набор сем наблюдается в герм гнезде **SPER-/SPAR-* н *Sparren* "стропило, балка", двн *sparro*, дисл *sparri* то же // лат *sparus* ' короткое копьё", ирл *sparr* "брус, жердь",

н *Speer* "копьё", двн, дс *spe*, дисл *spjor* (мн ч) "копьё", < и -е **spe*- "жердь, шест, балка"

Сходные значения включают в свою семантику дериваты вариантов **spe*₁- (да *spitu*, н *Spieß* "вертел", дв *spiz*, н *spitz* "острый", двн *spizzi*) и **spe*₂- (н. *Spieß* копьё ' двн *spioz*, дисл *spjōt* то же)

2.4. В свете выдвинутой гипотезы о единстве семантико-деривационной системы, объединяемой корнем **sep(h)ə-/sp(h)ē-*, могут получить новую этимологическую интерпретацию многие герм и и-е корни Дериватом корня **spe*₁- 'резать" является герм **spik-/spak-*

а) дисл *spīkr* "острие, гвоздь, шип" // лат *spīca* "колос", *spīna* "шип, колючка",

б) н *Speiche* "спица", двн *speihha*, дс *spēka* (в [Pokorny 1959 981] < **sp(h)e*₁- "острый кусок дерева"),

с) дисл *spiki* "синица", шв (диал.) *spikjn* "тонкий, тощий", исл *speikja* сушить', снн *spik* "сухой" (в [Pokorny 1959. 982] < и-е **sphei-* "тянуть"),

д) без расширителя ₁ сюда же норв *spake* "жердь", да *spæc* "ветка", двн. *spahha* "сухой хворост", н (диал) *Spach* "щепка, стружка", н *spack* "ветхий, ссохшийся", *Specke* "мост в виде жердей, бревен" [Pokorny 1959 980] < **sphe-* 'плоский кусок дерева"

Сюда же, с нашей точки зрения, т.е к корню **spē-/spe-* "резать", – дисл. *spakr* "умный, опытный", *speki* 'разум", происхождение которых в [Vries 1962 531] считается неизвестным, а в [Pokorny 1959 981] возводится к **slēg-* "всматриваться, смотреть". Развитие значения "резать, острый > умный" носит регулярный характер [Левицкий 2001 96, пункт i]

2.5. В системе дериватов и -е *(s)*pē-* наблюдается типичное соотношение между семами [резать, сечь], [прерывистое движение, дрожать, вибрировать] и [цвет] н. *spalten* (< **sp(h)el-* "расщеплять") – н *Falter* "мотылек", гр *πάλλω* "размахиваю" (< **pel-* "размахивать, трясти, дрожать, двигаться туда-сюда") – дисл. *fqlr* ' блеклый, бледный, желтоватый", да *fealu*, двн *falo* то же // рус пелесый (< **pel-* "серый, блеклый" и "пестрый, пегий") Ср такое же соотношение в корне **re*₁- ди *rikhātu* "царапает", лит *riēkti* "резать хлеб" (< **re*₁*kh-* "царапать, рвать, резать") – лит *gāinas* "серый, пестрый" (< **re*₁- "пестрый")

2.6. Еще одной часто наблюдаемой семантической закономерностью является соотношение сем [резать, колоть, обрабатывать острым инструментом], [мука, песок], [хвоя] и [penis]. лат *pīnso* "раздавливаю", снн *visel* "ступка", свн *fisel* "penis" (< *pe*₁*s-* "раздавливать, размалывать'), рус песок (< **pēs-/pēns-* "пыль, песок"), лат *pēnis*, двн *fasel* то же (< **pes-* "penis) – двн *fiuhita* "сосна" (< **pe*₁*kh-* "колоть') Ср также лат *pulvis* "пыль" (< **pel-* "мука, пыль" – [Pokorny 1959 802]) Приведенные и -е корни **pes-*, **peis-*, **pel-* и т д мы рассматриваем, разумеется, как дериваты и -е (s)*pē-* "резать, колоть" с чередованием *e-e*₁ - *e*₂

2.7. Герм. **SPIHT-*

и *Specht* "дятел", двн. *speht*, днсл. *spettr* // лат. *pīcus* "дятел", *pīca* "сорока", ди. *pīka*- "кукушка", дрпрус. *pīcle* "рябинник", < и -е **spiko-/spiko-* "дятел и др. крупные птицы" [Рокоту 1959 999] Корень явно восходит к и -е *(s)*peik̃-* "высекать, вырезать, испещрять" (рус. *писать*, *пестрый*, дс. *fēh* "пестрый", днсл. *fār* "пестрый", гот. *filu-faihs* "разнообразный") Этот корень дает два семантических деривата. "резать, высекать, долбить" (> "долбящий > дятел") и "испещрять, пестрый" (> "сорока", "кукушка" и т.д.) Думается, что этим объясняются противоречия в названиях птиц с различными характеристиками [Kluge, Seebold 1989 683]

2.8. Герм. *FINK-

и *Fink* "зяблик", двн. *finko*, шв. *spink*, *spikke* "небольшая птица, воробей" // гр. σπίνκος 'зяблик', σπίνζω "пищу, чирикаю", < и -е *(s)*ping-* "воробей, зяблик" [Рокоту 1959 999] В [Kluge, Seebold 1989 215] – безоговорочное утверждение о звукоизобразительном происхождении корня Между тем, **sping-* может быть назализованным вариантом корня *(s)*peig-/peik-* "резать, высекать, испещрять" (см. выше, 2.7) Эти корни порождают семы, обозначающие прерывистые звуковые или световые сигналы (т.е. "трещать, чирикать" и т.п., с одной стороны, и "пестрый, рябой", – с другой) Поэтому понятие "зяблик" может быть интерпретировано и как "пестрый", и как "пищущий" Во всяком случае звукоизображение носит здесь вторичный характер

2.9. Герм. *FIM-/FUM-

а (диал.) *fimble* "топтаться", норв. *finra* то же, днсл. *ord-fim* "остроязыкий, находчивый". а *fumble* "топтаться, шарить, ходить вокруг", днсл. *firm* "быстрый, проворный", *fima* "спешить" // дирл. *ēim* (< **peim-*) "быстрый", < и -е **peim-* "быстрый" В [Рокоту 1959 795] трактуется как звукоподражание С нашей точки зрения, – дериват и -е. *(s)*pē-* с синкретическим значением "резать/связывать" (*pē* > *peim-*, *peik-*, *peig-*, *peik̃-*, *peuk-*, *peu-g-* и т.п.). Сема [резать] регулярно порождает значение "быстрый" (см. [Левицкий 2001 105, пункт 4.6])

2.10. Герм. *FLAH-/FLUG-

а) а *flay* "сдирать кожу, свежевать", да. *flēan* то же, днсл. *flā* (< **flahan*) "сдирать шкуру", *fletta* (< **flahtjan*) "стягивать (одежду)", норв. *flaga* "быть ободренным", днсл. *flagna* "очищаться (от скорлупы и т.д.)", днсл. *flaka* "зиять, отделяться, расщепляться" // лит. *plėšti* "рвать" С учетом лит. *plėišeti* 'лопаться, рваться' (о коже), *plyšė* "щель, трещина" в [Рокоту 1959 835] реконструируется **plēk̃-* и **plēik̃-* "рвать, отрывать"

Очевидно, *plēk̃-* образовывал не только вариант с расширителем *i*, но и с *u* (см. выше высказывание Покорного – п. 2.1), ср.

б) и *Flocke* "клочок, пушинка", двн. *flocko* // лит. *plaukas* "волос", лтш. *plauki* "снежинки, отбросы при тканье" (< и -е **pleuk̃* "пушинка, перо, волосы, отбросы") В [Kluge, Seebold 1989 222] *Flocke* связывается с н. *fliegen* "летать" (< и -е **pleu-k-* "лечь, летать") По-видимому, следует исходить из базы *(s)*pelə-/s)plē-* (> *plē-k-*, *plei-k-/k̃-*, *plēu-k-/k̃-*) с синкретическим значением "резать/связывать") При таком допущении сюда же относится и -е **pleu-s-/plus-/ples-* (также с "аномальным аблаутом"):

с) и *Vlies*, свн. *vlius* (< **flūs-*) "руно", н. *Flaus* "клок волос", снн. *vlūs* "овечья шкура", н. *Flausch* (нн), норв. *flūra* "лохматые волосы",

д) днсл. *flosa* "отбросы, осколки", норв. (диал.) *flos*, *flustr* "перхоть" // лтш. *plauskas* "перхоть", лит. *plūskos* "волосы, космы", днсл. *flasa* "тонкий кусок, осколок", *fles* "плоская скала", норв. *flasa* "отщеплять", дшв. *flas* "перхоть", лит. *plāskanos* (мн.ч.) "перхоть"

2.11. Герм. *FLAISK-

а) и *Fleisch* 'мясо', двн *fleisc*, дисл *flesk(t)* "сало, окорок"; < герм. **flaisk-* 'мясо' Происхождение неясно В [Pokorny 1959 835] и в [Kluge, Seebold 1989: 219] возводится к **plēk-/plēīk-* 'рвать, отрывать" В [Kluge, Seebold 1989] не исключается связь со стсл *плѣть* (рус *плоть*), лит. *plūtà* "корка", однако не дается никаких разъяснений по поводу несоответствия *e* в герм и *eu* в слав формах Поскольку *плоть* предполагает и -е **pleu-/plu*, а *Fleisch* – и -е **plei-*, в соответствии с теорией П. Перссона следует исходить из базисной морфемы *(*s*)*plē-* с расширителями *l* и *u*. Вариант без расширителя порождает форму, зафиксированную в *Flasche* 'бутылка', двн. *flasca*, дисл *flaska* < **flaht-ska-/flaskō-* [Kluge, Seebold 1989] – первоначально, по-видимому, плетение, оберегавшее сосуд сделанный из глины Сема [мясо] обычно связана с понятием "резать", а сема [плетение, сосуд] – с понятием "связывать, плести" Таким образом, следует реконструировать и -е корень *sp(h)elə-/splē-* > *ple-k plei-k, pleu-k ple-s-, plei-s-, pleu-s-* и т.д. с синкретическим значением 'резать, рвать/связывать, плести"

Сюда же *b*) норв (диал.) *flike* 'зияющая рана', дисл *flik* "тряпка, лоскут", да *flēc* (< **flaik*) "мясо", да *flisce* (< **flikja-*) "окорок", дисл *flikki* то же; в *Fleck* 'пятно', двн *flecko* (< "яркий лоскут"), свн *vlec* (< **flikka-*) "кусок, лоскут", дисл *flekkr* "пятно, участок земли", < герм. **flaik-/flik-*, с) с голл. *vlēs* "мясо", дисл *flis* "отрезанный кусок, осколок", шв *flister* "перхоть", н *Fliese* (нн.), свн *vlise* 'четырёхугольная каменная плитка', дисл *flīs* 'осколок, щебень" (< герм. **flais-/flis-*), *d*) дисл *flīda* "большая рана"

2.12. Герм. **FLAI-/FLI-*

норв (диал.) *flein* 'лысый, голый', норв *flisa* "улыбаться, скалить зубы", *fleis* "лицо", *flure* 'хихикать", дисл *flim* 'насмешка" *flimta* "насмеяться", *fleinn* 'стрела, дротик" (< "ободранный кусок дерева") В [Pokorny 1959 835] это гнездо сопоставляется с рус *плешь* и возводится к корню **plēi-/plai-* "лысый, обнаженный" С нашей точки зрения, в основе лежит корень *spelə-/splē-* "резать, расщеплять", который дает дериваты *splei-* и *spleu-* Сема [резать, расщеплять] регулярно порождает значения 'обрезанный, ободранный' (ср дисл *flīs*, см выше 2.11) и "гримаса, лицо" (ср. а. *smile* "улыбаться", а. *smirk* "ухмыляться", да *smerian*, н *schmieren* (диал.) "улыбаться", двн *smierēn*, н *schmollen* "дуться на к-л, улыбаться" // рус. *смеяться, ухмыляться хмуриться, хмулиться* (диал.), < и -е **smei-/smeu-* + *r/l* "искажать лицо гримасой" [Трубачев 1974–2001, Вып 8 43])

2.13 Герм. **FILH-/FULH-*

а) *H befehlen* 'приказывать' двн *bifelahān* "передавать, доверять, хоронить", да *fēolan* "проникать, внедряться", дс *bifelhan* "доверять", дисл. *fela* 'скрывать', "вверять", гот *filhan* "прятать, хоронить", *fulhsni* "тайное, тайна" Этимология спорна. Обычно герм. **filh-/fulg-* возводят к **pel-* "покрывать, скрывать" [Pokorny 1959 803] Значение этого корня хорошо согласуется со значением "прятать > хоронить", но плохо совместимо со значениями "вверять, доверять" > "рекомендовать, приказывать" Более обоснованной поэтому представляется гипотеза (см [Kluge, Seebold 1989 68]) об исходном значении "внедряться, проникать", зафиксированном в да. *fēolan*.

b) и *folgen* "следовать, двн *folgēn*, дисл *fylgja*, < герм. **fulg-* 'следовать" Обычно сопоставляется с кимр. *ol* 'след', < и-е **polgh-* "след ступни" Однако явное формальное сходство **fulg-* "проникать" и **fulg-* "следовать" дает основание для их отождествления И-е корнем мог быть **pel-* со значением 'жать, давить" (< и-е. **sphel-* 'бить, резать расщеплять), который непротиворечиво объединяет семы [оставлять след] > *folgen*. [проникать] > *filhan*, [быть близко] > гр *πέλας*, [толкать, бить, стучать] > лат *pekkere*, н *Filz* 'войлок", двн *filz*, а также, возможно, [копать, перепахать] > свн. *velgen*, н (диал.) *Felge* 'залежное поле после перепахки" А.Е. Аникин сопоставляет н. *folgen* с рус *ползти*

2.14. Герм. *FÖL-/FUL-/FIL-*

гот. *us-folma* "испуганный", дисл *felms-fullr* "испуганный", двн *felm* "страх, испуг", дисл *falma* "щупать, касаться, дрожать, двигаться туда-сюда" // рус переполох, всполохнуть. В [Pokorný 1959 801] < **pela* "лить" > быстро двигаться, размахивать, дрожать". Так как, по мнению Ю Покорного, дисл *falma* означает как "быть ошеломленным", так и "ощупывать, ощущать", сюда же могут относиться лат *palpor* "глажу, ласкаю", алб *palun* "дрожащий, трепещущий", а также зап-герм **fōljan* "чувствовать, ощущать" Однако семантика герм и других форм противоречит построению "лить > дрожать" Сочетание сем [касаться] и [вибрировать, дрожать, двигаться туда-сюда] типологически соответствует исходному значению "резать" [Левецкий 2001 96–97, пункты *n, r*] Поэтом, более вероятно предположить, что в основе лежит и -е *(s)p(h)elā- с синкретическим значением "резать/связывать"

2.15. Герм. **FRAIS-*

а) гот *fraisan* "испытывать, искушать", дс *frēson* "подвергнуть опасности, искушению", двн *freisōn* "подвергать опасности", свн *vreisen* "подвергать опасности", да *frāsian* "испытывать", спрашивать", сголл *vresen* "подвергать опасности, приводить в состояние страха", дс *frēsa*, дфриз *frēse*, сголл *vrese*, двн *freisa* "опасность", гот *fraustubni* "искушение, испытание", дисл *freisia* "испытывать, искушать", < герм **frais-/ftaisi-* "опасность, подвергать опасности, испытывать, искушать" Этимология спорна Существуют две основные гипотезы а) герм **frais-* представляет собой сложение **fra-is-*, где вторым компонентом может быть дериват и -е **eis-* "быстро двигаться" (обзор литературы см в [Lehmann 1986 123]) или дериват и -е **ais-* "желать, сильно хотеть", б) герм **frais-* является дериватом и -е **per-* "испытывать, пробовать", зафиксированного в гр πείρα "опыт, попытка", лат *experior* "пробую, испытываю" Мы считаем возможным выдвинуть еще одну гипотезу При этимологизации герм **frais-* необходимо учитывать семантическую типологию В этой связи представляют несомненный интерес те и -е корни, где зафиксированы сходные значения "испытывать", "проверять", "исследовать" и т п Дисл *raun* "опыт, попытка", *reyna* "испытывать, искушать" возводится в [Pokorný 1954] к и -е **ereu-* "разыскивать, исследовать, спрашивать", но наряду с этим [Pokorný 1959 337] выделяет "омоним" **ereu-* "разрывать, резать" (ди *arus-* "рана") В аналогичном соотношении находятся "омонимы" **perk-* "спрашивать, просить" и **perk-* "разрывать, копать", **reu-* "исследовать, понимать" (укр *питати* "спрашивать", рус. *испытывать, опыт, попытка*, лат *putāre* "считать, рассчитывать, полагать" – см [Pokorný 1959 821]) и **rēu-/ræu-* "бить, острый, рубить, перерезая" (лат *amputāre* "обрезать, отрезать" – см [Pokorný 1959 827]) Из этих сопоставлений видно, что понятие "опыт, попытка, исследование, испытание" тесно связано с понятием "резать, разрывать, копать, рыть" Это дает основание сопоставить герм **frais-* с гр πρίω "пропиливаю, прогрызаю", πρίων "пила", πρίσσι "спиленное" В [Pokorný 1959 846] это гнездо возводится к и -е **pris-* "измельчать" Изолированность и -е **pris-* (только гр и алб) дает повод полагать, что этот и -е корень является дериватом какой-то иной базовой морфемы Таковой может быть и -е корень **per-*, который в [Pokorný 1959] определяется как "бить", но который явно включает в свою семантику семы [резать], [давить] и т п алб *pres* "отрубаю, режу", ди *pri-* "бой, спор", рус *спор, напор, укр, прати* "стирать" (< "давить, ждать"), относящиеся сюда же лат *premere, pressi* "жать, давить" предполагают и -е **prem-/pres-* Следовательно, сопоставляя *pris-* и *pre-s-*, можно допустить и -е форму **pres-/preis-* с чередованием форматива *i* – нуль Формально **per-* "бить" совпадает с **per-* "испытывать, пробовать", семантическое соотношение между обоими корнями полностью повторяет рассмотренную выше закономерность Таким образом, наша гипотеза сводится к тому, что 1) герм. **frais-* является дериватом и -е **per-* со значением "резать, бить, рвать", 2) этот и -е корень полностью идентичен корню **per-* "испытывать, пробовать", 3) и -е **per-*

"бить, резать" скорее всего является вариантом и -е **sp(h)erā-* с синкретическим значением "резать, рвать/связывать, плести" Сема [связывать, плести] представлена в гр *σπῆρα*, "нечто сплетенное", длит *spartas* "связка, лента" (в [Pokorny 1959 991] – корень **sper-* "крутить, вить"), сема [рвать, резать] представлена в арм *per^c* (< **sperk-to-*) "оторванный кусок", дисл *spjqr* "лоскут, оторванная полоса ткани", гр *σπῆρα-ἄσσω* "разрываю" (в [Pokorny 1959 992] – корень **spher-* "рвать")

В свете этой гипотезы к реконструированному нами и -е **per-* могут восходить герм **fraw-*, **frek-*, **freus-*, **frisk-*

2.16. Герм. **FRAW-*

н *froh* "веселый, радостный", двн *frō*, дисл *frār* "быстрый") Происхождение неясно (см [Kluge, Seebold 1989 233]) Сема [быстрый] возникает либо на базе значения "резать, бить" [Левицкий 2001 105, пункт 4 б], либо на базе "гнуть" (> "прыгать") Эта сема хорошо представлена в след словах ди *právatē* "скачет, спешит", *prava-* "трепещущий, парящий, летящий", рус прыгать, прыткий < и -е **preu-* (в [Pokorny 1959] 845–846) со значением прыгать") С нашей точки зрения, и -е **preu-* является одним из трех вариантов корня **prē-/pre, pre₁-/preu-* (< и -е **spherā-*) со значением "резать, бить" (> "дрожать, вибрировать > скакать, быстро двигаться > быть резвым, веселым")

2.17. Герм. **FREK-/FRAK-*

н *frech* "наглый, дерзкий", двн *freh* алчный, неудержимый', свн *vrech* "храбрый, быстрый, дерзкий", да *frec* 'жадный", дисл *frekr* 'тж", гот *faihu-friks* "скупой" (букв "жаждущий денег") // укр прагнути "стремиться" (в [Pokorny 1959 845] < и -е **preg-* "жадный, резкий" < **(s)p(h)er(e)g-* – биться, дергаться") В свете рассмотренного выше материала можно предположить, что в основе лежит корень **spherā-* с исходным значением 'резать' > "быстрый, резкий")

2.18. Герм. **FREUS-*

н *frieren* "мерзнуть", дисл *fryōsa*, гот *frius* 'холод", < и -е **preus-* – "гореть, обжигать" Не исключено, однако, что герм **freus-* является вариантом корня **frais-* (с чередованием *e₁ – eu* в и -е корне) Общей исходной семьей в этом случае может быть [резать, бить] > "причинять боль" > 'жечь, обжигать (огнем, холодом)" Ср выше 2 15

2.19. Герм. **FRISK-*

а *fresh* 'свежий', са *fresh*, н *frisch* 'свежий', двн *frisc*, дфриз *fersk*, < зап-герм **friska-* "свежий" Обычно сопоставляется с лит *prėskas* "пресный, безвкусный", рус. пресный, хотя в этом случае остается необъяснимым герм *-2i-* В работе Ф Менца, на которую делается ссылка в [Kluge, Seebold 1989 233], сопоставляет герм **frisk-* с лат *priscus* 'прежний, старый' с исходным значением "близкий к первоначальному состоянию, источнику" Эта гипотеза не соответствует толкованию слова *priscus* в [Walde, Hofmann 1938–1956], т к *priscus* является элементом другого гнезда (*prior* и т д) Кроме того, гипотеза Ф Менца не объясняет балто-славянский вокализм Можно допустить, что в данном случае представлен тот же корень **preis-/pres-* "бить, резать", который рассмотрен в *frais-* Понятие "бить, давить, жать" порождает значения, связанные с вкусовыми ощущениями, хотя из-за отсутствия более широкого круга соответствий восстановить точную линию семантического развития не представляется возможным Можно, например, предложить следующую "выдавленный, выжатый > безвкусный, пресный"

2.20. Герм. **FRōð-/FRA þ-*

гот *fra þjan* "понимать", *frō þs* "умный, мудрый", *fra þi* "разум", да , дс *frōd*, двн *frōt*, *fruot*, дисл *frōðr* "умный, разумный", < герм **frōð-/fra þ-* "быть умным, разум-

ным". Происхождение неясно. Сопоставляется с тох.-*B pratim* "решение", лит. *prōtas* "разум", дирл. *rāth* "залог"; < и.-е. **pret-/prōt-* "понимать" [Pokorny 1959: 845].

Сюда же н. (швейц.) *fruetig* "веселый, быстрый, храбрый", двн. *frad* "бодрый, проворный". Вполне возможно, что в основе лежит корень **per-* "резать, бить" (> "быстрый" и "умный") [Левицкий 2001: 96, пункт *i*].

2.21. Возможно также, что дериватами и.-е. **per-* (< **sp(h)era-* "резать, бить, колоть") являются еще несколько герм. гнезд, происхождение которых до сих пор остается неясным:

а) герм. **FURH*¹ -: да. *furh* "сосна", н. *Föhre* "сосна", двн. *forha*, дисл. *fura* "сосна". Происхождение неясно (см. [Kluge, Seebold 1989: 225]; в [Pokorny 1959: 822] < *perku us* "дуб").

б) герм. **FURH*²: да. *fyrhto, fryhto* "страх", н. *Furcht* "страх", двн. *forhta*, гот. *faurhtei* "страх". Происхождение неясно (в [Pokorny 1959: 820] < **preg-* "страх", только в герм. и тох.). Можно полагать, что в основе лежит и.-е. **per-* "резать, бить". Аналогичные значения наблюдаются в дериватах корня **(s)pel-* (см. выше 2.14).

с) герм. **FURH*³ / *FARH* -:

н. *Forelle* "форель", двн. *forhana*, да. *forn(e)*, дс. *furnia* то же // гр. *περῶνος*, "пестрый, с темными пятнами", ди. *pršni* "пестрый, пятнистый", сирл. *erc* "пятнистый, темнокрасный"; < и.-е. **perk-/prek-* "пестрый, пятнистый". Примечательно, что сюда же в [Pokorny 1959: 821] относятся гр. *περκύος*, "ястреб" ("пестрый" – ср. выше 2.7) и *πρωξ* "капля росы".

д) дисл. *fränn* (< **frahana-*) "искрящийся, острый, мужественный" (в [Pokorny 1959] не рассматривается). В семантике этого дисл. слова отчетливо проявляются дериваты значения "резать", которое может развиваться в "пестрый, сверкающий, острый". Это дает основание реконструировать для гнезд *a, b, c, d* и.-е. корень **per-k-/k-/k^h-* со значением "резать, колоть", который, возможно, реализуется также в н. *Furche* "борозда" (< **perk-* "разрывать" [Pokorny 1959: 821]).

2.22. Семантическая структура и.-е. корня **sepha-* и реконструкция понятийного поля в индоевропейском.

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие основные выводы. Множество индоевропейских корней (**sp(h)ēi-*, **sp(h)er-*, **sp(h)el-*, **per-*, **peu-* и т.п.), представленных в словаре [Pokorny 1959] в виде отдельных омонимичных образований, могут быть сведены к единой праформе **sep(h)ə-/sp(h)ē-* с синкретическим значением "резать, обрабатывать острым инструментом / связывать, сплестать". Расширяясь с помощью формативов *i, u, r, l, n*, корень **sp(h)ē-* порождал дериваты: **(s)p(h)ēi-*, **(s)p(h)ēu-*, **(s)p(h)er-*, **(s)p(h)el-* и др., в семантике которых две основные исходные инвариантные единицы (гиперсемы) реализуются в виде следующих вариантов (сем).

1. Гиперсема [обрабатывать острым инструментом] порождает семы: [резать, острый] > "бритва", "проводить полосу, тянуть", "причинять боль, ущерб, устрашать, унижать" и др.; [расщепленный/отщепленный кусок дерева, кожи, камня, ткани] > "тряпка, лоскут", "щепа, стружка, лучина", "копье, пика, вертел, клин", "кол, жердь, стропило, полено, доска", "перхоть, клочок, пушинка, снежинка", "капля", "галька, камешек", "мясо", "половина"; [колоть] > "хвоя", "сосна", "*penis*"; [тереть > растертое] > "мука, песок"; [сдирать > содранное] > "кожа" и др.; [резать, рвать, отрывать > отделять, лишать] > "грабить", "лысый, голый, лишенный оперения, растительности", "очищенный"; [сечь, дробить > прерывистое движение, дрожать, вибрировать] > "пестрый, рябой", "мерцать, блеснуть", "спешить", "быстрый, ловкий, умелый, умный".

2. Гиперсема [связывать, соединять] порождает варианты: [плести > сплетенное] > "канат", "сеть", "подстилка", "сосуд, бутылка", "ткань, ткать", "коса, связанные волосы" и др. Разумеется, некоторые значения могут восходить либо к семе [резать], либо к семе [связывать]. Так, "прясть" может быть истолковано как "тянуть, вытя-

гивать" или как "скручивать"; "быстрый" может возникнуть из "верткий" или из "резвый" и т.д.

Поскольку набор перечисленных сем регулярно повторяется в семантической структуре других исследованных нами корней [Lewickij 1998; Левицкий 2001], возникает вопрос, нельзя ли изучить такую регулярность с помощью каких-либо более точных методов и измерить силу связи между повторяющимися семантическими единицами. Как показывает накопленный опыт, наиболее подходящими статистическими приемами, позволяющими находить и измерять связи между семантическими (или семантическими и формальными) единицами, являются корреляционный анализ [Москович 1969: 54] и критерий хи-квадрат [Levickij, Romanova 1997]. Однако эффективное использование названных методов возможно только в том случае, если частота встречаемости ("повторяемость") исследуемых единиц будет достаточно высокой. В этимологических штудиях данное условие может быть реализовано путем сплошного обследования семантики всех лексем, приводимых в словарях типа [Рокому 1959] под соответствующей леммой (и.-е. корнем). Понятно, что такой анализ станет возможным лишь после того, как будут созданы компьютерные версии подобных словарей. Тем не менее, использование простейших квантитативных приемов в этимологии возможно уже сегодня. Продемонстрируем это на примере исследованных нами и.-е. корней **sej-*, **seu-*, **ser-*, **sem-*, **sen-*, **sek-* и **sep(h)*.

В семантической структуре перечисленных и.-е. корней было выделено 10 гиперсем: 1) [жила, тетива] – ср.: ди. *snāyu-* "жила", гр. *veūtov* "жила, связка, тетива", *veυ-πή* "тетива лука", лат. *nervus* "жила, нерв", арм. *neard* "жила, волокно", да. *snār* "струна" (< **sen-*); 2) [связывать, сплести, крутить, вить]; 3) [резать, рубить, обрабатывать острым инструментом]; 4) [причинять боль, ущерб, унижать, порицать, хулить]; 5) [гнуть]; 6) [отпускать, позволять, расслаблять > метать] – ср. лат. *sinere* "позволять, оставлять", *desinere* "оставлять, прекращать", ди. *sāyaka-* "метательный снаряд, стрела" (< **sej-*); 7) [тянуть]; 8) [дрожать, вибрировать]; 9) [сиять, блестеть]; 10) [быстрое движение].

Наличие перечисленных выше гиперсем в семантической структуре восьми и.-е. корней зафиксировано в таблице 1 (эта таблица представляет собой извлечение из развернутого сводного перечня, в котором рассмотрены связи между формальными и семантическими единицами не только на уровне гиперсем, но и на уровне более мелких единиц – сем).

Полученные таким образом данные о связи определенных форм с определенными смыслами обрабатывались далее с помощью формулы, предложенной в свое время О.Л. Каменской [Каменская 1970: 73] и С.Г. Бережаном [Бережан 1973: 65]:

$$M = \frac{2C}{m+n}$$
, где M – коэффициент связи между двумя единицами (в данном случае –

между гиперсемами), C – число общих элементов, входящих в структуру этих единиц, а m и n – число элементов соответственно в структуре первой и второй единицы. Например, сила связи между гиперсемами [жила, тетива] и [вибрировать, дро-

жать] измеряется таким образом: $M = \frac{2 \times 2}{2 + 6} = \frac{4}{8} = 0.5$. Результаты проведенного ана-

лиза представлены в таблице 2. Недостатком использованной нами формулы является то, что она не позволяет определить, насколько статистически значимыми (существенными) являются величины полученных коэффициентов. Воспользуемся (разумеется, число условно) соответствующими данными, применяемыми в статистике при определении значимости коэффициентов корреляции. При числе коррелируемых пар, равном 10 (число гиперсем), значимыми будут величины коэффициентов не менее 0.71 (значимость на так называемом пятипроцентном уровне равна 0.71, а на однопроцентном уровне – 0.83 при числе степеней свободы $df = 10 - 2 = 8$). В соответствии с этим связи между гиперсемами условно можно разделить на "силь-

Связь формальных и семантических единиц

Гиперсемы	и -е корни							
	<i>seɪ-</i>	<i>seɯ-</i>	<i>sel-</i>	<i>ser-</i>	<i>sem-</i>	<i>sen-</i>	<i>sek-</i>	<i>seph-</i>
1 жила	+					+		
2 связывать	+	+	+	+		+	+	+
3 резать		+	+	+	+	+	+	+
4 причинять боль		+			+		+	+
5 гнуть		+	+	+	+	+	+	+
6. расслаблять	+	+	+	+	+	+	+	+
7. тянуть		+	+					+
8 дрожать	+	+			+	+	+	+
9 блестеть	+	+			+		+	+
10 быстрое движение		+		+		+	+	+

Таблица 2

Величины коэффициентов связи между гиперсемами

Гиперсемы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1 жила	–	44	22	00	22	40	00	50	29	29
2 связывать		–	86	67	93	88	60	.77	67	.83
3 резать			–	73	1	93	60	77	67	83
4 причинять боль				–	72	67	29	.80	89	.60
5. гнуть					–	93	60	77	67	83
6 расслаблять						–	55	86	77	77
7 тянуть							–	44	.44	50
8 дрожать								–	91	73
9 блестеть									–	60
10 быстрое движение										–

ные" (величины коэффициентов 0.83 и выше), "средние" (величины коэффициентов 0.71–0.82), "слабые" (от 0.40 до 0.70) и "очень слабые" (от уровня до 0.39)

Парадигматические отношения между семантическими единицами на табл. 1 представляют собой не что иное, как понятийное поле, покрываемое лексическими единицами – и.-е. корнями **seɪ-*, **seɯ-* и т.д. Хотя полученные данные страдают неизбежной погрешностью в силу их огрубления и при проведении предварительного семантического анализа (разбиения семантического пространства на компоненты – гиперсемы), и при последующей довольно примитивной квантитативной обработке результатов компонентного анализа, они дают, тем не менее, возможность более наглядно представить структуру анализируемого понятийного поля. Ядро поля, если учитывать гиперсемы, обладающие наиболее сильными связями (от 0.93 до 1), составляют [резать], [связывать], [гнуть], [расслаблять]; к ядру близко примыкают (коэффициенты с величинами от 0,71 до 0.89) [дрожать], [причинять боль], [блестеть], [быстрое движение] Периферию поля составляют гиперсемы [жила] и [тя-

нуть] (максимальные коэффициенты – соответственно 0.50 и 0.60). На периферии поля могут находиться семы, либо относящиеся к ядру иных полей, сопряженных с рассматриваемыми, либо находящиеся с ядерными семыми в определенных деривационных отношениях. Так, например, [блестеть] может быть дериватом семы [дрожать], а [причинять боль] – производным семы [резать, сечь]. Сема [жила, тетива], наоборот, может сама быть производящей базовой гиперсемой для ядерных сем [резать], [связывать], [гнуть], почти полностью утративших первоначальные связи с исходной семантической основой. К периферийным семам в рассматриваемой понятийном поле может относиться сема [лить, течь], которая, очевидно, является дериватом гиперсемы [расслаблять, отпускать] > "дать течь, лить, наполнять", на что есть прямые и очень убедительные указания в литературе [Трубачев 1974–2001 Вып. 15: 159], где псл **lit* "лить" возводится к и.-е. **lē* – "лить", отождествляемому с и.-е. **lē* – "отпускать, расслаблять, позволять". В аналогичном соотношении находятся и.-е. корни **sē* – "метать, бросать" и **sē* – "цедить, течь" [Petsson 1912: 698]. Наиболее полно все перечисленные значения совмещены в гр ἵημι "приводить в движение, посылать; швырять, бросать, стрелять; дать течь, выливать; дать обвинить, повиснуть". Проведенный нами дополнительный анализ [Левицкий 1997: 170] показывает, что сема [лить, течь] обнаруживает слабые парадигматические связи (от 0.36 до 0.50) с гиперсемыми [гнуть], [метать] и [связывать, плести]. Сказанное дает основание рассматривать в качестве вариантов и дериватов, образованных от и.-е. **sep(h)ə/sphē*-, и.-е. корень **pel* – "течь, лить, вытряхивать", а также корни **pel* – "приводить в движение", **pel* – "складка, складывать", **pek* – "брызгать, рассеивать" (< "швырять, метать"), **pe* – "бить, рубить", **plē* – "сдирать, отрывать", **pre* – "прыгать" (< "гнуть"), **prīs* – "размельчать", **peig* – "враждебно настроенный", **peim* – "быстрый", **peis* – "раздавливать, размалывать" и др.

Данные таблицы 1, как сказано выше, могут быть использованы для вычисления связи не только между смысловыми, но и между формальными единицами, т.е. между и.-е. корнями. Как показывают проведенные расчеты, наиболее сильные (ядерные) парадигматические отношения связывают корни **se*-, **sen*-, **sek*- и **seph*-. Предварительный анализ показывает, кроме того, что к реконструируемой парадигме может относиться также корень **stā*- и его дериваты **stei*-, **steigh*-, **stebh*- (соотношение между **stā*- и **stei*- такое же, как между **bha*- и **bhel*-, **stā*- и **stel*- и т.д. – см. [Pokorny 1959: 118]), а также **tek*-, **tem*-, **ter*-, **ten*- и др. со значениями "острый", "колоть", "течь", "бить", "столб, жердь", "плести, ткать", "резать", "тянуть" (к дериватам **ten*- и **temp*- "тянуть" в [Pokorny 1959] относятся, например, ди *tanti*- "бечевка, струна, ряд", гр τένων "жила", ди *tantu*- "нить, бечевка, струна", рус тетива и т.п.), "дрожать", "тереть, растирать", "крутить", т.е. весь типичный набор сем, входящих в рассмотренное понятийное поле.

3. И.-е. корень *erə*-/*rē*-.

3.1. В [Pokorny 1959] различаются корни *erə*-, *re*1- и *re*2-. Формы **re*1- [там же 857–871] зафиксированы в следующих значениях: 1) "резать, рвать, царапать, высекать"; 2) "пестрый, пятнистый"; 3) "кричать, реветь, рыгать"; 4) "владение, богатство"; 5) "опираться". Кроме того, в качестве отдельных корней рассматриваются **reig*- "связывать", **re*1-*r*- "дрожать", **reidh*- "двигаться". Семантика форм, **re*2- в значительной степени совпадает с семантикой **re*1-. Ср.: 1) **re*2- – "реветь, издавать хриплый звук"; 2) "рвать, копать, разрывать"; 3) "спешить"; 4) "рыгать" ([Jégers 1966: 143] обратил внимание на связь понятий "рвать" и "рыгать" – ср рус *ego pvet*). Совпадение некоторых значений (прежде всего – "резать, рвать, царапать, копать") в семантических наборах корней **re*1- и **re*2- дает основание рассматривать их в ка-

честве дериватов корня **ara-/rē-*, образующих параллельные корни *rei-/reɥ-* с чередующимися *i/u*

Возможно реконструируемый таким образом и -е корень **era-/rē-* идентичен тому **era-/re* который в [Pokorny 1959 326] определяется как двигаться, и тому **era-* которое [Там же 332–333] формулируется как 'рыхлый, распадаться, распускаться'. Поскольку значения 'резать, бить, ломать' и 'быстрый, резкий', как показано в [Левицкий 2001 105] (ср также лит *raišti* копать, рыть, рус *рушить*, но укр *рух* движение да *earu* прыткий, проворный', дисл *qrr* быстрый), связаны закономерной связью, оба названных выше корня (вместе с вариантами *reɥ* и *reɥ-*) могут быть всего лишь дериватами единой исходной базы с более общим значением 'резать, бить, обрабатывать острым инструментом'. Идентификация **era/rē-*, **rei-* и **reɥ* позволяет внести некоторые уточнения в этимологизацию нескольких герм. корней, происхождение которых считается спорным, неясным или неизвестным. Речь идет о таких словах как, например н *Rain* межа, *Reh* 'косуля', *Reif* 'обод', *Reihe* 'ряд', *Riemen* 'ремень'. Проблемы, связанные с этимологизацией этих и др. слов обусловлены, как нам представляется, прежде всего тем, что значение 'связывать' в семантике этих слов нередко трудно отделимо от значения 'резать', а поэтому успешное этимологическое толкование этих слов возможно только с учетом закона о синкретизме понятия 'резать/связывать'. Дериваты корней **reɥ* и **rei-* четко подразделяются на две группы – типичные представители гиперсемы ['резать, рвать'] и гиперсемы ['связывать, соединять']

3.2. И.-е. **reɥ-*:

а) ['резать, царапать, рвать'] Эта гиперсема представлена такими семами [режущий инструмент] > значения пила, серп, нож – дивн *rifila* пила да *rift er* серп дисл *risull* лемах плуга. Сюда же, по видимому, дисл *ristill* энергичная женщина. В [Vries 1962 448] высказывается сомнение относительно связи этого слова с корнем 'резать'. С нашей точки зрения, наоборот, сема [резвый] является типичным дериватом семы ['резать']

['рвать, срезать'] – норв *rip* отрывать, да *ripan* а *reap*

'собирать (срезать) урожай',

[межа, граница] – дисл *ra* граница, межа (< герм. **raih-*),

[берег, кромка] – фриз *rip(e)* край берег, свн *rif* берег,

[кант, край] – дисл *rip* кромка, борт, лодки

[лоскут, клочок] – дисл *rift* кусок ткани,

[борозда] – вост – фриз *riffel* борозда, лтш *riēwa* щель, царапина, складка, борозда,

['резать повреждать, ранить'] – дисл *rista* резать, рассекать, дшв *rista* высекать руны снн *risten* надсечь // ди *risvati* повреждается, авест *raēš-* ранить, повреждать, наносить ущерб

Почти все перечисленные лексемы в [Pokorny 1959 857–858] относятся к и -е **rei-* рвать, царапать, резать

б) ['связывать, сплести, скручивать'] – дисл *rifa* шить, *reifar* (мн. число) пеленка, сверток дисл *reip*, да *rāp* силок, канат, дивн *reif* 'пояс, ремень, кольцо, обруч'. Это гнездо в [Pokorny 1959 857], как ни странно, возводится к тому же и -е корню **reɥ-* 'царапать'. Поскольку основное значение этого гнезда (сплести, скручивать) явно противоречит понятию 'резать, рвать', Ю. Покорный пытается объединить оба понятия с помощью промежуточного звена 'клочок, полоска'. Если для дисл *rift* кусок ткани, а также платье, накидка, занавеска можно допустить в качестве исходного значения 'кусочек, клочок', то вряд ли такое толкование приемлемо для слов со значениями 'силок, канат, пояс, обруч, кольцо, шить' и т.д.

Перед нами вновь, как показано в [Левицкий 2001 94–95], попытка привести в соответствие противоречивые значения с помощью сложных деривационно-семантических построений. Те же явления можно, однако, объяснить в свете закона о синкретизме понятия "резать/связывать", даже если этот синкретизм носит вторичный характер

3.3. И.-е *reu-:

а) гиперсема [резать] –

[рвать, раскапывать] – лат *ruere* "рушиться", сирл *rūam* лопата, заступ, н *raufen* "дергать, рвать", двн *roufen*, гот *raurjan* "выдергивать, выщипывать" (в [Pokorny 1959 868 – 870] < и -е *reu-),

[грубая поверхность, кожа] – н *rauh* "шероховатый" двн *rūh* "грубый, покрытый волосами", дс *rūgi* "грубая поверхность, шкура", свн *ruhe* "мех да *rūhe* грубое шерстяное покрывало", дисл *rū* тоже [Pokorny 1959 870], н *ruppig* "потертый, лохматый", норв (диал) *rus* "тонкая скорлупа, кожица", дисл *hold-rosa* "мясо с кожей",

[щетиновый, лохматый, грубый, неровный] дисл *rjūfa* (< *reu b-) ломать, разрывать, *rūfinn* "щетиновый, лохматый", нн *rubbel* "неровность, куча земли", вост-фриз *rubben* "царапать, скрести", дисл *rūfr* "рожь" ("щетиновая"), лат *rubus* "куст ежевики" ("нечто рвущее, разрывающее"),

[лоскут, кусок, осколок] – лат *rūdus* 'галька, камни', сирл *rūad* 'руины, развалины' дисл *reyrr* "куча камней", *rūst* 'руина, развалившаяся стена', н (диал) *Riester* "заплата, лоскут для починки обуви", датск *ros* "обрезки, отходы", дисл *røgg* (< *rawwa-) "шерсть, пучок волос, травы" [Pokorny 1959 869],

[небольшой, незначительный] – дисл *rūrr* "незначительный, бедный",

[кастрировать, обрезать] – голл *runen* "обрезать", н (шваб) *raun* 'мерин', н *Hahnrei* "муж-рогоносец (< *han-rūne 'кастрированный петух"),

б) [связывать] – двн *riomo* "пояс, ремень", лат *rūga* "морщина складка", лит *raikti* "морщиться, морщиниться". Поскольку значение н *Riemen* "ремень" противоречит сем [резать], в [Pokorny 1959 868] дается стандартное объяснение (< "оторванный кусок кожи"). Разумеется, такое объяснение вызывает сомнения (в Kluge, Seebold 1989) происхождение н *Riemen* считается неясным). Точно так же не соответствуют понятию "рвать, разрывать" значения приведенных выше лат и лит слов, Ю Покорный пытается объяснить их семантику через промежуточное звено [борозда]

3.4. Аналогичное соотношение сем наблюдается в дериватах корня *erā-:

а) [резать] – ди *irma-* "рана", стсл *oputi* "разрушать", лит *ardyti* "отделять, расщеплять" (в [Pokorny 1959 333] < *erā- "разделять, отделять"), лит *ūrbinti* "прокалывать шилом, дырывать" (в [Pokorny 1959 333] – отдельный корень *ereb- 'сверлить, острый инструмент"),

б) [связывать] – лат *rēte* "сеть, невод", лит *rētis* "сито из лыка" (в [Pokorny 1959 333] < *erā- 'отделять'), с нашей точки зрения, в основе лежит мотив [связывать, сплетать], а не [просеивать, отделять] – еще один пример того, насколько тесно переплетены обе семы),

С учетом некоторых рассуждений Перссона [Persson 1912 666, 773, 839 и сл.] дериватами и -е *erā- можно считать также приводимые в [Pokorny 1959] в качестве отдельных самостоятельных образований корни *ereb- 'сверлить, острый инструмент', *erek-/rek- "разрывать, расщеплять, сдирать шкуру", *eres- 'колоть', *ereu- "разрывать" (дисл *err* "рубец, шрам", ди *arus-* "рана")

В свете рассмотренных типологических закономерностей представляется возможным уточнить или пересмотреть этимологию нескольких герм и и-е гнезд.

3.5. Герм. *RAIH-:

н *Reh* "косуля", двн *rēh(o)*, дисл *rā* // дирл *riabach* "пятнистый", лит *rāibas* "пестрый" (< и -е *rei-/roi- "пестрый, пятнистый" – [Pokorny 1959 859]) Поскольку в этом гнезде *rei-* чередуется с *reu-* (шв диал *ripa* "белая куропатка", дисл *rjūpa* < и -

е **reu-b-*) и с *re-*, на что (со ссылкой на Шпехта) есть прямые указания в [Рокоту 1959 334], следует исходить из общей базы **erā-irē-* В этом случае сюда же относятся не только слова со значением "рябой, пестрый", но цветообозначения (в [Рокоту 1959 334] формулируется как "темнокрасные и коричневатые оттенки цвета" – ср гр ορφός темный, мрачный", рус *рябой* < и -е **ereb(h)-irenbh-*) Вполне вероятно, что сюда же относится дисл *refr* "лиса" (в [Vries 1962 436] трактуется как дериват и -е *(*e*)*rebh-* коричневый") Сюда же Фрис относит дисл *raf* "янтарь", *jarpr* "темно-коричневый", да *eorp* "темной окраски"

С нашей точки зрения, все рассмотренные выше и -е корни могут быть дериватами базы **erā-irē-* "резать" Значение пестрый, рябой" регулярно развивается на основе понятия "прерывистое движение", которое, в свою очередь, может возникнуть как дериват семы [резать, сечь, колоть] Ср упоминавшиеся в 2 7 сопоставления дс *fēh* пестрый", да *fāh*, дисл *fār* "пестрый", гот *filu-faihs* "разнообразный" // гр ποιχίλος пестрый" (но πᾶρος "острый"), рус *пестрый*, *писать*, < и -е **peik-/preik-/preig-* "метить с помощью насечек или красить, пестрый, цветной", наряду с этим слова для обозначения понятия "колоть" [Рокоту 1959 794], цсл *strъkati* "колоть, жалить", цсл *stroka* "стрекало, укол" – укр *strokatий* "пестрый" Подробнее закономерность "резать > делать пестрым, рябым" рассмотрена в [Горячева 1978]

В контексте приведенных сопоставлений может получить иное этимологическое толкование и -е корень **reudh-* "красный" (н *rot*, двн *rōt*, дисл *raudr*, гот *rauþs* "красный" // лат *ruber* "красный", гр ερυθρός то же и т д)

Учитывая семантику и форму ди *aruñá-* "красноватый", *rávī-* "солнце", авест *aruša-* "белый", П Перссон [Persson 1891· 237] полагает, что и -е **reudh-* может быть дериватом *(*e*)*reu-* (с различными расширителями) Эта плодотворная идея П Перссона наводит на мысль о том, что корень **ereu-* является дериватом и -е **erā-* со значением "бить, ударять, резко двигаться" с последующим семантическим развитием "бить, ударять > рябить, блестеть > белый, желто-коричнево-красный" (семантическая типология рассмотрена в [Левицкий 2001 97]) В свете такой гипотезы получает новое объяснение герм **erkn-* (см 3 6)

3.6. Герм. **ERKN-*:

гот *airkni þa* "чистота", *un-airkns* "несвятой", да *eor-can-stān* "благородный камень", дисл *þarkna-steinn* то же, двн *erchan* "настоящий, правильный", дс *erkan*, < герм **erknaz* "чистый, благородный" Этимология спорна Вслед за рядом исследователей (обзор литературы см [Lehmann 18]) сопоставляется с гр ἀργυρος "серебро", ди *rajata-* то же, гр αργός "белый, ослепительный" (а также "быстрый" ¹), ди *arjuna-* белый, светлый", < и -е **arg-* "сиять", "белый" Это сопоставление считается ненадежным в силу несовпадения герм и и -е вокализма (герм *e*, и -е *a*) Таким "несоответствием" можно было бы пренебречь, учитывая, что и -е -е- могло чередоваться с -а- [Нупан 1985] Однако для германского корня могут быть найдены иные решения Так А Лейси [Lacy 1979] выдвинул гипотезу, в соответствии с которой герм **erknaz* толкуется как и -е сложение **er-gno-s* "благородное рождение" > "благородного происхождения" Эта гипотеза представляется весьма интересной Правда, значение первого компонента не совсем ясно Если этим компонентом является и.-е **arə-* "подгонять, подходить" (> "подходящий, годный"), то с фонетической точки зрения (*ar-* чередуется с *er-*) предлагаемая гипотеза никаких преимуществ перед изложенной выше не имеет Если этим компонентом является **erā-* "двигаться", то все сочетание **er-gno-s* становится бессмысленным

С учетом рассмотренных выше фактов можно допустить, что герм **erkn-* является дериватом и -е **erā-irē-* (> **ereu-*, **rei-*, **reu-*, *(*e*)*rebh-irenbh-*, а также, как в данном гнезде, – **erg-n*) "бить, ударять > рябить, блестеть > быть белым, чистым, желто-красным" (см выше герм **reud-* "красный")

3.7. Герм. *RIUK-:

Принимая во внимание возможное семантическое развитие слов со значениями цветообозначений (см выше 3 6 и 3 7), логично допустить, что сема [прерывистое движение] может порождать на основе синестезии не только значение 'светить, мерцать, блестеть' ("излучать свет"), но и значение "источать запах" В свете этой гипотезы может получить объяснение герм гнездо *riuk-, происхождение которого считается неясным (в [Pokorny 1959 872] < *re₁- "рвать, тошнить", а также 'облако, дым' ?) а reek "дымить, куриться", да rēosan "источать запах, дым", н riechen "пахнуть", двн rihhan, н rauchen "курить", дисл rjūka "курить(ся)", < герм *reuk-/rauk-"дымиться"

Модель семантического развития "дым" полностью совпадает с рассмотренной нами в гнезде stem- [Левицкий 2001· 103] В словаре [Vries 1962 449] корень *reuk- связывается с понятием "лес, корчевать лес", т е принимается гипотеза Й Трира [Левицкий 2001 99, 103]

3.8. Недостаточно четко противопоставление [резать] и [связывать] проявляется в гнезде *rih-/rīg-/rīg- н Reihe "ряд", двн rīga "линия", двн rīhan "нанизывать на нить" Исходным значением могло быть и "резать, прорезать > проводить полосу, линию" и "связывать, нанизывать" (ср ди rēkhá "порез, разрез, черта, линия" < *re₁- "резать, царапать" [Pokorny 1959 857–858], но рус вереница < *₁er- "связывать, нанизывать" [Pokorny 1959 1150]) Целесообразно поэтому, как предлагает О Н Трубачев 1974–2001, Вып 4 80], исходить при этимологизации подобных гнезд либо из древнего синкретизма, присущего семантике и -e *re₁-, либо из предложенного нами понятия "вторичный синкретизм", т е реконструировать для гнезда *rih- в качестве исходного значения не "резать" и не "связывать", а "резать / связывать"

3.9. Двойное толкование допускает также гнездо *rain-"межа". н Rain "межа, опушка леса", дисл rein "межа" // сирл rōen "путь, горная цепь", брет run 'холм' С одной стороны, значения кельт слов полностью совпадают с семантикой герм *brink- (а brink "край, берег", н Brink "холм, покрытый травой", снн brink 'край поля', дисл brekka "склон холма") и, на первый взгляд, не допускают толкования "резать > бороздить > межа"; с другой стороны, такое развитие все же возможно. С опорой на семантическую типологию нам представляется более обоснованным полагать, что семантическое развитие протекало в соответствии с законом "резать > край, кромка > межа, граница" (см. [Петлева 1976 25]), ср дисл grind "корма, край" – рус гряда "продолговатая возвышенность" а также (диал) "межа" [Трубачев 1974–2001, Вып 7 121–122], ирл crich "конец, граница, межа, борозда" – кимр criб "гребень, вершина, верхушка" (ср [Левицкий 2001 96, пункт k])

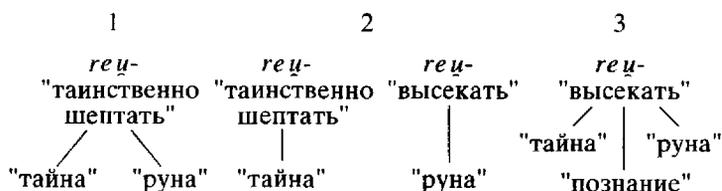
В словаре [Vries 1962 439] дисл rein также относится к корню *re₁- "рвать, царапать, высекать", но семантическое развитие (под влиянием Й Трира) представляет ся таким образом "ломать ветки деревьев > плести ограждение > ограда, забор, межа"

3.10. С корнем *rain- мы сопоставляем параллельный корень *reun-/run- в гнезде н Rune "руна", дисл rūn "тайна", "руна", "волшебный знак", гот rūna "тайна", < герм *rūnō "вырезанный или высеченный волшебный знак" Происхождение неясно Обычно сопоставляется с н raunen "шептать", да rūnian "шелтать" и возводится к корню *re₁- "издавать звук > таинственно шептать" (см [Pokorny 1959 867]) Мы полагаем, что в основе лежит корень *re₁-/re₁- "резать, царапать, высекать", давший два параллельных деривата – *rain- и rūn- Подобная гипотеза высказывалась ранее (в 1941 году) Э Вебером (цитируется по [Vries 1962 453]), который сопоставил rūnō "руна" с зап -герм *rūn- "кастрировать" (см выше 3 3) и, таким образом в качестве исходного значения реконструировал "высеченный, вырезанный знак" Эта гипотеза отклоняется (без указания причин) в [Vries 1962 453] Возможно, Я Фрис полагает, что значения 'высеченный знак' и "волшебство, тайна" плохо согласуются друг с

другом. Учитывая, что значение "резать" может развивать и сему [колдовать], и сему [писать, царапать] [Левицкий 2001: 96, пункт *n*], мы полагаем, что герм. *rūn*- восходит к корню **re*ϥ-, но не со значением "издавать звук", а со значением "резать, царапать, высекать". Сюда же, скорее всего, относится и дисл. *raun* "исследование, попытка, опыт" ("резать" и "исследовать" также связаны друг с другом – ср. а. *furrow* "борозда", н. *Furche* то же – н. *fragen* "спрашивать", дисл. *fregna* "спрашивать, узнавать", н. *forschen* "исследовать", днв. *forscōn* "спрашивать"; < и.-е. **perk̑*- "рыть"). "Волшебство", "писать", "волшебный знак", "магическое исследование знаков письма", "тайна" являются лишь вариантами единого понятия "колдовство". Что касается значения "издавать звук", то она может быть дериватом семы [резать], точно так же, как дериватом этой семы может быть значение "сверкать" (ср. выше 3.6), однако "издавать звук" в качестве исходного значения для "волшебный знак" представляется нам менее вероятным, чем "резать".

Аналогичные сомнения побудили Р.Л. Морриса [Morris 1985: 344–358] выдвинуть гипотезу о том, что герм. **rūn*- "знак письма" входит к корню **re*ϥ- "резать", а **rūn*- "тайна" – к корню **re*ϥ- "издавать звук, таинственно шептать". Таким образом, гипотезы о происхождении герм. **rūn*- "руна" можно свести к трем основным (см. схему 1):

Схема 1

Первая гипотеза представлена в большинстве этимологических словарей (оба понятия – "тайна" и "знак" восходят к корню со значением "таинственно шептать"); вторая гипотеза представлена в работе Р. Морриса ("тайна" и "знак" восходят к двум различным омонимичным корням); мы выдвигаем третью гипотезу (оба понятия восходят к единому корню, но этим корнем является не "звучать", а "резать").

3.11. К корню **eȓ*-/*ȓ*- (с расширителями *i* и *u* и без расширителей) могут быть возведены еще несколько герм. гнезд, происхождение которых считается неясным.

а) герм. **RAH*-:

н. *Rahe* "рея", "поперечная штанга", свн. *rahe*, дисл. *rā* (< герм. **rahō*) "шест (для сушки), рея" // лит. *rėklės* "шесты, сложенные для сушки ч.-л.". В [Pokorny 1959: 863] – дериват и.-е. **rek*- "жердь". Семантика этого гнезда совпадет с семантикой гнезда **reik*- (норв. *rjaa* "шест для сушки снопов", н. *Reck* "перекладина", снн. *rick* "тонкая длинная жердь" и т.д.). Эта формальная и семантическая связь не осталась незамеченной и в [Pokorny 1959: 863]. Таким образом, корни **reik*- и **rek*- представляют собой параллельные образования, возникшие как дериваты с расширителем *i* и без расширителя *i*.

б) герм. **RāF*-/*RAF*-:

1. дисл. *rafr* "полоса мяса палтуса", *refill* "кусок, полоска ткани", голл. *rafel* "волокно, нить" // лат. *rapere* "рвать, тянуть к себе", ди. *rápas*- "телесное повреждение"; < и.-е. **rep*- "рвать, резать" (ср. [Левицкий 2001: 95, пункт *f*);

2. дисл. *refsa*, днв. *refsen* "наказать, порицать", да. *refsan*, *respan* "порицать, хулить", свн. *reffēn* (ср. [Левицкий, там же, пункт *d*]);

3. двн. *rāvo* "балка, стропило", дисл. *rāfr* "крыша на стропилах", *raptr* "бревно, стропило", снн. *rafter* "небольшое бревно, планка" // цсл. *rʹbnuu* "шип"; < и.-е. **rēp-/rəp-* – "столб, бревно, жердь". См. ниже пункт с) – герм. **rōð-*.

В [Pokorny 1959: 865–866] корни **rep-* "рвать" и **rēp-* "столб" рассматриваются как два различных образования. С нашей точки зрения, – это два семантических и фонетических варианта одного корня, который чередуется с **reip-* "рвать, прорезать, царапать" (см. 3.2) и **reup-* "вырывать, разрывать" (формулировки значений принадлежат Ю. Покорному; они, естественно, могут быть уточнены и изменены).

с) герм. **Rōð-*:

да. *rōd* "прут, розга, крест, шест, мера длины", н. *Rute* "прут, розга", двн. *ruota* "прут, шест, мера длины", дисл. *rōða* "прут, жердь, крест" // лат. *rētae* "деревья на берегу реки"; цсл. *patuice* "древко копья"; < и.-е. **rēt-/rōt-/rət-* "жердь, ствол дерева, прут" [Pokorny 1959: 866–867]. Ср. с **rāf-* (3.11–b), где зафиксирован фонетически сходный и.-е. корень **rēp-*. По-видимому, оба корня образованы от базы **rē-* "резать" [Левицкий 2001: 95, пункт f].

д) герм. **RIND-*:

да. *rinde* "кора, корка", н. *Rinde* "кора", двн. *rinda*; а. *rend* "отрывать, раздирать", да. *rendan* "разрывать, разрезать" // ди. *rāndhram* "отверстие, щель, трещина"; < и.-е. **rendh-* "разрвать". Только в герм. и ди. [Pokorny 1959: 865]. Нетрудно заметить, что и.-е. **rendh-* образовано по той же формальной модели, что и **renbh-* (см. 3/5), и по той же семантической модели, что и рус. *кора* (< **sker-* "резать") и, следовательно, может быть дериватом и.-е. **erā-*.

е) герм. **RūM-*:

да. *rūm* "просторный", н. *Raum* "помещение, пространство", двн. *rūmi* "просторный", дисл. *rūmr* то же, гот. *rūms* "просторный, обширный" // лат. *rūs* "деревня, земля, поле", сирл. *rōe* "ровное поле, ширь", тох. А В *ru-* "открыть"; < и.-е. **reu ə-/rū-* "открыть, пространство, просторный" [Pokorny 1959: 874]. Вполне допустимо, что **reu ə-/rū-* может быть вариантом корня **erā-/rē-* со значением "резать > отделять" (ср. лит. *ėrdvas* "просторный, обширный", *ardyti* "отделять, расщеплять" < и.-е. **er-* "разделять" [Pokorny 1959: 333]).

3.12. Герм. **RESK-/RASN-*:

И.-е. чередование *res-/reus-* наблюдается в герм. корнях, служащих для обозначения камыша. Этимоны, положенные в основу наименования этого понятия, соотносятся либо с семей [резать], либо семей [связывать]; ср.: ди. *naða-* (< **snerd-* "плести"), укр. *очерет* (< **sker-* "резать"). П. Перссон [Persson 1912: 814] понятие "плести", т.к. камыш служил материалом для плетеных изделий. С другой стороны, понятие "камыш" связывают с семей [резать] – по форме листьев этого растения. "Благодаря разумнее констатировать, – пишет в этой связи О.Н. Трубачев, – для и.-е. предыстории вообще невозможность разграничения *ker-* "резать ~ плести", образовывавших некий семантический комплекс" [Трубачев 1974–2001, Вып. 4: 80]. В германских языках зафиксировано два корня, обозначающих камыш, которые – с учетом аномального аблаута – могут быть возведены к единой и.-е. праформе **erā/rē-*:

а) а. *rush* "тростник", да. *rysce*, снн. *rusch* "ситник", норв. *rusk* "луговик", да. *resce*, *risc*, а. (диал.) *resh* // лат. *restis* (< **rezgtis*) "трос, канат", ди. *rājuu-* "сылок, веревка", лит. *rėzgis* "корзина", рус. *розга*; < и.-е. **rezg-* "вить, плести" [Pokorny 1959: 874].

Появление в герм. корнях *u* (*rusk-*) можно интерпретировать как выравнивание фономорфологической системы по аналогии (по схеме германского аблаута). Подобные чередования, как показано в [Seebold 1997], особенно часто встречаются в словах, относящихся к *mots populaires*. Можно, однако, усматривать в такой аномалии влияние или генетическую связь с иным гнездом:

б) двн. *rūssa*, *riusa* "верша" (н. *Reuse*), гот. *raus*, дисл. *reyr*, двн. *rōr* (н. *Rohr*) "камыш, тростник" (в [Pokorny 1959: 332] рассматривается в гнезде **er-* "двигаться", но

принадлежность к этому гнезду подвергается сомнению; дальнейшие связи не указаны).

с) сюда же можно отнести гот. *razn*, дисл. *rann* (< **razna-*) "дом", да. *ren* и *ærn*, *ræn* "дом, жилье, постройка, комната". Происхождение неясно. В [Pokorny 1959: 339] (очевидно, вслед за Мерингером [Meringer 1904: 142]), а также в [Lehmann 1986: 283] и в [Holthausen 1934: 12] возводится к **era-/rē-* (*re-s-/ro-s-*) "отдых, покой". В [Vries 1962: 433] дисл. *rann* связывается с герм. **resk-* "камыш" (т.е. "дом, жилье" следует понимать как плетеное строение). Такая гипотеза предполагает и.-е. **era-/res-* с расширителями *g* и *n*. Наша точка зрения сводится к тому, что все три названные выше в пунктах а), б), с) гнезда восходят к единому и.-е. корню **era-* с синкретическим значением "резать/связывать". Такой подход позволяет удовлетворительно объяснить возможную связь (на которую указал Ф. Вуд [Wood 1914: 72]) с перечисленными гнездами да. *ræsn* "балка, планка" (скорее, из "резать, расщеплять", чем из "связывать, соединять").

3.13. Одним из дериватов корня **era-/rē-* может быть известный и.-е. корень **reġ-*, который в [Pokorny 1959: 854] определяется как "прямой, направлять, управлять, простирать" и к которому В.Н. Топоров [Топоров 1974] вполне обоснованно возводит также рус. *резать* ("резать" > "проводить полосу" > "направлять, управлять").

В [Pokorny 1959: 857] зафиксирован еще один корень **reġ-/rek-* со значением "сырой; дождь" (гот. *riġn*, дисл., да. *regn* "дождь"). Думается, что в свете приведенных выше сопоставлений для этого корня также может быть найдено промежуточное звено, позволяющее восстановить его связи с корнем **era-*. Чередование форматов *ġ/k* явно указывает на общую исходную базу **re-*. Можно было бы допустить, что значение "дождь" связано со значением "лить" и, следовательно, исходным значением должно быть "отпускать, позволять" (см. выше 2.22). Но такого значения в семантике потенциальных дериватов корня **era-/rē-*, похоже, не зафиксировано. Однако более детальное изучение семантики лексем, собранных в [Pokorny 1959: 857] под леммой **reġ-* "дождь", показывает, что в этом гнезде присутствует сема [мелкий, дробный]: лит. *rōkė* "мелко моросящий дождь" ("Staubregen"), *rōkti* "моросить, падать в виде мелких капель" (о дожде); та же сема ([капля]) присутствует в семантике алб. *rrjeth* "течь, бить ключом, капать". Значение "капля", как уже отмечалось выше (см. 2.21–с), может быть дериватом семы [резать, бить, сечь]. По такой семантической модели образованы также рус. *капать*, *капля* (< "бить" – см. [Трубачев 1974–2001, Вып. 9: 145]), н. *Tropfen* "капля" (< и.-е. **dhreŋ-b-* "разламывать, разбивать"). Значение "капать" развивается далее в "течь, лить". Так, сочетание сем [брызгать], [капать] и [лить, течь] (а также [бить], [свистеть]) зафиксировано в дериватах псл. **bryzgnŋyi* (см. [Трубачев 1974–2001, Вып. 3: 66–67]). Все это дает основание предположить, что исходным значением для рассматриваемого корня **reġ-/rek-* было "дробить, измельчать" (> "капля, капать" > "течь, лить").

4. И.-е. корень **ela-/lē-*.

4.1. В [Pokorny 1959: 302–310] различается несколько не связанных друг с другом (омонимичных) корней *el-/ol-* (нумерация в нашем перечне не совпадает с нумерацией Покорного):

- 1) "блестеть, быть красновато-коричневым" (лат. *alnus* "ольха", дисл. *elri*, н. *Erle* то же);
- 2) "источать зловоние, вонять, гнить" (лат. *alga* "водоросли", дисл. *uldna* "плесневеть");
- 3) "кричать, звучать" (лат. *olor* "лебедь", дисл. *alka* "пингвин", *jalmr* "шум");
- 4) "гнуть" (лат. *limus* "кривой", гот. *li þūs* "член, сустав", дисл. *limr* "сустав, ветка");
- 5) **el-/ol-* "уничтожать, портить" (например, др.-брет. *el-boet* "голод");
- 6) **el-* "плохой, голодный" (дисл. *illr* "злой", лит. *alkėti*, стсл. *alġkati*) и, по-видимому, дериваты этого корня **elg-* "бедный" (двн. *ilki* "голод", лит. *elgti* "просить милостыню"), **ekl-* "голод";

7) **elkos* "рана, нарыв" (лат. *ulcus* "нарыв");

8) **elə-llā-* "двигаться, приводить в движение".

Далее в [Pokorny 1959] приводится еще один корень **ēl-* (обозначим его номером 9), где долгое *ē* чередуется, по-видимому, с *e/o* или с *ə* – ср.: н. *Ahle* "шило", да. *āl*, *al*, дисл. *alr*, двн. *āla*, *alansa* (обычно для н. *Ahle* реконструируется **ēlā*). Происхождение гнезда 9 считается неясным (см. [Kluge, Seebold 1989: 14]). Для этого гнезда можно реконструировать исходное значение "колоть, долбить, обрабатывать острым инструментом". В пользу такого допущения свидетельствует семантика еще одного гнезда (№ 10), которое в [Pokorny 1959: 309] определяется (со знаком вопроса) как "полоса": дисл. *āll* (< **ēlo-*) "борозда, поток воды между скалами", н. *Aal* "полоса". Обычно сема [борозда] возникает на базе значения "резать, проводить полосу" (см. [Левицкий 2001: 96, пункт *n*]). Таким образом, в итоге мы получаем набор сем, с удивительной точностью повторяющий аналогичные наборы в других корнях, рассмотренных нами ранее. Все это дает определенные основания полагать, что мы имеем дело не с омонимичными корнями, а с единым корнем **el-/ol-/ēl-/ōl-* с синкретическим значением, в котором можно выделить несколько семантических участков (гиперсем): 1) "колоть, долбить, обрабатывать острым инструментом" (гнезда 7, 9); 2) "оживленное движение" (гнездо 8); 3) сиять/звучать" (гнезда 1 и 3); 4) "гнуть" (гнездо 4); 5) "уничтожать, портить, плохой" (гнезда 5, 6); 6) "источать зловоние" (гнездо 2). Последняя сема ([источать зловоние]) может быть включена в семантическую сферу "звук/свет/запах", если исходным значением для гнезда 2 (*alga* и т.д.) было "запах", а не "гниль". Но, скорее всего, это гнездо представляет иной (омонимичный) корень **el-* (М.М. Маковский объединяет значения "запах" и "гнуть" в корне **el-* – см. [Маковский 1989: 24]; там же на с. 144 связь понятий "запах" и "бить" мотивируется сочетанием "бить по органам обоняния").

4.2. Нетрудно заметить, что для полного набора сем в приведенном выше перечне (в соответствии с законом о синкретизме значения "резать/связывать") не хватает значений "резать, отделять" и "связывать". Опыт показывает, что "недостающие" значения следует искать в тех гнездах, происхождение которых остается неясным и спорным. К таковым прежде всего относятся лат. *lacer* "разорванный, разодранный", гр. *λακίζω* "разрываю", *λακίς* "лоскут", для которого в [Pokorny 1959: 674] реконструируется **lĕk-/lĕk-* "разрывать", а в [Walde, Hofmann 1938–1956, 1: 742–743] первоначальное значение и.-е. корня вообще не указывается. Попытки дальнейшей этимологизации лат. *lacer* (например, возведение **lĕk-* к **u lĕk-* < **u el-* "раздирать") вполне справедливо оцениваются как неудачные [Walde, Hofmann 1938–1956]. Примечательно, что на той же странице (743) в словаре Вальде–Хофмана рассматривается близкое по форме лат. слово *lacertus* "верхняя часть руки", которое возводится к той же праформе **lĕk-/lĕk-*, но уже с указанием значения – "гнуть" – как дериват корня **el-/ol-/ēl-/ōl-*. Формальное совпадение конструкторов **lĕk-/lĕk-* в гнездах *lacer* и *lacertus* не позволяло отождествить оба корня, по-видимому, из-за их семантической несовместимости. С нашей точки зрения, закон о синкретизме семантики "резать / связывать/гнуть" позволяет сблизить лат. *lacer* "разодранный", *lacertus* "рука" (< "изгиб"), а также двн. *lahan*, да. *lean* "порицать" (< **lek-/lok-*) и предположить, что все три формы **lek-* являются вариантами одного корня **eləllē-*. Этот корень мог расширяться, как видно из приведенных примеров, с помощью форматива *k* и: далее, с помощью *i* (лат. *licinus*, *limus*); кроме того, он мог выступать в назализованном варианте (ср. лат. *lanx* "блюдо"). Вариант **lĕj-* "гнуть" мог чередоваться с вариантом **lĕu-*, т.е., иначе говоря, корень *(*e*)*lĕ-* мог расширяться с помощью форматива *u*. Чередование *e* – *eĭ* – *eĭ*, возникающее в дериватах корня **elə-llē-* в соответствии с теорией П. Перссона, порождает такие образования, которые создают фонеморфологические бинарные оппозиции типа *lei-*: *leu-* ("гнуть"). Многообразии таких оппозиций

увеличивается за счет чередования семантических компонентов [резать] – [связывать] – [гнуть] и их дериватов. Ср.:

**lep-* "обдирать кору" (гр. *λολός* "кора, скорлупа") и **leup-* с тем же значением (лит. *lūpti* "сдирать кожу, обдирать"). В приведенных формах реализуется сема [резать, сдирать]. Сема [плести, связывать] реализуется в дисл. *laupr* "корзина, плетение", да. *lēap* "корзина, туловище" (в [Рокоту 1959: 690] оба слова считаются – без достаточных оснований – дериватами корня со значением "обдирать кору"; в [Oguibenine 1981: 312] отмечается семантическая близость вариантов *leup-* (*leub-*, *leubh-*), *lep-*, *lop*, *lep-*, однако никакого объяснения этому формальному варьированию не дается.

**leg-* "собирать, соединять" (лат. *legere* "собирать") и *leig-/leiġ-* "связывать" (лат. *ligāre*), *leug-* "гнуть" (лат. *lixus*)

lĕk-/lĕk- "гнуть" (лат. *lacertus*) и *lejk-* "гнуть" (лат. *obliquus*).

**lejs-* определяется в [Рокоту 1959: 671] как "проведенная по земле борозда, след" (лат. *lira* "борозда", гот. *list* "хитрость", дисл. *list* "остроумие" и т.д.). Между тем, [борозда] и [ум] являются типичными дериватами семы [резать] [Левицкий 2001: 96, пункт *i*]. Поэтому корень **lejs-* вполне можно сблизить с корнем **leizd-*, который в [Рокоту 1959: 672] трактуется как "край, кайма" (двн. *līsta* "полоса, кайма, край", да. *līst* "край, кайма, кант"). Сема [кант, кайма] может возникнуть на базе гиперсемы [резать] в силу закона "резать > кант, край" [Петлева 1976: 25; Левицкий 2001: 96, пункт *k*].

4.3. Таким образом, круг детерминативов корня **elā-/lĕ-* был довольно широким, что позволяет значительно увеличить число предполагаемых дериватов этого корня. В частности, сюда же можно отнести сл. **lata* (рус. *латка*, *летать*) с очень спорной этимологией: в [Трубачев 1974–2001, Вып. 14: 47] это слово сближается с *летать* < "нечто висящее, болтающееся"; в [Sławski 1952–1978, V: 35] возводится к корню **elā-* "прокалывать, пришивать", в [Мельничук 1982–1989, т. 3: 199] *lata* < **olta-* сопоставляется с двн. *āla* "шило" (см. выше гнездо 9), а в качестве исходного также реконструируется значение "пришивать". С нашей точки зрения, *lata* можно интерпретировать как "клочок, кусок разодранной ткани" (ср. аналогичную сему в семантике корня **sker-* – стсл. *krъna* "лоскут" [Левицкий 2001: 95, пункт *f*]). Еще один славянский корень с очень спорной этимологией **ladъ* (рус. *лад* "мир, согласие, строй, порядок") также может быть истолкован в свете закона о синкретизме значения "связывать / резать, разрывать/гнуть" как один из дериватов корня **el-/ol-/ōl-*. В [Трубачев 1974–2001, Вып. 14: 11] *ladъ* рассматривается как сложение из приставки *el-/ol-* и корня *dhē-* "класть". Сама же приставка возводится к местоименному корню **el-*. Возможно, из всех существующих этимологий слова **ladъ* представленная в [Трубачев 1974–2001, Вып. 14] является наиболее обоснованной, но, наверное, следовало бы ожидать, что, коль скоро местоимение *el-* переосмыслилось в приставку, то такая должна была встречаться в нескольких корнях (ср. аналогичное развитие и.-е. **apo-/po-*; элемент *po-* встречается как "приставка" в латинском, балтийских и славянских языках). Поэтому нам представляется более вероятной иная версия: слово *ladъ*, возводимое к той же праформе *(*o*)*lōdh-*, которая реконструируется в [Трубачев 1974–2001], следует считать дериватом корня *el-* в значении "связывать, соединять". Иначе говоря, мы рассматриваем семантику **ladъ* как компонент [связывать, соединять] в коррелятивной паре "резать, разрывать" – "связывать, соединять", составляющей синкретическое значение корня **elā-/lĕ-/lō-*. Такая семантическая реконструкция хорошо согласуется с семантикой собственного имени *Лада* (богиня бракосочетания), которое считается генетически связанным с *ladъ*.

Таким образом, корень **el-/ol-/ēl-/ōl-* объединял значения "разрывать, разрезать", "колоть, долбить, обрабатывать острым инструментом", "связывать, соединять", "быстрое движение", "звук/цвет", "гнуть". Как показано выше, хорошо известный

корень **lēu-* "разрывать, отрывать" может также быть одним из дериватов корня **el-*. Если принять такое допущение, то коррелятивным элементом с расширителем *i* (в соответствии с теорией П. Перссона, изложенной в разделе 1), дополняющим корень **lēu-*, следует признать корень **lēi-* в значении "отрезать". Такое допущение позволяет по-новому этимологизировать целый ряд германских и латинских форм, в частности, лат. *limes* "предел, граница, межа, кромка" (происхождение остается неясным). Этимология *limes* может быть интерпретирована в свете уже упоминавшегося семантического перехода "резать > режущий край > граница". По той же модели могло развиваться рус. *лоно*, псл. **lono* ("резать > край тела"). По-новому можно толковать происхождение герм. **līt-/lut-* (< **elā-/lē-* + *i/ū*) "маленький" (да. *lytel*, дс. *luttil* то же, дисл. *litill*, гот. *leitils* "маленький"). Вслед за В. Крөгманом [Krogmann 1935: 48] в качестве исходного значения реконструируется "гнуть" ("согнутый" > "маленький"). Однако для понятия "маленький" типичной является иная модель семантического развития – "резать, дробить, измельчать > маленький" [Левицкий 2001: 96, пункт j]. Поэтому более обоснованным было бы предположение о том, что **līt-/lut-* восходит к корню **lei-/leu-* не со значением "гнуть", а со значением "резать". Наконец, иначе может быть истолковано соотношение между корнями **leig-* "связывать" (лат. *ligāre*, укр. *ligati* "одевать веревку на рога корове"), **leig-* "дрожать, колебаться, прыгать" (лит. *laigyti* "скакать от радости, носиться", **leig-* "бить" (лат. *ligō* "мотыга"; укр. *лигнути* "ударять", возводимое в [Мельничук 1989, т. 3] к **leig-* "дрожать, колебаться", скорее, следует отнести к **leig-* "бить"), **leig-* "больной" и "маленький" (гр. *ολίγος* "маленький", лит. *ligà* "болезнь", дпрус. *licius* "маленький"). Все указанные лексемы могут быть интерпретированы как дериваты корня **elā/lē-*. Семьи [бить], [дрожать], [скакать], [маленький] составляют типичный семантический набор понятий "резать" и "связывать" [Левицкий 2001: 95–96].

4.4. К корню **leig-* в значении "связывать" может быть возведен известный герм. корень **lik-* "тело" (н. *Leiche* "труп", двн. *lih(h)* "тело", дисл. *lik* "тело, труп", гот. *leik* "тело"), происхождение которого считается неясным. За пределами герм. языков надежных соответствий не обнаружено. Сопоставление с лит. *lygus* "одинаковый", ди. *lingam* "признак" считается сомнительным [Mayrhofer 1956–1980]. Развитие значения "связывать, сплести > тело" носит регулярный характер (ср. н. *Reff* "корзина, плетение", двн. *href* "тело" и "корзина", да. *hrif* "живот, чрево"; ср. также выше да. *lēar* "корзина, туловище"). В [Vries 1962: 357] дисл. *lik* "тело" связывается с понятием "глина" (< "форма, вылепленная из глины"). Хотя такое семантическое развитие возможно (ср. лат. *figura*), более вероятным представляется соотношение "тело ~ резать" или "тело ~ плести" (типология образования слов со значением "тело" подробно рассмотрена в [Adolf 1937: 98–99]).

4.5. С и.-е. корнем **elā-*, безусловно, связано герм. гнездо **lan-*, происхождение которого остается неясным: а. *lane* "узкая тропинка, дорожка, проход между рядами домов", да. *lane* "улочка, проход, дорога", дисл. *lqn* "улица, ряд домов", шв. *län* "галерея", норв. *län* "стопка, куча, забор, состоящий из ряда дощечек, длинное здание, ряд домов, галерея, проход". В [Pokorny 1959: 307] герм. **lan-* рассматривается как причастие на *-n-* и с некоторым сомнением возводится к **elā-* "гнать, приводить в движение" – гр. *ἐλάω* "гоню"; см. приведенный нами выше перечень в 4.1). Аналогично трактуется происхождение **lan-* в [Holthausen 1934: 194–195] и в [Vries 1962: 374]. Следовательно, можно заключить, что **lan-* понимается как "выгон" или "дорога, по которой гонят (скот)". Между тем, семантику приведенных герм. лексем объединяет не значение "гнать", а сема [нечто вытянутое, ряд]. Поскольку в семантической структуре корня **elā-*, в отличие, например, от корня **sephā-*, значений "тянуть" не зафиксировано, следует исходить из типологии значения "ряд", которое может быть связано с семьей [нанизывать] (ср. рассмотренное выше гнездо **rih-* "ряд, нанизы-

вать" – 3.8). Еще более убедительным примером является укр. *низка* "ряд", связанное, очевидно, с рус. *низать*, *пронзить* и *нож* < и.-е. **neǵh-/neǵh-* "резать, колоть" (см. [Трубачев 1974–2001, Вып. 26: 68–69]). С нашей точки зрения, реконструируемый О.Н. Трубачевым корень **neǵh/neǵh-* является типичным дериватом и.-е. **sne-*/*sene-* и, следовательно, сопоставим с герм. **snī þ-* "резать".

4.6. Семантическая структура и.-е. корней **era-/rē-* и **ela-/lē-*. В семантической структуре обоих корней с заметной регулярностью повторяется установленный нами в предыдущих разделах набор гиперсем: [резать] > "пила", "серп", "межа, граница", "край, кромка", "лоскут, клочок", "жердь, шест, балка", "борозда", "повреждать, причинять боль", "обрезать, кастрировать", "волшебство", "рана", "пестрый, рябой", "обдирать кору"; [связывать]: > "верша", "тростник", "корзина, плетение", "вереница, ряд"; [гнуть] > "рука", "блюдо", "внутренности", "хитрый"; [дрожать] > "прыгать, скакать". Такие значения, как "тело", могут быть дериватами семы [резать] и семы [связывать, сплетать]. Аналогичным образом значение "ряд, вереница" может быть образовано и от "резать, пронзать > нанизывать", и от "связывать, сплетать".

В свете рассмотренных формальных и семантических закономерностей дериватами и.-е. **ela-/rē-* могут быть и.-е. корни **lei-* "уменьшаться, исчезать", **lē-* "лить", **lēi-* "отпускать, позволять", **leik^h-* "оставить, отпускать", **leis-* "вытянутая полоса, след, борозда", **lek-* "гнуть, прыгать, дергаться, биться", **lēk-* "разрывать", **lem-* "ломать", **leng-* "гнуться, колебаться, шататься" ("дрожать, вибрировать"), **lengh-* "порицать, презирать", **lento-* "гибкий", **les-* "собирать", **lē-* "расслабленный", **leu-* "отпускать, позволять", **leuk-* "светить" и др.

5. Вместо заключения. По подсчетам В.Ю. Моница [Монич 2000: 92] значения "бить, резать, рубить" и т.п. занимают в семантике "омонимичных" и.-е. корней (по словарю [Рокопу 1959] до 60%; примерно такое же количество составляют корни со значениями "вертеть, крутить" и "издавать звук, звучать". К наиболее частым относятся также значения "бревно, жердь" и "гореть, блестеть" (в ранжированном списке В.Ю. Моница эти значения занимают 10-е и 11-е места).

Осуществленное нами исследование показывает, что значения "резать", "связывать", "гнуть", а также "отпускать, расслаблять", "тянуть", "блестеть, сиять", "дрожать, вибрировать" являются не только наиболее частотными в семантической структуре и.-е. корней, представленных в [Рокопу 1959], но, что намного важнее, регулярно повторяются в корнях, форма которых либо полностью совпадает ("омонимичные корни"), либо настолько сходна, что может быть в конечном итоге сведена к единому архетипу. Оба фактора – высокая частота и регулярная совместная встречаемость перечисленных выше сем – дают основание полагать, что, во-первых, эти семы относятся к базовым семантическим единицам, к которым может быть сведено множество других, и, во-вторых, они, возможно, отображают существовавший на древних этапах развития языка и мышления семантический синкретизм, реликты которого наблюдаются в виде связи понятий "резать", "связывать", "гнуть". Причины и условия возникновения такого синкретизма могут быть интерпретированы различным образом (обзор основных гипотез представлен в [Левицкий 2001: 97–99]).

Более точные и полные данные о соотношении формальных и семантических единиц в индоевропейском могут быть получены с помощью таких статистических приемов, как корреляционный анализ и критерий хи-квадрат на основе всех значимых реально зафиксированных лексем, возводимых в [Рокопу 1959] к корням с инвариантными гипотетическими значениями. Пробный выборочный анализ на ограниченном материале (корни **sker-*, **sen-*, **se-*), осуществленный нами с помощью обоих названных выше статистических методов (результаты этого анализа планируется опубликовать отдельно), дал весьма обнадеживающие результаты. Связь между

формальными и семантическими единицами может быть изучена, по крайней мере, на трех уровнях: а) и.-е. корень (как формальная единица) + набор семантических единиц (значений); б) конечный форматив и.-е. корня ("расширитель") + набор семантических единиц; в) начальный элемент и.-е. корня ("преформант") + набор семантических единиц. В первом случае можно будет получить данные о формальной связи и.-е. корней ("лексические поля") и о связях семантических единиц ("понятийные поля"). Во втором случае, возможно, будет получен, наконец, окончательный ответ на вопрос о функционально-семантических свойствах и.-е. расширителей. Наконец, в третьем случае окажется возможным установить более точный состав и семантические функции и.-е. преформантов.

Изложенный в данной статье подход к формальной и семантической интерпретации корней **sep(h)ə-/sphē-*, **erə-/rē-*, **elə-/lē-* позволяет заново этимологизировать целый ряд германских форм, происхождение которых до сих пор остается спорным или неизвестным, например, гот. *fraisan* "испытывать, искушать", *fra þjan* "понимать", *frius* "холод", *us-filma* "испуганный", *airkns* "святой", *leik* "тело", *rūna* "тайна", *razn* "дом", а. *reek*, да. *rēocan* "куриться, дымиться, источать запах", а. *lane* "узкая тропа, дорожка", *little* "маленький", дисл. *rein* "межа", н. *Fleisch* "мясо", *folgen* "следовать", *froh* "веселый", *frisch* "свежий", *Fohre* "сосна", *Furcht* "страх" и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бережан С Г* 1973 – Семантическая эквивалентность лексических единиц Кишинев, 1973.
Горячева Т В 1978 – Этимологические заметки // Этимология М., 1978.
Каменская О Л 1970 – Некоторые вопросы лексической синонимии // ФН. 1970.
Левицкий В В 1997 – Этимологические и семасиологические исследования в области германских языков. Черновцы, 1997.
Левицкий В В 2001 – Семантический синкретизм в германском и индоевропейском // ВЯ 2001. № 4
Маковский М М 1989 – Удивительный мир слов и значений Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М., 1989
Маковский М М 2000 – Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность – формы – развитие. М., 2000.
Маковский М М 2002 – Индоевропейский корень. Форма и значение // ВЯ 2002 № 3
Мельничук О С (ред.) 1982–1989 – Этимологічний словник української мови Т 1–3 Київ 1982–1989
Монич В Ю 1998 – Проблемы этимологии и семантика ритуализованных действий // ВЯ 1998 № 1.
Монич В Ю 2000 – Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем // ВЯ 2000. № 6.
Москович В А 1969 – Статистика и семантика М., 1969.
 НЗЛ 1988 – Новое в зарубежной лингвистике Вып. XXI: Новое в современной индоевропеистике // Составление, вступительная статья и общая редакция Вяч Вс Иванова. М., 1988
Петлева И П 1976 – Этимологические заметки по славянской лексике // Этимология М., 1976.
Топоров В Н 1974 – Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам // Этимология. М., 1974
Трубачев О Н 1957 – Славянские этимологии // Вопросы славянского языкознания 2 М., 1957.
Трубачев О Н (ред.) 1974–2001 – Этимологический словарь славянских языков Праславянский лексический фонд. Вып 1–28 М., 1974–2001
Adolf H 1937 – Wortgeschichtliche Studien zum Leib/Seele-Problem. Berlin, 1937
Blažek V 1999 – Indo-European "nine" // Historische Sprachforschung, 112, 1999
Holthausen F 1934 – Altenglisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1934
Jēgers B 1966 – Verkannte Bedeutungsverwandtschaften baltischer Wörter // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 80, 1966.

- Kluge F, Seebold E* 1989 – Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache 22. Auflage // Unter Mithilfe von M. Burgisser und B. Gregor, völlig neu bearbeitet von E. Seebold. Berlin, New York, 1989
- Krogmann W* 1935 – Die Sippen germ. *līt- und *leut- 'klein' // IF, 1935, Bd. 53, Hf. 1
- Lacy A F* 1979 – Gothic *weihs, airkns* and the Germanic notion of "holy" // The Journal of Indo-European studies, 7, 1979
- Lehmann W P* 1986 – A Gothic etymological dictionary. Leiden, 1986
- Lewickij V* 1998 – Zur deutschen Etymologie // IF, 103, 1998
- Levickaj V V, Romanova T A* 1997 – Use of tenses of verbs and adverbs in the English language. A statistical study // Journal of quantitative linguistics. V. 4, № 1–3, 1997
- Luhr R* 1988 – Expressivität und Lautgesetz im Germanischen. Heidelberg, 1988
- Mayrhofer M* 1956–1980 – Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd. 1–4. Heidelberg, 1956–1980
- Meringer R* 1904 – Wörter und Sachen // IF, 16, 1904
- Merlingen W* 1978 – Über eine Bedeutungsverzweigung im indogermanischen Lexikon // IF, 83, 1978
- Morris R L* 1985 – Northwest-Germanic *rūn-* 'rune'. A case of homonymy with got *rūna* 'mystery' // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, 107, 1985
- Nyman M* 1985 – *ē/ō/ā* as ablaut pattern in Indo-European // IF 90, 1985
- Ogubenne B* 1981 – I E **leu (H)-* in Middle Indo-Aryan and its Baltic cognates // The Journal of Indo-European studies, 9, 1981
- Persson P* 1912 – Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Tl. 1–2. Uppsala, Leipzig, 1912
- Pokorny J* 1959 – Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Bern, München, 1959
- Schmid W P* 1996 – *Drawa, Sawa, Skawa* und verwandte Bildungen // Hydronimia Słowiańska II. Kraków, 1996
- Seebold E* 1997 – *Zapfen, Zipfel, Zopf, zupfen* und die 'mots populaires' in den germanischen Sprachen // Historische Sprachforschung, 1, 110, 1997
- Sławski F* 1952–1978 – Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952–1978
- Vries J* 1958 – Vokalvariation im Germanischen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, 80, 1958
- Vries J* 1962 – Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962
- Walde A, Hofmann J B* 1938–1956 – Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. Heidelberg, 1938–1956
- Wood F* 1914 – Etymological notes // Modern language notes, 29, 1914

© 2003 г. Б. Б. ХОДОРКОВСКАЯ

**ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПЕРФЕКТА В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ
И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭЛЕМЕНТА *-IS-/-ER-***

Вопрос о происхождении элемента *-is-/-er-* в составе форм системы перфекта в латинском языке теснейшим образом связан с общим вопросом о формировании всей системы перфекта в латыни. Согласно традиционному описанию латинского глагола, элемент *-is-/-er-* является составной частью некоторых личных окончаний перфекта *-istī, -istus* и предположительно, 3 л. мн. ч. *-erunt* (**-is-ont*) и форм всей группы времен и наклонений, относящихся к системе перфекта. На основании дистрибуции *-is-* перед согласным, *-er-* перед гласным – элемент *-is-* считается первичным, а *-er-* его позиционным вариантом. Принято считать, что формирование системы перфекта произошло на том этапе дописменной истории латинского языка, когда уже полностью сложилась система инфекта (= система презенса), и по аналогии шло образование времен системы перфекта посредством присоединения к основе перфекта элемента *-is-* и формантов, имевших место в системе инфекта: будущее II **-is-e/o-*, ср. будущее I *erō, eris* (**es-e/o-*), плюсквамперфект индикатива **-is-ā-*, ср. имперфект *eram, erās* (**es-ā-*), перфект конъюнктива **-is-ī-*, ср. презенс конъюнктива *sim, sis* (**s-i-*), плюсквамперфект конъюнктива **-is-sē-*, ср. имперфект конъюнктива *essem, esses* (**es-sē-*). Наиболее ясно изложена эта гипотеза М. Лойманом [Leumann 1977: 510]. Происхождение элемента *-is-* традиционно связывали с и-е сигматическим аористом, но точных соответствий в других и-е языках нет [Leumann 1977: 609, Sihler 1995: 590].

Д. Адамс [Adams 1994] считает возможным реконструкцию протоиндоевропейского претерита с суффиксом **-is-* на основе данных латинского, хеттского и тохарского языков. Наиболее надежным он считает материал латинского языка, в котором форматив **-is-* налицо во многих формах системы перфекта, как *vidisti vidistis, viderō* (**vid-is-ō*) и т.д. Сопоставляя формы 2 и 3 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. латинского перфекта с формами 2 и 3 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. претерита некоторых хеттских глаголов спряжения на *-hi*, он выделяет окончания в хеттском языке 2 л. ед. ч. *-išta*, 3 л. ед. ч. *-iṣ* (например, *daliṣ* глагола *dala-* 'оставлять'), 2 л. мн. ч. *-išten*, и в латинском языке 2 л. ед. ч. *-isti*, 2 л. мн. ч. *-istis* и предполагает в доистории латинского языка форму 3 л. ед. ч. перфекта на **-is* аналогичную хеттской, например, **fuis* (**bhuis*). На основе такой интерпретации хеттского претерита и латинского перфекта Адамс предлагает новый анализ тохарского претерита III класса. Это дает ему возможность предполагать в протоиндоевропейском языке суффикс претерита **-is-* в 2–3 л. ед. ч. и в 2 л. мн. ч. По мнению Адамса, в и-е окончаниях 2 л. ед. ч. **-is-tha* произошло смещение морфемной границы в тохарском и латинском языках на **-i-stha*. Есть ли основания для такой интерпретации латинского материала, какую предлагает Адамс?

Другое решение дает Г. Шмидт [Schmidt 1985: 86]. Он ищет объяснения элемента **-is-*, разделяя его на **-i-* и **-s-*. В окончании 2 л. ед. ч. *-isti* латинского перфекта, например, в форме *fustī* (**bhwh-i-s-iH₂a*) он выделяет окончание и-е перфекта **-iH₂a*, суффикс аориста **-s-* и гласный **-i-*, в котором он видит древний показатель имперфекта, сохранившийся в тохарском, (например, 3 л. ед. ч. тох. *B sa* = тох. *A se s* от

и.-е. корня *es- "быть"), в западногерманском *bist*, в литовском *bit(i)*. Однако, по мнению большинства лингвистов, в формах тохарского имперфекта *-i-* восходит к суффиксу и.-е. опатива [Adams 1994: 16; Krause, Thomas 1960: 217].

Совсем иначе подходит к проблеме Г. Рикс [Rix 1992]. По его мнению, элемент *-is-* не имеет соответствий в других и.-е. языках и не получил удовлетворительного объяснения. Сам он связывает его происхождения с формированием в латинском языке перфекта на *-vī* слабых глаголов – деноминативов и девербативов. По его убеждению, формы перфекта этих глаголов первоначально представляли собой перифрастические структуры, состоящие из причастия перфекта активного залога и форм глагола *esse* "быть". Аналаут *es-* глагола *esse*, который был в энклизе, изменился в *is-* и в процессе стяжения компонентов аналитической формы стал рассматриваться как часть флексии, т.е. как элемент *-is-*. Многие принятые *ad hoc* дополнительные предположения, необходимые для обоснования основной гипотезы автора, делают работу Рикса не убедительной. Вряд ли также можно согласиться с гипотезой Рикса, что перфект на *-vī* корневых глаголов, например *pōvī*, возник по типу перфекта слабых глаголов.

В настоящей работе делается попытка заново рассмотреть вопрос о формировании системы перфекта в латинском языке и о происхождении элемента *-is-/er-*, связав его с проблемой кратких форм глагола. Принятое в течение ряда лет фонетическое объяснение кратких форм из более длинных в последние годы подвергается сомнению [Rix 1992: 207; Safarewicz 1969: 240]. Оба вопроса связаны между собой уже тем, что все эти формы относятся к системе перфекта, в сущности, это один вопрос о формировании системы перфекта в латинском языке. В работе анализируется материал ранней латыни, в которой внутриязыковые отношения были в какой-то степени еще иными, чем в классической латыни, что дает возможность реконструировать начальные этапы формирования системы перфекта. В работе рассматриваются отдельно образования, содержащие элемент *-is-*, и те, которые включают *-er-*. Необходимость отдельного рассмотрения их подтверждается фактическим материалом: элемент *-er-* входит в состав суффиксов группы времен системы перфекта, элемент же *-is-* является составной частью окончаний самого перфекта и частью суффикса одной поздней грамматической категории плюсквамперфекта конъюнктива.

1. ЭЛЕМЕНТ *-is-* В ЛИЧНЫХ ОКОНЧАНИЯХ ЛАТИНСКОГО ПЕРФЕКТА

В системе форм перфекта на *-vī* и перфекта на *-sī* есть дублетные формы – более длинные и более короткие – например, в перфекте на *-vī*: *amāvistī*: *amāstī*, *amāverō*: *amārō*, в перфекте на *-sī*: *dixistī*: *dixī*.

В системе перфекта на *-sī* соотношение дублетных форм на фонематическом уровне состоит в том, что в более длинных формах имеется цепочка фонем *-sis-*, а в кратких формах слог *-si-* синкопирован. Такая синкопа возможна при условии безударного гласного в слове *-si-*, т.е. предполагается ударение на начальном слове *dīc-si-stī*. Дополнительное условие кратких форм состоит в том, чтобы цепочке фонем *-sis-* предшествовал простой смычный согласный. Результатом синкопы слога *-si-* в последовательности фонем *-C-si-st-* (*C-* простой смычный) можно считать появление группы согласных в середине словоформы, не превышающей трех легко комбинирующихся согласных. Таковы краткие формы: *promistī* глагола *promittō*, *exclustī* глагола *excludō*, *scripstī* глагола *scribō*, *iustī* глагола *iubeō* и т.д. Выпадение слога *-si-* в последовательности слогов *-C-si-stī*, т.е. перед слогом, который начинается с того же согласного, представляет собой чисто фонетическое явление гаплоггии на морфемном шве.

В системе форм перфекта на *-vī* соотношение более длинных и более коротких форм на фонематическом уровне состоит в том, что в длинных формах имеется цепочка фонем *-vis-* или *-ver-*, отсутствующая в кратких формах, например, *amāvistī*: *amāstī*, *amāveram*: *amāram*. Дополнительное условие кратких форм в системе перфекта на *-vī* состоит в том, что согласный *-v-* в указанной цепочке фонем представляет собой суффикс основы перфекта, а не конечный согласный корневой морфе-

мы. На это ограничение в образовании кратких форм обращали внимание античные грамматисты. Присциан (GL II 508, 6) пишет: "omnia (verba), quae praeteritum perfectum in -vi terminant adiectam, frequenter invenimus per secundas et tertias personas syncopam paenultimaе pati syllabae, cum ab u loco consonantis incipit, ut *amavi, amavisti vel amasti, amavit, amavimus, amavistis vel amastis, amaverunt vel amarunt...* ideo autem addidimus adiectam, quoniam, si in positione sit u consonans, syncopam pati non potest, ut *lavo, lavi, lavisti, non possumus dicere lasti nec pro lavistis lastis, nec pro laverunt larunt*. Similiter *faveo, favi, favisti, nemo dicit fasti*". «У всех (глаголов), которые оканчиваются в претерите перфекте на -vi присоединенное (суффиксальное. – Б.Х.), мы часто видим во 2 и 3 лицах синкопу предпоследнего слога, который начинается с согласного v, например, *amavi, amavisti* или *amasti, amavit, amavimus, amavistis* или *amastis, amaverunt* или *amarunt*. Мы добавили "присоединенное", так как, если согласный v стоит в исходной форме, то синкопы не может быть, например, *lavo, lavi, lavisti*. мы не можем сказать *lasti* ни вместо *lavistis lastis*, ни вместо *laverunt larunt*. Подобным образом *faveo, favi, favisti*, никто не говорит *fasti*».

Очевидно, что ограничение, касающееся кратких форм в перфекте на -vi, относится не к фонематическому уровню, как в перфекте на -si, но к уровню морфологии: только в парадигме перфекта на -vi, в которой -v- является отдельной морфемой – суффиксом основы перфекта, имеются дублетные формы во 2 л.ед. и мн.ч. и в 3 л.мн.ч. Следует отметить, что статус -v- в формах латинского перфекта на -vi как отдельной морфемы имеет параллель в ведийском языке, в котором формы перфекта глаголов с корнем на долгое -ā- имеют в 1 (и в 3) л.ед.ч. окончание -āi, например, *dadaū* (корень *dā* "давать"), *jajñāi* (корень *jñā* "знать"), соответствующее латинскому (*gnōvi*) [Барроу 1976... 320]. Ударение -āi указывает на произношение в два слога, между тем как обычно в дифтонге *ai* второй элемент неслогообразующий [Елизаренкова 1982: 67]. Такая выделенность посредством ударения конечного -i показывает, что именно -i было окончанием формы 1 л.ед.ч. в парадигме перфекта. Латинская форма 1 л.ед.ч. (*gnōvi*) на основании сравнения с вед. *ja-jñāi* может быть понята как корневое образование с двумя окончаниями 1 лица: *-w и присоединенным позже окончанием *-a + актуализирующее *-i: **gnō-w-a-i* (ср. фалисскую форму 1 л.ед.ч. перфекта *reparai*). Парадигматически форма 1 лица *nōvi* (**gnō-w-ai*) противопоставлена форме 2 лица *nōsti* (**gnō-sī*), которая не содержит форманта *-w- – показателя 1 лица.

Формы 1 л.ед.ч. перфекта *nōvi* "я знаю" (например, Plt.Au. 434: *scio, ne doce, novi* "знаю, не учи, я знаю") и *cōnsuevī* "я имею привычку" (например, Plt. Per. 170: *non consuevi simul bibere* "я не имею привычки сразу пить") сохранили древнейшее значение и.-е. перфекта – значение состояния субъекта в настоящем времени. В ведийском языке форма 1 л.ед.ч. перфекта на -ai не встречается в мантрах [Елизаренкова 1982: 342]. Напротив, в латинских ранних текстах среди форм перфекта на -vi первичных глаголов наиболее частотна форма 1 л.ед.ч. В текстах Плавта форма *nōvi* встречается 80 раз, почти в два раза чаще, чем все остальные формы перфекта этого глагола взятые вместе. Такая высокая частотность формы 1 л.ед.ч. *nōvi* свойственна и другим формам 1 л.ед.ч. перфекта, обозначающим состояние субъекта в настоящем времени: *meminī* "я помню" встречается в комедиях Плавта 34 раза, форма 2 л.ед.ч. – 16, 3 л.ед.ч. – 6 и 3 л.мн.ч. – 1; *odī* "я ненавижу" – 8 раз, форма 3 л.ед.ч. – 2 и 3 л.мн.ч. – 1. Для сравнения можно привести несколько цифр, характеризующих частотность форм перфекта глаголов действия в текстах Плавта. Глагол *faciō* "делаю": форма 1 л.ед.ч. перфекта *fēcī* – 67 раз, 2 л.ед.ч. – 37, 3 л.ед.ч. – 92, глагол *veniō* "прихожу": форма 1 л.ед.ч. перфекта *vēnī* – 15, 2 л.ед.ч. – 6, и 3 л.ед.ч. – 62, т.е. наиболее частотны формы 3 лица. (Все цифры взяты из "Лексикона" Лоджа [Lodge 1925].) Высокая частотность форм 1 л.ед.ч. перфекта, которые сохранили древнейшую семантику и.-е. перфекта: *nōvi* "я знаю", *cōnsuevī* "имею привычку", *meminī* "помню", *odī* "ненавижу" – позволяет считать форму 1 л.ед.ч. доминантной в парадигме перфекта. На протяжении всей доклассической и классической латыни эти четыре формы перфекта сохраняли свое значение, образуя отдельную компакт-

ную группу. Это позволяет считать, что перфект на *-vī*, как и перфект с удвоением, изначально имел статус перфекта, а не аориста [Sihler 1995: 585]. Мысль о том, что перфект некоторых первичных глаголов был более древним, чем презенс, высказывалась учеными. А. Мейе и А. Эрну [Ernout, Meillet 1939: 678] считали, что, поскольку форма перфекта *nōvī* имеет значение настоящего времени "я знаю", то форма презенса *nōscō* более поздняя и первоначально имела инхоативное значение "начинаю понимать, узнаю" В. Шмальштиг [Шмальштиг 1988: 265], ссылаясь на мнение Кречмера, пишет, что перфекты корневых глаголов (др. инд. *dadaū*, лат. *nōvī*, *plēvī*) были древнейшими временными формами этих глаголов, более древними, чем соотносимые с ними презенсы.

В ранней латыни имеются краткие формы перфекта у следующих первичных глаголов: *nōscō*, *nōvī* (*nōvistī*: *nōstī*, *nōrunt*), *cōnsuēscō*, *cōnsuēvī* (*cōnsuēvērunt*: *cōnsuērunt*), *dēcernō*, *dēcrēvī* (*dēcrēvērunt*: *dēcrērunt*), *sciō*, *scīvī* (*scistī*), *audiō*, *audīvī* (*audistis*, *audisses*), *sinō*, *sivī* (*sistī*), *quaerō*, *quaesivī* (*quaesistī*). Эти глаголы относятся к одной семантической группе, обозначая то, что является неотъемлемой собственностью индивида – его интеллект и этика: "Я знаю, имею привычку, имею решение, слышу (воспринимаю), позволяю, ищу". Возможно, эта группа глаголов была ядром той лексики, которая послужила основанием при формировании перфекта на *-vī*. Краткие формы перфекта на *-vī* производных глаголов, отыменных и отглагольных, в ранней латыни единичны (*putasti* Plt. Ba121, *parasti* Ba727, *locassem* Most242), их число возрастает в классической латыни.

Дублетные формы в перфекте на *-vī* первичных глаголов дают возможность предполагать две его парадигмы на раннем этапе истории латинского языка:

неполная парадигма		полная парадигма	
ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
1. <i>nōvī</i>		1. <i>nōvī</i>	1. <i>nōvimus</i>
2. <i>nōstī</i>		2. <i>nōvistī</i>	2. <i>nōvistis</i>
3. <i>nōvīt</i>	3. <i>nōrunt</i>	3. <i>nōvīt</i>	3. <i>nōvērunt</i> , <i>nōvēre</i>

Полная парадигма перфекта, в которой основообразующий суффикс *-v-* проходит по всем формам и является приметой всей парадигмы, не имеет соответствий в других языках и должна считаться более поздней. Но тип построения латинской неполной парадигмы, в которой в единственном числе комбинируются *-v-* как показатель 1 л.ед.ч. (и 3 л.ед.ч.) и *-stī* как показатель 2 л.ед.ч., весьма архаичный. Большую древность неполной парадигмы в латинском языке подтверждает сравнение со структурно сходными парадигмами претерита в тохарском и хеттском языках.

В тохарском В претерит I класса глагола "быть": 1 л.ед.ч. *takāwa*, 2 л.ед.ч. *takāsta*, 3 л.ед.ч. *tāka*, 3 л.мн.ч. *takāre* [Krause W., Thomas W. 1960: 196]. Тохарский претерит восходит к и.-е. перфекту и аористу, и процесс исторического развития шел в направлении постепенной утраты морфологических признаков перфекта [Winter 1994: 394–306]. Конечное долгое *-ā-* основы I претерита считается основообразующим суффиксом и.-е. аориста. В окончаниях 1 л.ед.ч. *-wa* и 2 л.ед.ч. *-sta* Адамс [Adams 1993: 19] выделяет частицу *ā*. При таком анализе окончанием 1 л.ед.ч. является **-w-* и окончанием 2 л.ед.ч. **-st-*, как в латинской неполной парадигме перфекта *nōv-ī*, *nōst-ī* (*-ī* имеет актуализирующее значение).

В хеттском языке некоторые глаголы спряжения на *-hi* с долговокалическим корнем имеют в претерите активного залога следующую парадигму, например, претерит глаголов *dā*- "брать", *dāi*- "класть", *pāi*- "давать":

1. <i>dahhun</i>	<i>tehhun</i>	<i>pehhun</i>
2. <i>dāš</i> , <i>dātta</i>	<i>dāišta</i> , <i>dāitta</i>	<i>pāišta</i> , <i>pāitta</i>
3. <i>dāš</i> мн.ч. <i>dāir</i>	<i>dāiš</i> мн.ч. <i>dāier</i>	<i>pāiš</i> , <i>pešta</i> мн.ч. <i>pier</i>

[Фридрих 1952: 108; Oettinger 1979: 64, 75].

В окончании 1 л.ед.ч. – *hup* многие лингвисты видят результат контаминации окончания 1 л.ед.ч. – *ha* (*- H_2e) и.-е. перфекта, сохранившегося в лувийском языке, и окончания *-un* (*- η или тематическое *-*om*) претерита спряжения на *-mi*. [Sturtevant 1951: 140; Oettinger 1979: 452; Шмальштиг 1988: 288].

Другое решение дал Бенвенист. Он сопоставил элемент *-u-* в хеттском окончании 1 л.ед.ч. претерита *-un* с элементом *-*u/-w-* в формах 1 л.ед.ч. перфекта в древнеиндийском языке (*jañāú*), в латинском языке (*mon-u-ī*) и в тохарском претерите (*nek-w-a*). В хеттском языке к этому окончанию 1 л.ед.ч. *-*w* и.-е. перфекта, который, по мнению Бенвениста, в хеттском языке получил функцию претерита, было присоединено окончание 1 л.ед.ч. *-*om* или *- η > хет. *-*um* > *-un* [Benveniste 1962: 18].

Сравнение парадигм перфекта в латинском и древнеиндийском, и претерита в тохарском и хеттском языках, в которых форма 1 л.ед.ч. имеет элемент *-*u/w-*, показывает, как велико их сходство.

лат. <i>gnō-</i> "знать"	др. инд. <i>jñā-</i> "знать"	тох. В <i>takā-</i> "быть"	хет. <i>dā-</i> "брать"
1. (<i>g</i>) <i>nōvī</i>	<i>ja-jñāú</i>	<i>takāwa</i>	<i>dahhun</i>
2. <i>nōstī</i>	<i>ja-jñātha</i>	<i>takāsta</i>	<i>dāš</i>
3. <i>nōvit</i>	<i>ja-jñāú</i>	<i>tāka</i>	<i>dāš</i>
3 л.мн.ч. <i>nōrunt</i>	<i>ja-jñūr</i>	<i>takāre</i>	<i>dāir</i>

Все эти глаголы имеют долговокалический корень (основу) и следующие окончания:

Окончание 1 л.ед.ч. *-*u* сохранилось в древнеиндийском перфекте, в других языках к этому окончанию было присоединено еще одно окончание 1 л.ед.ч. (лат. *-*w* + *ai* > *-vī*, хет. *-*u* + η > *-un*) или частица (тох. *-*w* + \bar{a} > *-wa*). Окончание 2 л.ед.ч., вероятно, уже в индоевропейском праязыке было представлено двумя вариантами *- tH_2e и *- stH_2e [Risch 1975: 254], в хеттском языке отражены оба этих варианта (ср. формы *dāiitta* и *dāišta* глагола *dāi-* "класть"), в других языках только один вариант: лат. *-sī* < *- stH_2e + *i*. Особенностью рассматриваемой парадигмы перфекта (претерита) является то, что форма 3 л.ед.ч. совпадает либо с формой 1 л.ед.ч. (др.-индийский, латинский языки), либо с формой 2 л.ед.ч. (хеттский язык), или имеет нулевое окончание (в тохарском языке при рассмотрении в синхронии). Основное парадигматическое отношение – это противопоставление форм 1 л.ед.ч. и 2 л.ед.ч., причем доминирует форма 1 л.ед.ч., в раннелатинских текстах это проявляется в высокой частотности формы 1 л.ед.ч. Форма 3 л.мн.ч. имеет во всех рассматриваемых парадигмах окончание *-*r/-r̄*.

Итак, реконструируемые окончания:

- 1 л.ед.ч. *-*u/w*
- 2 л.ед.ч. *- stH_2e /*- tH_2e
- 3 л.ед.ч. = 1 л.ед.ч./ = 2 л.ед.ч.
- 3 л.мн.ч. *-*r/-r̄*

Сходство личных окончаний, как и вообще структурное сходство данных парадигм в латинском, древнеиндийском, тохарском и хеттском языках доказывает архаизм латинской неполной парадигмы. То, что эта парадигма изначально представляла собой парадигму и.-е. перфекта, доказывает грамматическая семантика некоторых латинских форм 1 л.ед.ч. (*nōvī* "я знаю", *cōnsuēvī* "я имею привычку", *quiēvī* "я спокоен"). Семантика этих форм характерна для и.-е. перфекта. Отметим также, что в древнеиндийском языке, в котором различались морфологические категории перфекта и аориста, парадигма с формой 1 л.ед.ч. на *-aú*, – это парадигма перфекта.

Полная парадигма *nōvī, nōvistī...*, в которой *-v-* является приметой всей парадигмы, – более поздняя, она сформировалась на каком-то этапе доистории латинского языка и связана со сменой языковой нормы. Это был период формирования двух параллельных систем инфекта и перфекта с жестким правилом образования всех форм системы от определенной основы – инфекта или перфекта. Форму 2 л.ед.ч.

nōvisī следует считать вторичной, развившейся из более ранней формы *nōsī*. В полной парадигме образование формы 2 л.ед.ч с окончанием *-sī* при условии сохранения основы перфекта *nōv-* невозможно фонетически, так как в группе из трех согласных с начальным сонорным (*-vst-*) выпадает, как правило, первый компонент, (ср. *-rst-* > *-st-* например, **terstus* > *testis*) или второй компонент [ср. *-rcm-* > *-rm-*, например, **torcmentum* (ср. *torqueo*) > *tormentum*]. Сохранению основы перфекта *nōv-* во всех формах парадигмы способствовало появление в форме 2 л.ед.ч переходного элемента от сонанта *-v-* к *-st-* в виде краткого гласного *-i-*, близкого по произношению к греческому Υ . Грамматисты древнего Рима отмечают это произношение Веллий Лонг (I век н.э.) в книге об орфографии указывает, что написание слова и его произношение часто не совпадают, например, в словах *vir*, *virtus* пишется *-i-*, а звучит почти *-u-* (GL VII, 75). Еще более подробное описание звука *-i-*, когда он следует за согласным *v*, дает Присциан. *i quidem, quando post v consonantem loco digamma functam Aeolici ponitur brevis sonum Υ Graecae videtur habere ut video, vim*. ("когда после согласного *v*, используемого как дигамма эолийского (языка), стоит краткое *-i-*, оно имеет звучание греческого Υ , например, *video, vim...*") [GL II, 7].

В полной парадигме перфекта *nōvī, nōvisī...*, формы которой имеют основу *nōv-*, в форме 2 л.ед.ч легко вычленилось окончание *-isī*. Это окончание *-isī* затем получило распространение в других классах латинского перфекта, имевших прежде, вероятно, другое окончание, возможно, *-e* окончание **-iH₂e*.

Таким образом, данные латинского языка и сравнение с хеттским и тохарским глаголом показывают, что элемент *-is-* в окончании 2 л.ед.ч *-isī* имеет сравнительно позднее происхождение и связан с формированием полной парадигмы перфекта на *-vī*.

2. ЭЛЕМЕНТ *-IS-* В ФОРМАХ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА КОНЪЮНКТИВА

Традиционно считается, что суффикс конъюнктива плюсквамперфекта *-issē-* представляет собой комбинацию элемента *-is-* и суффикса конъюнктива имперфекта *-sē-*. Историческая связь категорий конъюнктива имперфекта и плюсквамперфекта бесспорна и ясно обнаруживается в функционировании форм той и другой категории в текстах ранней латыни. Формы конъюнктива имперфекта численно намного превосходят формы конъюнктива плюсквамперфекта, которые в ранней латыни редки. Вот некоторые цифры, которые приводит Ф. Тома [Thomas 1938: 213–214]: в текстах доклассической латыни 179 глаголов имеют формы конъюнктива имперфекта и не имеют форм конъюнктива плюсквамперфекта; 32 глагола имеют формы только конъюнктива плюсквамперфекта. Глагол *esse* "быть" встречается в формах конъюнктива имперфекта 77 раз, и только 3 раза в формах конъюнктива плюсквамперфекта. Частотность форм обеих категорий выравнивается в классической латыни, в речах Цицерона глагол *faciō* "делаю" употребляется в формах конъюнктива имперфекта 68 раз и 69 раз в формах конъюнктива плюсквамперфекта.

Синтаксические функции форм конъюнктива имперфекта и плюсквамперфекта в ранней латыни во многом сходны.

Конъюнктив имперфекта употребляется при выражении желательности действия неисполнимого в данный момент: Ter. Ad. 453: *Utinam hic prope adesset alicubi atque audiret haec* "Был бы он тут поблизости и слышал бы это"; Ter. Andr. 606: *Utinam mi esset aliquid hic quo nunc me praecipitem darem* "Было бы здесь, куда бросился бы я сейчас вниз головой"; Ter. Eun. 91. *O Thais, utinam esset mihi pars aequa amoris tecum* "О Таис, если бы ты любила меня так, как я тебя.. "; Plt. Rud. 532: *Utinam fortuna nunc anetina uterer ut quom exissem ex aqua, arerem tamen* "Была бы у меня теперь утиная утась, чтобы был я сухим, когда вышел из воды"; Plt. Amph. 574: *Homo hic ebrius est, ut opinor – Utinam ita essem*. "Этот человек, думаю, пьян". – "О, если бы был".

Конъюнктив имперфекта служит выражению возможности действия в настоящем времени или в прошедшем, иногда с дополнительным значением долженствования.

ния. Вот некоторые примеры Plt Most. 454 (диалог раба и хозяина дома): *. an tu tetigisti has aedes? – Cur non tangerem?* "Ты дотронулся до этого дома? – Почему бы мне не дотронуться?" (= почему не должен был я дотрагиваться?). Plt.Mer 630 (разговор двух юношей): *Perdidisti me... – Quid ego facerem? – Quid tu faceres? men rogas? requireres, rogitares quis esset, aut unde esset.* "Предал ты меня. . – Что должен был я делать? – Что должен был ты делать? Спрашиваешь меня? Ты должен был узнавать, расспрашивать, кто он или откуда он...". Отнесенность к прошедшему времени всех требуемых действий, представленных формами конъюнктива имперфекта, узнается из контекста, который начинается формой перфекта *perdidisti* "ты предал". Plt.Poen.386 (разговор юноши и его раба): *Sicine ego te orare iussi? – Quo modo ergo orem? – Rogas? sic enim diceres.* . "Так ли приказал я тебе говорить? – Так как же должен был я говорить? – Ты должен был так говорить...", Plt.Pseud. 285 (слова сводника влюбленному юноше): *si amabas, invenires mutuom, ad danustam devenires, adderes foenusculum, surruperes patri* . . "Если ты был влюблен, мог бы взять (деньги) взаймы, мог бы пойти к ростовщику, добавить процент или выкрасть у отца . .". В тексте стоят подряд четыре формы конъюнктива имперфекта, обозначая действия возможные в прошлом. Plt Poen. 1139: *.advenisti hodie in ipso tempore, namque hodie earum mutarentur nomina facerentque indignum genere quaestum corpore* . . . пришел сегодня вовремя, ибо сегодня изменили бы их имена и заставили бы зарабатывать недостойно телом". В тексте наречие *hodie* "сегодня" показывает, что посредством форм конъюнктива имперфекта сообщается о действиях возможных в настоящий момент

Синтаксический контекст вопросительного предложения усиливает значение возможности действия, свойственное конъюнктиву имперфекта. Например, Ter Ad 395 *Num sineres vero illum tuom (filium) facere haec? – Sinerem illum?* "Позволил бы ты твоему (сыну) совершать это? – Позволил бы ему?"; Ter.Ad.676 *. . .advorsumne illum causam dicerem quoi veneram advocatus?* "Мог бы я говорить против того, к кому я пришел приглашенный?". Отнесенность действия, лишь возможного, к прошедшему времени ясна благодаря форме плюсквамперфекта *veneram* "я пришел".

В условном предложении формы конъюнктива имперфекта служат выражению нереальности условия, как в настоящем, так и в прошедшем времени. Ср. Plt.Asin.592 (разговор юноши и девицы): *Cur me retentas? – Quia tui amans abeuntis ego. – Vale. – Aliquanto amplius valerem, si hic maneres.* "Почему ты удерживаешь меня? – Потому что люблю, и мне недостает тебя, когда ты уходишь. – Будь здорова – Я была бы здоровее, если бы ты оставался здесь". Отнесенность условия к настоящему времени очевидна; Plt.As 196 (диалог юноши и сводни): *Ubi illaec quae dedi ante? – Abusa Nam si ea durarent mihi, mulier mitteretur ad te* "Где те (деньги), которые я дал раньше? – Истрачены. Ведь если бы они были у меня, я послала бы женщину к тебе". Plt.Trip.113 (старик рассказывает, что его сосед перед отъездом поручил ему свою дочь и сына и все свое имущество): *Haec si mihi inimicus esset, credo haud crederet* "Если бы не был он другом мне, то, думаю, не доверил бы". Весь рассказ идет о событиях прошлого, включая условие. Употребление форм конъюнктива имперфекта в условных предложениях, в которых сообщается об условии нереальном в настоящем времени или в прошедшем времени, заставляет считать, что конъюнктив имперфекта не имел временного значения в ранней латыни, как позже в период классической латыни. Это была грамматическая категория модальности, служившая выражению неисполнимого желания, или возможности действия, или неисполнимости условия. Время, когда могли происходить эти действия, узнавалось из контекста.

Формы конъюнктива плюсквамперфекта, как и формы конъюнктива имперфекта, служат выражению неисполнимого желания, или обозначают действие лишь возможное, или нереальное условие, но содержание сообщаемого всегда ориентировано в план прошедшего времени. Вот несколько примеров: Plt Rud 497: *Utinam in carcere illo potius cubuissem die* "Лучше бы лежал я в тюрьме в тот день"; Plt.Stich.590: *...et equidem simitu hau maligne vos invitassem domum ad me, sed mihi domi*

nihil est "Я сразу охотно пригласил бы вас к себе домой, но дома у меня ничего нет"; Plt.Ep.627: *siccin iussi ad me ire? pedibus plumbeis qui perhibetur prius venisset quam tu advenisti mihi* "Так велел я тебе идти ко мне? Тот, у кого были бы свинцовые ноги, пришел бы раньше, (мог прийти раньше), чем ты пришел ко мне".

В условном предложении формы конъюнктива плюсквамперфекта обозначают нереальность условия в прошлом. Plt.Most.241: *Si summo Iovi bono argento sacrificassem, pro illius capite quod dedi, numquam aequae id bene locassem* "Если бы я Юпитеру пожертвовал те деньги, что за ее свободу дал, вложил бы их не лучше"; Plt.Men.241: *Nam invenissemus iam diu, si viveret*. "Мы нашли бы его уже давно, если бы он был жив". В тексте Катона Старшего, который приводит Авл Геллий [Gellius 1903. X 23, 4–5], употребляются в двух условных предложениях, в которых говорится об одной и той же ситуации, формы конъюнктива плюсквамперфекта и имперфекта без всякого различия в значении, выражая некое предположение и возможное следствие: *In adulterio uxorem tuam siprehendisses, sine iudicio impune necares, illa te, si adulterares ... digito non auferet contingere, neque ius est* "Если бы ты застал твою жену в прелюбодеянии, ты мог бы убить ее безнаказанно без суда; если бы ты прелюбодействовал, она не смела бы пальцем коснуться тебя, нет права".

Итак, формы конъюнктива имперфекта и плюсквамперфекта имеют в ранней латыни одни и те же модальные значения. Ф. Тома отмечает, что конъюнктив плюсквамперфекта не имеет ни одной специфической модальной функции, которая противопоставляла бы его имперфекту конъюнктива [Thomas 1938: 28]. Зоной конкуренции форм той и другой категории является область их функционирования в сообщениях о действиях возможных или предположительных в прошедшем времени.

Период ранней латыни переходный: еще сохраняются следы старой языковой нормы, но уже сложились языковые отношения, характеризующие новую норму языка. Этот переход от старой языковой нормы к новой обнаруживается в статусе конъюнктива плюсквамперфекта: формы его немногочисленны, намного уступают в числе формам конъюнктива имперфекта, имеется зона конкуренции форм этих двух грамматических категорий, которой уже почти нет в классической латыни. Все это показывает, что конъюнктив плюсквамперфекта по происхождению сравнительно поздняя формация. Сохранилось несколько корневых глагольных форм с суффиксом *-sē-*, которые стоят вне системы инфекта-перфекта и толковались античными филологами или как формы конъюнктива имперфекта, или как формы конъюнктива плюсквамперфекта: это *foret, faxem, subaxet*. Грамматист Диомед [GL I 379, 28] пишет: *forem, fores, foret pro eo quod est essem, esses, esset dumtaxat dicimus* "формы *forem, fores, foret* вместо *essem, esses, esset*, по крайней мере мы так говорим", т.е. эти формы *forem, fores...* (**bhu-sē-*) понимались как формы имперфекта конъюнктива. Лексикограф Марцелл Ноний [Nonius Marcellus 1903. 116] приводит форму *subaxet* (**subag-sē-*), ссылаясь на Пакувия, и дает толкование посредством формы плюсквамперфекта конъюнктива *subegisset*. Форма *faxem* встречается один раз в тексте Плавта: Plt.Pseud.499: *pistrinum in mundo scibam, si id faxem, mihi* "Я знаю, что будет мне мельница (= жестокое наказание), если бы я сделал это". В этом контексте форма *faxem* имеет значение, свойственное конъюнктиву плюсквамперфекта, обозначая нереальное в прошлом действие [Safarewicz 1969: 236].

Эти архаичные корневые формы с суффиксом *-sē-*, понимаемые носителями языка то как формы имперфекта конъюнктива, то плюсквамперфекта конъюнктива, позволяют предполагать, что плюсквамперфект конъюнктива сформировался на базе имперфекта конъюнктива.

Процесс формирования системы инфекта-перфекта и вовлечения в систему не только форм индикатива, но также форм конъюнктива, и процесс темпорализации форм привели к тому, что формы конъюнктива с суффиксом *-sē-*, не имевшие первоначально временного значения, в условиях новой языковой нормы не соответствовали основным структурным характеристикам системы. Становление плюсквамперфекта конъюнктива как формации, сохраняющей модальные функции форм

конъюнктива на *-sē-*, но имеющей значение прошедшего времени, предположительно проходило следующим образом. В IV в. до н.э. противопоставление глухого и звонкого вариантов фонемы *s : z* сменилось противопоставлением фонем *s : r* (ротацизм) Экспонентом форм имперфекта конъюнктива стал суффикс *-rē-* < **-sē-*. Старые формы конъюнктива с суффиксом *-sē-* некоторых первичных глаголов, как *subaxet*, *faxem*, сохранив свои модальные функции, получили новую функцию, указывая на отнесенность действия к прошедшему времени, что прежде выявлялось только в контексте. По закону Куриловича между старыми и новыми формами возникает семантическая дифференциация, при этом новая форма сохраняет первичную семантическую функцию, а старая форма получает вторичную функцию [Курилович 1964: 14]. К числу архаичных форм конъюнктива с суффиксом *-sē-*, находящихся вне системы инфекта-перфекта, как *subaxet* (глагол *agō, ēgi*), как *faxem* (глагол *faciō, fēcī*), можно отнести такие корневые формы конъюнктива, как *(g)nōssem* (Plt.Trт.957) [глагол *(g)nōscō, (g)nōvī*], как *cōnsuēsset* (Ter.Нес. 555) (глагол *cōnsuēscō, cōnsuēvī*), которые традиционно рассматриваются как краткие формы с синкопой слога *-vi-*. Но фонетически закономерным было выпадение *-v-* только в позиции между одинаковыми гласными, поэтому необъяснимо, что *nōssem* < *nōvissem*. Двойное *-ss-* в формах типа *nōsset* было графическим знаком глухого *-s-*, появившимся в орфографии в начале II в. до н.э. Есть основание считать, что согласный элемент суффикса *-sē-* был изначально глухим *-s-*, на то указывает написание этого суффикса в италийских языках: оск. *fusid "foret"*, *patensins "aperirent"*, пелигн. *upsaseter "fieret"*.

Трансформация более ранней формы конъюнктива плюсквамперфекта *nōssem* в форму, образованную от основы перфекта, *nōvissem* предполагает, что формирование полной парадигмы перфекта *nōvī, nōvistī* было уже свершившимся фактом. Как в *nōvistī*, так и в форме *nōvissem* элемент *-i-* развился на стыке морфем между фонемами *-v-* и глухим *-ss-*. В условиях новой языковой нормы оппозиция конъюнктива имперфекта и плюсквамперфекта выражалась контрастом не только суффиксов *-rē-* и *-i-ssē-*, но и глагольных основ инфекта и перфекта: *nōscerem: nōvissem*.

Видеть в элементе *-is-* древний по происхождению суффикс и.-е. претерита, как предполагает Адамс [Adams 1994], или считать, что он сформировался на раннем этапе доистории латинского языка, нет оснований. В сабелльских языках элемента *-is-* нет.

3. ГЛАГОЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ С ЭЛЕМЕНТОМ *-ER-*

Это – будущее II, перфект конъюнктива и плюсквамперфект индикатива. Формы будущего II на *-erō* и конъюнктива перфекта на *-erit* имеют окончания, которые совпадают с окончаниями архаичных форм сигматического будущего и конъюнктива на *-sō, -sum*, например, *faxō, faxim*. Но в синтаксическом функционировании формы будущего II заметно отличаются от форм сигматического будущего. Есть несколько синтаксических конструкций характерных для форм типа *faxō* и невозможных для форм будущего II. 1) бессоюзное сочетание *faxō* с формой конъюнктива или с формой будущего времени другого глагола, например, Plt.Va.831. *faxo iam scias/scies* "сделаю, (что) узнаешь", 2) сочетание с *cave*, например, *cave faxis* "остерегайся делать"; 3) В условном предложении архаичные формы сигматического будущего употребляются как правило в придаточной части предложения, формы же будущего II в текстах Плавта чаще всего в главной части предложения. Такое расхождение заставляет считать, что будущее II унаследовало от сигматического будущего флексию, но не грамматическое значение. Вот некоторые примеры условных предложений со сказуемым в форме будущего II в главной части предложения. Plt.Capt.695. *Si istuc faxis, haud sine poena feceris* "Если ты это сделаешь, то сделаешь не безнаказанно". Форма будущего II *feceris* в главной части условного предложения называет действие в будущем времени как следствие того предположительного действия, о котором говорится в придаточной части предложения *si faxis*. Plt.Rud.1132 (рыбак выловил в море сундучок, в котором лежала шкатулка, девушка, зная, что это ее

шкатулка, обращается к рыбаку): *ego dicam quidquid inerit nominatim . .si falsa dicam, frustra dixerо* "я назову все, что там находится если я скажу неправильно, (значит) буду говорить напрасно". В придаточной части условного предложения стоит форма будущего I (*si dicam*), а в главной части форма будущего II (*dixerо*), указывающая на следствие, вытекающее из предыдущего действия. Plt.Mil.297: *Si falso insimulas Philocomasium, hoc perieris* "Если клеветнешь на Филокомасию, то погибнешь"; Plt.Per 131 (разговор раба и парасита): *Hic leno neque te novit neque gnatam tuam – Me ut quisquam norit, nisi ille qui praebet cibum?* "Этот сводник не знает ни тебя, ни твою дочь. – Как будет знать кто-нибудь меня, как не тот (= если не тот), кто дает еду"; Plt.Capt 968 *Si eris verax, ex tuis rebus feceris meliusculas* "Если будешь говорить правду, больше пользы принесешь себе" В придаточной части условного предложения употребляется здесь форма будущего I *eris*, а в главной части будущее II *feceris*. В классической латыни наоборот стало нормой употребление в придаточной части условного предложения форм будущего II со значением предшествования в плане будущего времени, а в главной части предложения будущего I (*si feceris, eris*).

Обозначение следствия, или результата, или вообще связанности будущего действия с другим более ранним характерно для форм будущего II в ранней латыни не только в условном предложении, но и в других синтаксических контекстах. Например, Plt.Most 707 (диалог старика и раба): *certa res est, ut abeam potius hunc ad forum – Abitus tuos tibi, senex, fecerit male*. "Решено, лучше уйду отсюда на площадь. – Твой уход, старик, навлечет на тебя беду" В первом предложении сообщается о решении старика уйти, а во втором говорится о результате этого действия в форме будущего II *fecerit male* "навлечет беду" Plt.As.839 (разговор сына с отцом): *Ne dixis istuc – Ne sic fueris, ilico ego non dixerо*. "Не говори этого – Не будь таким, тогда и я не буду говорить" Запрет "не будь таким" выражается формой конъюнктива перфекта *ne fueris*, а результат его формой будущего II *non dixerо* "не буду говорить" Plt Ba.90: *illa quidem hanc abducat, nullus tu adfueris, si non lubet* "она ее уведет, ты не будешь присутствовать, если (тебе) не угодно" Желание говорящего показать связанность второго действия "не будешь присутствовать" с первым "уведет" передается употреблением формы будущего II *adfueris*

Тег Andr 639 (юноша в смятении чувств говорит) *Sed quid agam? adeamne ad eum et cum eo iniuriam hanc expostelem? ingeram mala multa? atqui aliquis dicat: "nil promoveris". Multum molestus certe ei fuero atque animo morem gesserо* «Но что делать? – идти мне к нему и обиду высказать? Разругать его? Кто-нибудь скажет: "Ничего не добьешься" Да многого (добьюсь) досажу ему и душу отведу свою». В тексте Теренция форма конъюнктива презенса, выражающим сомнение, неуверенность говорящего, противопоставляются формы будущего II *fuero, gesserо*, которые передают уверенность его в результате

Уже в ранней латыни формы будущего II начинают обозначать будущее действие, предшествующее другому действию Такое употребление встречается в придаточной части условного предложения, при этом в главной части предложения может сохраняться тоже форма будущего II, например, Plt Pseud 512 *Certe scio, si apstuleris, mirum et magnum facinus feceris* "Твердо знаю, если заберешь (деньги), удивительный поступок совершишь". Примечательно, что в текстах древнеримских законов, в которых очень точно оговаривались условия предписываемых законом действий, формы будущего II сохраняли значение, присущее им в ранней латыни Вот некоторые примеры

Lex repetundarum ("Закон против вымогательства") CIL I² 583, 10 (123 год до н э) *Qui ex h l pecuniam petet nomenque detulerit..* "Кто по этому закону будет требовать (возврата) денег и объявит имя (ответчика) " Судебный процесс в древнем Риме начинался с объявления истцом имени лица, которого он привлекал к судебной ответственности В тексте закона употребляется сначала форма будущего I *petet*, затем форма будущего II *detulerit* Очевидно, что функция будущего II состоит в том, чтобы указать, что это действие является следствием первого "будет требовать, по-

этому объявит имя". В тексте того же закона формы будущего II оказываются синтаксически связаны не только с формами будущего I, но и с перфектом. В 12 главе закона устанавливаются правила выбора судей. В ряде определительных предложений указывается, кого не следует выбирать судьей. Вот одно из этих предложений. *queive mercede conductus depugnavit depugnaverit* "кто нанятый за плату вел борьбу, будет вести борьбу". Такое парное сочетание форм перфекта и будущего II, образованных от одной и той же основы, нередко встречается в текстах законов. Например, *lex Iulia municipalis* "Закон Юлия о муниципиях" (CIL I² 543,13: 45 год до н.э.). Закон устанавливал правила выборов городских магистратов, предписывалось, кого не следует выбирать в сенат: *queive depugnandi causa auctoratus est, erit fuit, fuerit* "кто нанят для борьбы, будет нанят, был (и) будет (оставаться) нанятым". В этом тексте парное сочетание форм перфекта и будущего II *fuit fuerit* подобно сочетанию *depugnavit depugnaverit*. Функция формы будущего II в отличие от будущего I не просто указать на отнесенность действия к будущему времени, но подчеркнуть связанность будущего действия с предыдущим, относится ли оно тоже к плану будущего времени (как *petet... detulerit*), или к плану прошедшего времени (как *fuit fuerit* или *depugnavit depugnaverit*). В последнем случае используются парные сочетания форм перфекта и будущего II: функция формы будущего II – передать, что будущее действие является продолжением того действия, которое произошло в прошлом.

Семантическое развитие будущего II шло от значения будущего действия, связанного с предыдущим действием, как его следствие, или результат, или продолжение, к значению ближайшего будущего, примыкающего к настоящему моменту (ср. Plt.As. 705. *Inscende actutum – Ego fecero*. "Влезай скорей. – Я выполню".) и, наконец, к значению предшествования в плане будущего времени. Темпорализация будущего II и развитие относительно-временного значения шли параллельно с тем же процессом темпорализации перфекта. от значения состояния субъекта в настоящем времени и значения достигнутого состояния, как результата предыдущего действия, к значению прошедшего времени. Этот процесс поддерживался слиянием перфекта и аориста в итальянских языках. Наиболее раннее значение будущего II – значение будущего действия, связанного с предыдущим действием, как его следствие или результат – можно рассматривать как проекцию значения результативного перфекта в план будущего времени. В ранней латыни будущее II в плане содержания – это перфектное будущее. Образование форм будущего времени от основы перфекта известно в древнегреческом языке, например, ἔσθηξω "я буду стоять", ἔστηκα – перфект "я стою", но ἵστημι – презенс "я ставлю", однако функции латинского будущего II значительно разнообразнее, его роль в истории латинского языка несравненно большая, чем у форм перфектного будущего в древнегреческом языке. Сохранившиеся еще в классической латыни разнообразные функции будущего II свидетельствуют о длительности истории этого образования.

Грамматическая категория будущего II существовала и в сабелльских языках. Формы будущего II в оскском, умбском и других языках древней Италии образуются так же от основы перфекта, как и в латинском языке, например, оск 3 л ед ч. *fefacust* "fecerit" ср. перфект конъюнктива оск *fefacid*, умбр. 2 л.ед.ч. *benus* "veneris", ср перфект оск. *kum-bened* "con-venit". Сходство латинского и сабелльского будущего II обнаруживается также в синтаксическом функционировании форм. Как правило формы будущего II употребляются в придаточных предложениях временных, условных и относительных, обозначая действие предшествующее другому действию в плане будущего времени. Употребление формы будущего II в главной части условного предложения, столь характерное для ранней латыни, сохранилось в умбском языке в единственном примере – в Игувинских таблицах VI a7. В тексте делается предупреждение, чтобы во время наблюдения за полетом священных птиц не было никакого шума, и чтобы никто из посторонних не приближался *sue mieto fust ote pi-si arsir andersesust disleralinsust* "если будет шум или кто-нибудь сядет рядом, все пойдет насмарку". В умбском тексте стоят формы будущего II и в придаточной части

предложения (*andersesust*) и в главной части условного предложения (*disleralinsust*), что встречается и в языке Плавта. Этот пример употребления формы будущего II в главной части условного предложения, когда говорится о следствии, вытекающем из условия, показывает, что категория будущего II в умбрском языке прошла тот же путь семантического развития, как и в латинском языке.

О происхождении формации будущего II в сабелльских языках высказывались различные предположения. Р. фон Планта считал оскско-умбрское будущее II с его суффиксом *-us-* по происхождению сигматическим будущим от основы перфекта на *-v-* [Planta 1889, 2: 373]. Его решение не было принято, так как в окско-умбрском языке никаких следов этого перфекта нет. Положение изменилось во второй половине XX века с изучением южнопиценских надписей, в которых форма *opsút* AQ 2 была признана формой 3 л.ед.ч. перфекта с суффиксом **-u/w-*: **ops(a)u-* [Prosdocimi, Marinetti 1993: 300]. Это позволяет вернуться к теории Р. фон Планты.

Среди форм будущего II в сабелльских языках особое внимание привлекают две формы 3 л.ед.ч. в умбрском языке: *portust* "portaverit" (Tlg VII b3) и *uesticos* "libaverit" (Tlg VI b25). Оба глагола относятся к 1 спряжению (ср. формы императива *portatu* и *vestikatu*), но образование этих форм будущего II отличается от обычного (ср. образование формы будущего II 3 л.ед.ч. умбр. *andirsafust* "circumdederit" от основы перфекта *andirsāf-* глагола 1 спряжения *andirsā-* "окружать"). По мнению Рикса, форма *portust* глагола *portā-* "принести" имеет вид образования от основы "силового" перфекта первичного глагола [Rix 1992: 239]. Более правильно, как я думаю, мнение Планты, который видел в этих формах сигматическое будущее от перфекта с суффиксом *-v-*: *portust* < **portā-u-s-* и *uesticos* < **uesticā-u-s* [Planta 1889, 2: 372; Vetter 1953: 253]. Вследствие монофтонгизации в умбрском языке дифтонга *-au-* > *-ō-* (графически *u, o*: ср. умбр. *ute, ote* "aut") формы получили вид *portust, uesticos*(t).

Есть основание предполагать, что становление грамматической категории будущего II в латинском языке так же проходило на базе перфекта на *-vī*, и что элемент *-er-* в формах будущего II отражает итальянский суффикс **-us-*, а не **-is-*, как это принято считать. Сходство семантики форм будущего II в латинском и сабелльских языках, позволяет считать, что происхождение будущего II в этих языках было единым: это были формы сигматического будущего с суффиксом **-se/o-* от основы перфекта на *-vī*, образованные по модели архаичных форм корневого сигматического будущего, как лат. *faxō, capsō*. Изменение латинской протоформы будущего II **gnō-w-se/o-* (**gneH₃-w-se/o-*) проходило предположительно следующим образом: в позиции перед согласным *-s-* (или между согласными *-H-* и *-s-*) сонант **-w-* реализуется как гласный *-u-*, и происходит удлинение этого гласного – морфологический прием в деривации, уточняющий деривационное отношение между перфектом и перфектным будущим: **gnō-w-*: **gnō-wu-se/o-* (долгие гласные в латинском моросчитающем языке имели двухчленную значимость [Тронский 2001: 51]). Подобное удлинение гласных *u, i* наблюдается в основах некоторых латинских прилагательных, производных от основ существительных с краткими *u, i*, например, *cornu: cornūtus, tribus: tribūnus, civis: civilis* [Leumann 1977: 261]. Последующие изменения в протоформе будущего II связаны с процессом ротацизма и реализацией всех кратких гласных перед *-r-* как *-e-* [Sihler 1995: 62]: **gnōwusō* > (*g*)*nōverō*, ср. изменение *u* > *e* перед *-r-* в лат. *socer*, арх. *socerus* "свекор" из **swekuros* [Walde, Hofmann II: 550]. В дальнейшей истории латинского языка формы будущего II на *-erō, -eris...* распространились во всех классах перфекта.

Предлагаемое объяснение суффикса будущего II *-er-* как отражение в латинском языке итальянского суффикса *-us-* имеет то преимущество перед старым объяснением *-er-* < *-is-*, что оба элемента этого суффикса – *-w-/u-* (суффикс перфекта) и *-s-* (суффикс будущего времени) – известны и имеют соответствия в других и.-е. языках.

К системе перфекта относятся помимо будущего II также плюсквамперфект индикатива. Есть основание считать, что плюсквамперфект – поздняя грамматическая категория и по происхождению представляет собой вторичное образование от осно-

вы будущего II. В текстах древнеримских законов, язык которых имел архаизирующий характер, форм плюсквамперфекта нет [Siegert 1939: 10], но формы будущего II в определенном синтаксическом контексте имеют функцию плюсквамперфекта. Например, аграрный закон 111 г. до н.э. (CIL I² 585,65): *Ilvir, sei is ager locus, quei ei emptus fuerit, publice venieit, tantundem modum agri locei... ei quei ita emptum habuerit, dato reddito* "Если земельный участок – поле, который будет куплен для него (= истца), был продан в интересах государства, пусть дуумвиры дадут вернуть такую же меру земли-поля тому, кто будет иметь купленную таким образом (поле)". Последовательность ситуаций во времени здесь такова: для некоего лица был куплен участок земли, эта земля была продана в интересах государства, дуумвиры должны дать ему такой же участок земли. Поскольку действие – продажа – передается в тексте закона формой перфекта *venieit*, то более раннее действие – покупка – должно бы быть выражено формой плюсквамперфекта, но в тексте стоит форма будущего II *emptus fuerit*. Такое употребление показывает, насколько семантически гибкими были формы будущего II, которые в разных контекстах имели разное назначение.

Б. Комри в своей книге, посвященной категории времени, говоря об относительном будущем времени, пишет: "Все, на что указывает относительное будущее время, это то, что ситуация является более ранней по отношению к точке референции, при этом допускается, что эта ситуация локализуется после настоящего момента, или одновременно с настоящим моментом, или до настоящего момента" [Comrie 1986: 70]. В последнем случае функция будущего II совпадает с функцией плюсквамперфекта.

Тот факт, что грамматическая категория будущего II в латинском языке более древняя, чем категория плюсквамперфекта, и что в ранней латыни сохранились следы употребления форм будущего II в функции плюсквамперфекта, позволяет считать, что формирование плюсквамперфекта проходило на основе уже имеющихся в языке форм будущего II путем комбинации суффикса будущего II *-er-* и суффикса претерита *-ā-*: формы на *-eram*, *-erās*...

Последние образования, которые, утратив свою первоначальную автономность, вошли в систему инфекта-перфекта, были имперфект и плюсквамперфект конъюнктива.

Раздельное рассмотрение грамматических категорий, имеющих в составе форм элемент *-is-* или *-er-*, показало, насколько различно их происхождение и их роль в образовании форм латинского глагола. На раннем этапе истории латинского языка в неполной парадигме перфекта на *-vī* в форме 2 л.ед.ч. не было элемента *-is-*, окончанием было *-stī*, древность которого подтверждается сравнительным материалом хеттского и тохарского языков. В процессе формирования полной парадигмы перфекта на *-vī* окончанием 2 л.ед.ч. стало *-istī* за счет вставного переходного элемента *-i-* между основообразующим сонантом *-v-* и окончанием *-stī*. Из класса перфекта на *-vī* окончанием 2 л.ед.ч. *-istī* было перенесено в другие классы перфекта. Напротив, *-er-* является отражением в латинском языке суффикса общелатинского будущего II **-us-*, который сохранился в сабелльских языках.

Формирование системы перфекта, включающей времена индикатива и конъюнктива, было длительным многовековым процессом: от образования будущего II в период италийского праязыка до образования поздней формации плюсквамперфекта индикатива в одном лишь латинском языке. Особая роль в этом процессе принадлежала перфекту на *-vī*. Полная парадигма перфекта на *-vī* была самой значительной по числу глаголов (первичных – корневых и вторичных – отыменных и отглагольных), имеющих в исходе корня (или основы) долгий гласный (ср. *plē-vī*, *gnō-vī*, *amā-vī*, *cantā-vī*). Тот факт, что полная парадигма перфекта на *-vī* является результатом трансформации архаичной неполной парадигмы, имеющей соответствия в хеттском и тохарском языках, показывает, насколько длительной была история перфекта на *-vī*, обеспечившая особую его устойчивость. Формированию грамматических категорий – будущего II и плюсквамперфекта – на базе перфекта на *-vī* способствовало то,

что сонант *-w-, как маркер перфекта, мог иметь различную реализацию, вокалическую или консонантную, в разном фонологическом окружении и легко выделялся в производных словоформах. С другой стороны, важной характеристикой перфекта на -vī было сохранение древней семантики и.-е. перфекта (ср. *nōvī* "я знаю", *cōnsuēvī* "я имею привычку"), отразившейся в грамматической семантике будущего II. Древнейшая автономная система перфекта в италийских языках была двухчленной: перфект: перфектное будущее.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- CIL – Corpus inscriptionum Latinarum. V. I. Berolini, Lipsiae, 1918.
GL – Grammatici Latini. V. I. Lipsiae, 1857, V. II. 1858, V. VII. 1880.
Plt.Amph. – Plautus, Amphitruo. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Plt.As. – Plautus, Asinaria. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Plt.Au. – Plautus, Aulularia. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Plt.Ba. – Plautus, Bacchides. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Plt.Capt. – Plautus, Captivi. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Plt.Ep. – Plautus, Epidicus. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Plt.Men. – Plautus, Menaechmi. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Plt.Mer. – Plautus, Mercator. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Plt.Mil. – Plautus, Miles gloriosus. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Plt.Most. – Plautus, Mostellaria. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Plt.Per. – Plautus, Persa. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Plt.Poen. – Plautus, Poenulus. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Plt.Pseud. – Plautus, Pseudolus. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Plt.Rud. – Plautus, Rudens. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Plt.Stich. – Plautus, Stichus. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Plt.Trin. – Plautus, Trinummus. London; Cambridge (Mass.), 1944.
Ter.Ad. – Terentius Publius, Adelphi. Cambridge (Mass.), 1979.
Ter.Andr. – Terentius Publius, Andria. Cambridge (Mass.), 1979.
Ter.Eun. – Terentius Publius, Eunuchus. Cambridge (Mass.), 1979.
Ter.Hec. – Terentius Publius, Hecyra. Cambridge (Mass.), 1979.
Tlg. – Tabulae Iguvinae // *Vetter E.* Handbuch der Italischen Dialekte. Heidelberg, 1953.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барроу Т.* 1976 – Санскрит. М., 1976.
Елизаренкова Т.Я. 1982 – Грамматика ведийского языка. М., 1982.
Тронский И.М. 2001 – Историческая грамматика латинского языка. М., 2001.
Шмальцтиг В. 1988 – Морфология глагола // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988.
Фридрих И. 1952 – Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952.
Adams D.Q. 1993 – Revisiting the person-number endings of Tocharian B // *Tocharian and Indo-European studies.* V. 6. Reykjavik, 1993.
Adams D.Q. 1994 – The Tocharian class III preterite // *In honorem Holger Pedersen.* Wiesbaden, 1994.
Benveniste E. 1962 – Hittite et indo-européen. *Études comparatives.* P., 1962.
Comrie B. 1986 – Tense. London; New York, 1986.
Ernout A., Meillet A. 1939 – Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris, 1939.
Gellius Aulus 1903 – Noctium Atticarum libri XX. Lipsiae, 1903.
GL 1857 – Grammatici Latini / Hrsg. von... Keil. Lipsiae, 1857.
Krause W., Thomas W. 1960 – Tocharisches Elementarbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1960.
Kuryłowicz J. 1964 – The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.
Leumann M. 1977 – Lateinische Laut- und Formenlehre. München, 1977.
Lodge G. 1925 – Lexicon Plautinum. Lipsiae, 1925.
Nonius Marcellus 1903 – De compendiosa doctrina. Lipsiae, 1903.
Oettinger N. 1979 – Die Stammbildung des hethitischen Verbuns. Nürnberg, 1979.
Planta R. von 1897 – Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte. Bd. 1–2. Strassburg, 1897.

- Prosdocimi A., Marinetti A.* 1993 – Appunti sul verbo latino italico III: Sulla morfologia del tema-base del perfetto latino. I perfetti in -u- e in -s- // Sprachen und Schriften des antiken Mittelmeerraums. Innsbruck, 1993.
- Risch E.* 1975 – Zur Entstehung des hethitischen Verbalparadigmas // Flexion und Wortbildung. Wiesbaden, 1975.
- Rix H.* 1992 – Zur Entstehung des lateinischen Perfektparadigmas // Latein und Indogermanisch. Innsbruck, 1992.
- Safarewicz J.* 1969 – Historische Lateinische Grammatik. Halle, 1969.
- Schmidt G.* 1985 – Lateinisch amavi, amasti und ihre indogermanischen Grundlagen // Glotta. 1985. Bd. 63.
- Siegeri H.K.* 1938 – Die Syntax der Tempora und Modi der ältesten lateinischen Inschriften (bis zum Tode Caesars). Würzburg, 1938.
- Sihler A.* 1995 – New comparative grammar of Greek and Latin. New York, 1995.
- Sturtevant E.H., Hahn A.* 1951 – A comparative grammar of the Hittite language. V. 1. New Haven; London, 1951.
- Thomas F.* 1938 – Recherches sur le subjonctif latin. Histoire et valeur des formes. Paris, 1938.
- Walde A., Hofmann J.B.* 1954 – Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg, 1954.
- Winter W.* 1994 – Zum tocharischen Verb // Tocharisch. Akten der Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Reykjavik, 1994.

© 2003 г. Х. ШУСТЕР-ШЕВЦ

СЛАВЯНСКАЯ МЕТАТЕЗА ПЛАВНЫХ И ПРОЦЕСС ДЕЗИНТЕГРАЦИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО

Не подлежит сомнению, что результаты метатезы плавных имеют исключительно большое значение для реконструкции процесса дезинтеграции праславянского и возникших вследствие него позднепраславянских макродиалектов и позднейших отдельных славянских языков. Существо и причины этого звукового развития, столь важного для истории славянского, были уже поэтому всегда в центре внимания исследования диахронии славянских языков, несмотря на то, что до сих пор, однако, не смогли получить единого объяснения этого феномена¹. Вместе с тем общепризнано, что метатеза плавных состоит в тесной причинной связи с действующим в праславянском "законом открытого слога" (тенденция повышения звучности в рамках слога), и поэтому ее также нельзя рассматривать в отрыве от других (поздне)праславянских фонетических изменений, восходящих к этой тенденции развития. Это относится прежде всего к монофтонгизации дифтонгов (*āi, ei, āiu, eu > ě i, u, u*) и связанному с этим возникновению носовых гласных *ǫ, ę, (< ān, en, ьn, ьn)* передвигание границ слога в случаях вроде *d lo, t l, d m > dl, tl, tm* (регрессивное перемещение слогораздела) и возникновению слогаобразующих плавных *l̥, l̥, r, r < ʁl, ʁl, ʁl, ʁl* в позднеславянских диалектах – предшественниках южнославянского и чешско-словацкого.

При этом славянская метатеза плавных развивалась в эпоху, когда закон открытого слога уже перевалил через свой апогей и начал терять силу. Поскольку она была вызвана тенденцией к повышению кривой звучности в рамках слога, в первую очередь (еще в общепраславянском) произошло перемещение вершины слога с гласного на следующий за ним плавный, что было связано с усилением его звучности и привело к возникновению опорного звука в форме некоего шва (*ə*). Но эта эволюция уже не была совершенно единообразна в том, что касается ее результата. А именно в одной части позднепраславянских диалектов продление сонорного получилось слабее, а в другой – сильнее. Выделяются следующие варианты².

1 Пик звучности эволюционировал так сильно, что опорный гласный шва перешел в гласный полного образования (метатеза), а гласный, первоначально стоявший перед плавной, подвергся, наоборот, редукции и позднее был упразднен (в начале слова *ālǝT, ārǝT > əlǝT, ərǝT > loT, roT*, внутри слова *TǎlǝT, TǎrǝT, TǎlǝT, TǎrǝT > TǎlǝT, TǎrǝT, TǎlǝT, TǎrǝT > TloT, TroT, TleT, TleT*)

2 Как и в предыдущем случае, но с заместительным действием опорного шва и продлением метатезированного гласного полного образования (в начале слова *ālǝT,*

¹ Ср. особенно [Torbiomsson 1901, Ekblom 1927, 1928, Lehr Spławinski 1931 (1957) 116–137 (231–250), Schwarz 1927 361–369, Реслар, без г 3–4, Mareš 1956 443–495, Бернштейн 1961 216–225, Milewski 1933 96–120, 1966 9–20, Shevelov 1964, Sueber 1967 13 и сл.]

² Предлагаемые здесь размышления по механизму и ходу метатезы плавных являются уточнением мыслей, уже высказанных нами по этой теме. Ср. [Schuster Šewc 1997 (2000) 251–262 (10–23)]

ǎraT > əlāT, ǎraT > lāT, rāT, внутри слова *TālāT, TārāT, TēlāT, TērāT > TəlāT, TərāT, TəlēT, TərəT > TlāT, TrāT, TlēT, TrēT*)

3 Первоначальное состояние сохранено, но при этом опорный шва, стоящий после плавного, развился позднее, в зависимости от тембра гласного полного образования, стоящего пред плавным, в *o* и *e* (*TālāT, TārāT, TēlāT, TērāT > ToloT, ToroT, TelleT, TereT*)

4 Опорный гласный шва был упразднен, как в первой и второй группе, но здесь он вызвал продление не следующего, а предыдущего гласного (в начале слова *ālāT, ǎraT > ālT, ārT*, внутри слова *TālāT, TārāT > TālT, TārT* В сочетаниях *TēlāT, TērāT* продление гласного не отмечается)

Как явствует из приведенных примеров, действительная метатеза плавных состоялась только в двух первых группах, в третьей группе она была осуществлена только в ограниченном объеме, там выработался род равновесия, так называемое полногласие В последней группе ее вообще не было

Первым хронологическим шагом описанной эволюции была перестановка двух начальных групп *ālāT, ǎraT*, которые, как известно, в праславянских диалектах, предшественниках западно- и восточнославянского, под циркумфлексовой интонацией дали *loT, roT*, а под акутовой – *laT, raT* (ср в -луж *łochć*, польск *łokieć*, русск *локоть* "локоть", в -луж, польск *rozum*, укр *розум* "ум, разум", наряду с в -луж *lačny* "жадный", *lakomy* "алчный", польск *łakomy* то же, русск *лакомый* и в -луж *ramjo* "плечо", н -луж *ramje* то же, польск *ramię* то же, русск *рамя* то же) В диалектах – предшественниках южнославянского этот процесс проходил независимо от интонации, и возникло, подобно тому, как на северо-востоке под акутом, единое *laT, raT* (ср сербохорв *lakat, razum lakom, rame*) Но здесь есть два исключения

1 Во всем южнославянском появляется в ряде лексем наряду с *ra-* также форма на *ro-*, ср ст-слав *рѣць/рѣць* "раб", *рѣбота/рѣбота* "рабство", *разга/розга* "лоза, побег", *развѣ/розвѣ* "кроме", *раз-/роз* глагольная приставка, сербохорв *rab/rob, rabota/ròbota*, словен *ràbota/ròbota, rōzga*, болг диал (родоп) *локет* "локоть", болг название реки *Лом* < лат *Almus*, греч *Almos* В свою очередь словацкий и отчасти чешский имеют формы на *laT/raT*, ср словац *rastiem* 1 л ед ч "расту", *rázsocha* "развилка", *ražeň* "вертел", *laker* "локоть", *vlaní* "в прошлом году", наряду с *loni* то же, *lanský rok, lanské leto* то же, топонимы *Ravné* наряду с апеллятивом *rovný* "ровный", *Ráztoka, Ráztoky, Rázselie* и т д, наряду с апеллятивной приставкой *roz-*, название реки чеш *Labe* "Эльба", полаб *Lobu* < *Labo*, наряду с в-луж *Lobjo*, н-луж *Lobje* (1761 *Lobe*) < герм *Albī*, род п *Albiōz* (ср лат *Albia, Albis*), чеш диал *rasoča, rasošky* "виллообразное дерево, вилы", *ras(c)ochatý* "растрепанный", *racochejl* "хворост, раскоряченное дерево", *racošf* "растрепанная борода", вероятно, сюда же чеш *ratolest* "ветка" (ср словц *letorast* то же, ст-слав *лѣторасль* побег, росток, ветка)³

2 На крайнем юго-востоке южнославянского (диалекты – предшественники болгарско-македонского) метатеза частично отсутствовала, как это доказывает ряд старославянских и болгарских апеллятивов или славянских имен из византийских источников, ср ст-слав *алчны* "голодный", *алкати* "голодать", *алди(н)* "судно, лодка", болг *алнѣ, алнѣнце* "детеныш серны", макед диал ю-зап алтица "дощечка", ср сербохорв *latica* то же, сюда же личные собственные имена и местные названия *Ардегаст* (585 'Αρδεύαστος славянский (склавинский) военачальник, сражавшийся под началом аваров)⁴, *Ардомёр* (ок 800 г 'Αρδαμέρι), до 863 г *Албошица* ('Αλλόσιτσα),

³ Чешские и словацкие примеры по [Lamprecht 1987 64]

⁴ Что касается исторического фона, ср [Lowmianński 1963 390]

Аркотина (Ἀρτοτίνα), *Аркытова* (Ἀρκίτοβα)⁵. К этой же группе принадлежит, вероятно, и баварское диалектное слово *arlə* "тростниковая соха", происходящее из альпийскославянского (древнесловенского). Диалектам – предшественникам западно- и восточнославянского примеры без метатезы неизвестны. Топоним *Arkona* на острове Рюген, приведенный Т. Милевским [Milewski 1966: 12] малодоказателен, поскольку его славянское происхождение не подтверждено.

В обоих случаях (*loT-*, *roT-* и *alT-*, *arT-*) речь идет о старых параллельных образованиях южнославянского. На разные лады высказывавшееся мнение, согласно которому встречающийся в этой связи формы *olT-/orT-* представляют собой позднейшее западнославянское влияние, а сами эти лексемы первые были занесены на Балканы моравскими учениками Кирилла и Мефодия⁶, по нашему мнению, не выдерживает критики. Против этого свидетельствует, наряду с сербохорватскими и словенскими формами, прежде всего болгарское название реки *Лом*. Иначе обстоит дело со словацко-чешскими формами *laT-* и *raT-*, которые фактически возникли от пересечения старословацких и старочешских диалектов с южнославянским. В этой связи ср. также соответствия чешско-словацкого с южнославянским в группах *TlaT*, *Trat*, которые равным образом указывают на старую более тесную связь между диалектами – предшественниками чешско-словацкого и диалектами – предшественниками южнославянского.

Раскол праславянского на два противостоящих друг другу позднепраславянских диалектных ареала или макродиалекта, наблюдаемый в связи с метатезой в группах начала слова, представляет собой очевидное доказательство начала в это время процесса языковой дифференциации до сих пор преимущественно однородного праславянского. То же самое и потому хронологически датируемое тем же самым временем размещение изоглосс обнаруживают две дальнейшие позднепраславянские инновации, а именно: 1) возникновение слогаобразующих плавных $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$ в диалектах – предшественниках южнославянского на месте первоначальных праславянских дифтонгических сочетаний *ɛl*, *yl*, *ɛr*, *yr*, которые сохранились в диалектах – предшественниках северозападнославянского и развились здесь позднее в двухморфемные сочетания гласный + плавный (ср. русск. *торг*, *волна*, *волк*, *верх*, польск. *targ*, *wełna*, *wilk*, *wierzch* и т.д.) или плавный + гласный (ср. польск. *stup*, *dtugi*, *tluc*, чеш. *sloup*, *dlouhý*, *tlouci* и т.д.) (ср. [Schuster-Šewc 2000: 17–19]); 2) различная огласовка падежных окончаний род. ед. ч., им. мн. ч. основ на *-ja* и им. мн. ч. основ на *jo-* (северозападнославянский: *-eě*, южнославянский: *-ę*).

За метатезой групп начала слова последовала перестановка групп внутри слова *TālT*, *TārT* и *TelT*, *TerT*, результаты которой, однако, гораздо менее единообразны. На основе намеченных выше типов перестановки можно представить временную последовательность и конкретный облик метатезы плавных в группах внутри слова следующим образом по отдельным позднепраславянским диалектным ареалам.

1. Простая метатеза: **TālaT*, **TārəT*, **TeləT*, **TerəT* > *TloT*, *TroT*, *TleT*, *TreT* – позднепраславянские диалекты – предшественники восточнолехитского (польского), верхне- и нижнелужицкого, ср. польск. *łtoto*, *głód*, *-odu*, *gród*, *-odu*, *krowa*, *mleko*, *brzoza* < **brzeza*, в.-луж. *łtoto*, *głód*, *-odul-oda*, *kruwa* < **krówa*, *młoko*, мест. п. ед. ч. *młóce* < *mleko*, *brěza*, н.-луж. *głod*, *glod*, *młoko*, стар. диал. (вост.-н.-луж.) также *mleko*, *brjaza*, диал. (вост.-н.-луж.) *brjeza*. Польский знает наряду с этим в диалектах (прежде всего в северной части польского) также *TarT* (ср. примеры вроде личного имени собственного 1136 *Dargorad*, топонима *Karwodrza* или апеллятива *karw* "вол" и др.) (ср. [Milewski 1966: 14]).

⁵ Относительно форм топонимов ср. [Vasmer 1941: 290].

⁶ Ср.: "Některé doklady počátečního *rot*, *lot* by bylo možno vykládat i vlivem českým (moravským, po vyhnání Metodějových žáků z Moravy)" [Lamprecht 1987: 64].

В серболужицком вряд ли имеются исключения. Можно было бы иметь в виду в.-луж. *sołobik/syłobik* "соловей", н.-луж. *syłoj(k)* "то же", где как будто представлена восточнославянская группа *ToloT*, ср. польск. *śłowik*, чеш. *slawík*, при русск. *соловей* и укр. *соловик*. В таком случае у в.-луж. *syłobik* и н.-луж. *syłoj(k)*, возможно, по диссимилиации из первоначального *o*. На исходное *TraT* указывают, в свою очередь, в.-луж. *(š)kraholec* "ястреб" и н.-луж. *stšagłow* "кобчик" на *-ra-*, вместо ожидаемого *-ro-*, но ср. также н.-луж. стар. *krogul* "то же" (J. Choirnanus, 1650 г.) на *-ro-*, как польск. *krogulec* "то же", но чеш. *krahuj(ec)* "то же" (ср.: [Schuster-Šewc 1978–1989: 659, 1332]). Далее, принимается во внимание в.-луж. *prašiwu* "паршивый, жалкий", н.-луж. *prašuwu* "то же" (ср.: [Stieber 1934: 1]), сюда же в.-луж. *pracha* "парша, чесотка" и н.-луж. *praš* ж.р. "то же", наряду с н.-луж. *proch* "пыль". Но отношения чередования гласных здесь не совсем однозначны, как это показывают польские соответствия для "парша, чесотка" и "паршивый" (*parch, parszywu*) на *TarT* < *TъrT; та же ступень аблаута находится в в.-луж. *porchajca* "пыльный гриб", н.-луж. *parchajca* "то же" (ср.: [Schuster-Šewc 1978–1989: 677–678]). В.-луж., н.-луж. *kral* "король" и в.-луж. *straža* "стража" заимствованы из чешского.

Метатеза протекала в этом типе следующим образом: ввиду повышения кривой звучности и вызванного ею перемещения слогового пика на плавный (сонорный) произошла, как уж упомянуто, перестановка гласного полного образования (*ā/e*), и на его месте возник новый гласный элемент, совпавший с редуцированным *ъ*, который позднее трактовался аналогично. Ср. огласовку в древнелужицком топонимов типа: 976 *Podegrodici* (позднее *Pauritz*, который вошел в состав города Альтенбурга/Тюрингия; 1151 *Podegrodiz*, близ Цайца, и 1313 *Podegradiz*, соврем. *Baderitz*, округ Дёбельн [Eichler б.г.: 25] < *Pādъgārādici, а также в.-луж. *zепrěc so* "опереться на что-либо", н.-луж. *zепrěs se* "то же" < *sъperti sę, в.-луж. *zепrěc* "умереть", н.-луж. *zепrěš/zамрěš* "то же" < *sъmāreti, в.-луж. *zетrěc*, н.-луж. *zетrěš/zатrěš* "стереть, смахнуть (слезы)" < *sъtāreti, н.-луж. *zасrоmоšis se / zесrоmоšis se* "устыдиться" < *sъsārāmātiti sę (в.-луж. *e* < *ъ*, н.-луж. *e/a* < *ъ*). Наличие ранее существовавшего опорного гласного *э* (*ъ*) подтверждают и такие старые польские написания, как *we Krakowie* < *vъ Kĕrakovĕ, *we głowie* "в голове" < *vъ gĕlāvĕ, *ze błota* "из болота" < *jъzъ bĕlātĕ и т.д.

О наличии и после метатезы слабого гласного элемента свидетельствует, в конце концов, отличное развитие *r/f* после *k, p, t* в нижнелужицком и в верхнелужицком (где оно ограничивается *f*), ср. примеры вроде н.-луж. *krowa, proch, trok, trjebaš*, в.-луж. *trjebač* < *kĕrāvā, *pĕrāch, *tĕrākъ, *tĕrĕbati, но н.-луж. *kradnuš, pšawy, tšawa, kšiwu, tši* и в.-луж. *křiwy, tři* < *kradnŏti, *pravъjъ, *trāvā, *krivъjъ, *tri.

2. Метатеза с продлением перестановленного гласного *ā(o) > ā(a)* или *e > ē*: *TlāT, TārāT, TāleT, TāreT > TlāT, TrāT, TlĕT, TrĕT* – позднепраславянские диалекты – предшественники южнославянского, чешско-словацкого и частично также полабского, ср. сербохорв. *blāto*, чеш. *bláto*, сербохорв. *glād*, чеш. *hlad*, сербохорв. *krava*, чеш. *kráva*, сербохорв. *mlĕko*, чеш. *mlěko*, сербохорв. *breza*, чеш. *bříza*.

Этот тип метатезы известен и полабскому, но здесь он ограничивается несколькими старыми свидетельствами местных и личных собственных имен на *TārāT > TrāT*, что не учитывается в существующем исследовании славянской метатезы плавных. Формы с *TraT*, которые здесь представлены совместно с формами без метатезы (*TarT*), при этом прежде всего концентрируются в восточной части территории племени ободритов, которая уже весьма рано была присоединена к немецкому феодальному государству; ср. 1) славянскую форму имени города Нинбурга (Nienburg) на реке Заале, приведенную арабо-еврейским путешественником Ибрагимом ибн Якубом (965: *nōb grād = Nov grad*) (ср. [Schuster-Šewc 1988: 9–10; Fritze 1990: 2–38]), а также происходящее из того же источника именование бывшей крепости Мекленбург (ныне деревня Mecklenburg), которое также звучало *grad*, 2) древнее ободритское название крепости *Suithleicranne* (времени до X в.), т.е. *Svĕtly*

schrany, ср с праслав **světlъjъ* "светлый" и *ъschǣrnuti* "защищать"⁷, и 3) полабские (ободритские, вильские и вагрские) княжеские имена с лексическим корнем *drag-Dragovit* (789 Dragowitus, rex Wiltorum), 789 *Drago*, ободритский князь, *Dražko* (798 Th<r>asco, dux Abodritum, Trasico, 808 Drasco, dux Abodritum); *Sedrag* или *Āedrag* (Ceadrag, dux Abodritum, 819 Ceadrago, Thrasconis filio), *Āelodrag* (823 Ceodrag, rex Wiltorum); *Msidrag* (983/1020 Mizzidrog, princeps Winulorum), *Dragomir*<a> (Wratizlau ducens uxorem nomine Dragomir, ex provincia Sclavorum, que Stodor dicitur); *Onodrag* (1029, 1029/32 princeps Slavorum Anadrag, Anatrog, вагрский князь) (ср [Schlimpert 1978 29–30, 40, Fritze 1990 4–5])

В качестве соответствия *TāIT*-группе в вендо-полабском представлена группа *TlāT* (*glāvā*), за которой, вполне возможно, кроется переходная форма между *TlaT* (южнославянский, чешско-словацкий) и *TloT* (восточнолехитский) [Schuster-Šewc 1988 9]⁸ Для древнеполабского известны формы лишь на *TalT* и *TloT* (о чем см ниже)

3. Ограниченная метатеза: первоначальный гласный полного образования между согласным (смычным) и сонорным (плавным) не утрачивается, в позиции после плавного образовался (по причине в данном случае слабо выраженной вершины звучности) новый вокальный элемент (идентичный *ъ*), который впоследствии, в зависимости от тембровой окраски предшествующего гласного полного образования, развился или в *o* или в *e* – так в позднепраславянских диалектах – предшественниках восточнославянского, ср русск *болото*, *голод*, *город*, *корова*, *береза*, *молоко* и др < **bālātā*, **gālādū*, **gārādū*, **kārāvā*, **berazā*, **mālākā*. Также и для этого типа практически нет исключений Два представленных у Константина Багрянородного (De administrando imperio 956) восточнославянских имени Νεμοϋαρδᾶς 9, 4 (= Novogard) и Βερβλαων род мн ч 96, 107–108 (= Dervjanin, с ошибочно написанной буквой *B* на месте *Δ*), наряду с Δερβλενίνοις дат мн ч 37, 40 (= Drevljanin), восходят, по всей видимости, к византийскому информанту императора или же к писцу документа, которые оба в этом случае отражают тогдашнюю языковую ситуацию славянских диалектов на юго-востоке Балкан На это указывают также и представленные в De administrando imperio два имени, имеющие форму на *TlaT* Βουσεγρᾶδέ мест ед ч (= Vyšegradě) и Οστρουβνιράχ (= Ostrovnyj prag) < **-pārgъ* (ср [CPh 1949 гл. 9 и 39]) Следы древней восточнославянской ступени общевосточнославянского типа еще сохранились, согласно А А Зализняку [Зализняк 1995 35], в севернорусских диалектах, ср русск стар диал *балѣнья*, *балѣнья*, *пѣлымя*, *гѣлымя* и т д Это более древнее восточнославянское состояние, по-видимому, нашло свое отражение в финских заимствованиях из древнерусского, ср примеры типа фин *karsta* < русск. *короста* "корка, кора", фин *palttina* < русск *полотно*, фин *talkkuna* < русск *толокно* "толченая овсяная крупа, овсяная каша", фин *taltta* < русск *долото*, фин *vargpinen* < русск *воробей*, фин *sivalkko* < русск *сволок*- (*сволѣчь* "волоча стянуть вниз"), фин *karpio* < русск **коробия* (ср *коробка*), фин *parh* < русск *порог*, фин *varttina* < русск *веретено*

⁷ Фритце упоминает в этой связи о названии пустоши *Drogawiz* из области к северу от Ерихова Появление *o* на месте ожидаемого *a* представляет собой, возможно, опisku – как в *Mizzidrog* или *Anatrog* Но нельзя исключить и первоначальную форму на *TroT*, ср полаб *brodā* борода и *brodāvaic* (?) бородавка Едва ли вероятно предложенная Фритце догадка, по которой *-ro-* вместо ожидаемого *-ra-* восходит к лужицкому влиянию Действительно, Ериховская земля однозначно располагалась в древнеполабской языковой области, см [Fritze 1990 12 и сл]

⁸ Подобное мнение выразил уже А Шлейхер в своей "Полабской грамматике", но оно впоследствии было отвергнуто К Ничем ' , nie ma bowiem powodu Schleicherowskie *lā* Połabian łączyć raczej z czeskim *la* niż z polskim *lo*, skoro pod zadnym zresztą względem j połabski nie zbliża się do czeskiego , ср [Nitsch 1954 (1905) 41]

В качестве примера ограниченной метатезы обычно приводят слово *золъто* 'золото', представленное в древнецерковнославянской Синайской псалтыри (XI в.) Однако его принадлежность к рассматриваемому сейчас нами типу метатезы не является надежной, поскольку в древнеболгарском больше не встречается форм данного вида

Важное доказательство вторичного происхождения второго *o* в восточнославянских группах на *ToloT, ToroT, TeleT, TereT* содержится в украинском языке, где в соответствующих примерах не состоялось заместительного удлинения звука после выпавшего *ъ(й)*, ср. укр. *мороз, берег, порог* и параллельно, однако, также диал. *пориг, -ога*, который, вероятно, возник по аналогии со случаями типа *виз, -оза, нис, -оса*. Возможно также, что здесь перед нами временное наложение, т. е. что переход *ъ(ə) > o* еще не был полностью завершен, когда уже началось заместительное удлинение звука

4. Без метатезы, но с удлинением не переставленного гласного *ă(o) > a(a)* – поздненепрараславянские диалекты – предшественники полабско-поморянского и южнославянского. Этот вид отличается от вида, описанного выше под номером 2, только тем, что в нем отсутствует метатеза. Оба вида и территориально перекрывают друг друга, так что по этой причине их лишь с трудом можно отделить один от другого. Вероятно, они уже и раньше (т. е. на территории славянской прародины) находились в близком соседстве (см. ниже рис. 2). Наиболее широко распространены неметатезированные формы в полабско-поморянском. Здесь древнейший пример отыскивается в XII в., ср. приведенное Адамом Бременским (в "Хронике" 1075–1080 гг.) имя ободритского племени *варны* и *варнавы* (*Warnavi*, к **vǫrnъ* 'ворона', **vǫrnajъ* 'черный'), названного так, поскольку оно сидело на р. Варна, равно как многочисленные (после XII в. документально засвидетельствованные) топонимы с опорным словом *-gard* "крепость" (например, *Starigard*, бывшее славянское название Ольденбурга, *Stargard, Belgard* и др.) или с *-walk/-wolk*, ср. 1253 *Priwak* возле Любека, ныне Привал (*Prüwall*), *Provelack* в округе Бледека на р. Эльба (1345 *Priuelok*), *Pritzwalk*, ныне Остпригниц (*Ostprignitz*) (1257 *terra Prezwalk*), *Pasewalk* (1277 *Pozdewolc*) < **vǫlk*, и этот элемент содержится в русск. *волок* "водораздел между двумя водными артериями, через который перелокачивают суда", с **mǫlt-* 1319 *Moltkowo, *bĕrst-Bristow* в округе Малхин (*Malchin*), с **-bĕrg Kolberg* (ныне польск. Колобжег [*Kołobrzeg*]), наряду с этим здесь (как и в случае с *TǫrT*) встречаются формы с уже состоявшейся метатезой *Brest* в округе Деммин (*Demmin*) < **Berstĕ, Drenow* в округе Белгард (*Belgard*) < *Dĕrnovъ* (ср. здесь также формы с метатезой, н. луж. *Drjenjow/Drjonjow* в округе Коттбус и польск. *Drzonowo*) и др.⁹ Дошедшая до нас полабская лексика XVIII в. обнаруживает случаи как с метатезой, так и без нее, ср. полаб. *brodǫvǫicǫ* 'бородавка' < **bǫrdǫvicǫ, koivo* < **kǫrvǫ, glǫvǫ* голова < **gǫlvǫ, mlǫcenĕ* 'молочный' < **mĕlĕbnъjъ, mlǫkǫ* 'молоко' < **mĕlkǫ, mlǫt* 'молоть' < **mĕlti, bĕzǫ* "береза" < **bĕrza, brig* "берег" < **bĕrgъ, dien* "шип" < **dĕrnъ, srebru* "серебро" < **sĕi brǫ, prucerǫk* "полдник, закуска между обедом и ужином" < **pĕrdъvъĕrĕkъ, peridĕjĕ* 3 л. ед. ч. "перемешивать, прерывать" < **pĕiryjetĕ, perstrelĕt* "прострелить" < **pĕi strĕlitu*¹⁰ Следовательно, как показывают приведенные примеры, также и в полабском представлены формы с простой перестановкой, как в польском и лужицком. Они количественно возрастают по мере продвижения с запада на восток, что, вероятно, объясняется влиянием соседствующего восточнолехитского Словинцкий, на котором говорили в Восточной Померании, еще знал многочисленные формы без метатезы, тогда как в кашубском, напротив, превалируют уже формы с метатезой, прежде всего в апеллятивной лексике (ср. [JNP 1996. 28])

⁹ Полабский материал цитируется по [Trautmann 1941. 30] и [Rzetelska, Duma 1966. 26-33]

¹⁰ Примеры приведены по [Polanski, Schnert 1967]

Пусть и разрозненные, примеры форм на *TarT* встречаются однако также и на всем восточнолехитском (польском) языковом пространстве¹¹

В области распространения южнославянского наибольшее распространение групп на *TalT*, *TarT* приходится на юго-восток (древнеболгарский/древнецерковнославянский, Иоанн Экзарх, IX в), на область бывших славянских диалектов Греции Ср 1) апеллятивную лексику ц-слав/ср-болг *baltyny* "болото, грязь", сюда же **bältä*, халдавица "холод" < **chäld* (болг *хлад*), *палтъ*, *палтъць* (ср русск *пóлоть* "половина туши свиньи или овцы"), *maldučie* "молодость" (болг *млад* "молодой"), *залтаринъ* "ювелир, работающий с золотом" (болг *злато* 'золото'), *сварьъ* "зуд, свербение" (сербохорв *svârb* "то же"), вероятно, сюда же, вероятно, принадлежит и название болгарского города *Варна*, сюда же **vârñъ* "ворона" и **vârñъь* "черный" (ср [Мирчев 1963 137]), 2) славянские личные имена из византийских документов времени до 800 года и славянские заимствования в греческом *Därgämerъ* (Δαργαιμερος), *Väldimrъ* (Βαλδιμερος), *Përbqđъ* (Περβουδος), *Përslavъ* (Περσθαβαν), топонимы *Gärdьсь*, *Gärdica* (Γαρδίκι, Γαρδίτσα), *Sälmъnikъ* (Ξαλμενικον), 3) славянские заимствования в греческом *merža* (μερζα "сеть для рыбной ловли"), *sälmä* (σάλμα солома"), *bärnä* (σβάρνα "борона"), *välkъ* (βαλκος "сеть для ловли угрей"), *bältä* (βαλτος, βαλτα "болото, трясина") и др (ср [Vasmer 1941, Malingoudis 1981 16 и сл]) Вероятно, к этой же группе принадлежит также заимствования из славянского, но полученные через посредство румынского *gard* "крепость" (?) < *gärdь*, *daltä* долото' < *dältä*, *scovardä* сковорода' (?) < **skävärdä*, наряду с *vrajdä* 'ненависть' < **väržьdä*¹² Кроме того, примеры без метатезы могут быть приведены с территориями юго-востока (Македония) и северо-запада (Словения, Албания / западно-восточные Альпы) южнославянской языковой территории, ср славянские заимствования в албанском алб *dalte* "долото < **dältä*, ср ч *dläto* то же, а также *gradinë* наряду с *gradinë* "сад" < **gärdinä* (болг *градина* то же), равно как и соответствующие славянские реликтовые слова в баварских диалектах южно-восточной территории Альп (в Австрии, Южной Баварии) *Haber-dalken* вид овсяной каши" < **tätky*, с аблаутом к **telktu*, **tölkъ* "дробить, размельчать", ср польск *łokno* "еда из овсяной муки на горячей воде и молоке" и русск *толокно* "толченая овсяная крупа, овсяная каша", *paltena* "суконный кафтан" < **pältñä*, ср польск , в-луж *płótno* "полотняная материя, полотно", н-луж *płotno* то же Отсутствие метатезы отмечается здесь и в некоторых древних топонимах и гидронимах, ср *Palten*, к **bältä* "болото, трясина", *Perschling*, река в Нижней Австрии (834 *Bersmicha* < **Bëřьmьicä*) и *Walster*, правый приток реки Зальца (Salza) в Штирии (1348 *Walsnik* < **Välžьnica*)¹³ Из той же области засвидетельствованы, подобно как и из бывших славянских диалектов Северной Греции и Мекленбурга, параллельные формы имен с *TlaT*, *TraT*, *TreT* *Zlaten*, речка и поселение южнее Брука на реке Мур, 904 *pivus*, locus *Zlatina* < *slatina* "соленая вода", *Gratz*, *Pregrad*, 927 *Treuina* (Salzburger UB), *Treffen* в Каринтии, севернее местечка *St Veit* < *Trëbina*, 907 *Brezlauspurg*, ныне *Press*

¹¹ Ср [Majowa 1978 145–182]

¹² На отношения между болгарским и румынским указывает И Попович [Popović 1959 714–717] в своей статье "Переселение славян в Восточноримскую империю по данным языкознания"

¹³ Ср Эти имена представляют собой, – что следует подчеркнуть особо, – более древний и слабо представленный слой. Значительно многочисленнее имена из второго слоя, в которых метатеза уже совершилась [Schwarz 1927 365]. Критерии для подобного различия двух слоев не указаны. Приведенное различие является произвольным. Автор априорно исходит из того, что формы без метатезы являются более древними, чем формы с метатезой, а это далеко еще не доказано.

*burg/Bratislava*¹⁴ Нет ни лингвистических, ни исторических аргументов, чтобы проводить различие в том смысле, что в формах на *TalT*, *TarT* представлен более древний слой, тогда как формы на *TlaT*, *TraT* якобы отражают слой более молодой. В полабском формы на *TraT* являются как раз более древними, чем формы на *TarT*. Также и в период конца первого тысячелетия и начала второго зафиксированные древнецерковнославянские/древнеболгарские формы знают оба типа, хотя преобладают лексемы на *TlaT*, *TraT*.

Возможно, что к группе форм без метатезы относится и древнелужицкое княжеское имя *Derwan* ("Derwanus dux ex gente Surbiogum"), зафиксированное уже во Франкской хронике Фредегара (Fredegar) под годом 630/631 в контексте повествования об империи Само, при этом надо предположить, что основа имени восходит в праславянск **dervā* 'дерево'. Ср., далее, название восточнославянского племени *древляни* (см. выше), равно как и имя полабских *древан* (1004 *Drewani*, в источниках XVIII в. *Drawehn*, *Drawein* и *Drawahn*), которое, согласно Т. Леру-Сплавиньскому, должно быть возведено к форме с аблаутом **drъvo* "дерево" (ср. *Słownik starożytności słowiańskich*). Древнелужицкая племенная территория, которой владел Дерван, лежала к западу от р. Заале, в непосредственном соседстве с Империей франков. При этом надо принять во внимание тот факт, что в непосредственной близости фиксируется также южнославянское племенное название *Chъrvatъ*, ср. нынешние топонимы 1) *Korbetha* к северо-западу от Мерзбурга (830/50 *Curuadi*, 1012/18 *Chruvati*), 2) *Korbetha* к северо-северо-западу от Альтенбурга (1181/1214 *Chorwete*), 3) *Korbetha* (*Groß-* и *Klein-*) к северо-востоку от Вейссенфельза (Weibenfels; 830/50 *Curuuuati*, 1135 *in Choruuuete*, 1108 *villa Chorwati, iuxta flumen Sala*) (ср. [Eichler 1987: 53–54]). По этой причине нельзя исключить, что это имя *Derwan* каким-то образом связано с вышеописанным южнославянским типом метатезы. В остальном, однако, примеры без метатезы из древнелужицкой ономастики между реками Заале и Нейссе, а также из современной территории распространения верхне- и нижнелужицкого – не известны. Приведенный С. Б. Бернштейном для нижнелужицкого пример *paŭkas* "стирать (белье)" [Бернштейн 1961: 224] сюда не относится, поскольку перед нами случай с исконной формой **тъIT* [Шустер-Шевц 2000: 209–212].

Большинство исследователей, которые до сих пор изучали проблему метатезы плавных, усматривали однозначные архаизмы в зафиксированных формах без метатезы. Они являются для них также однозначным доказательством того, что метатеза плавных является еще относительно новым явлением, возникшим только после VI/VII вв., т. е. после Великого переселения славянских племен в Среднюю Европу и на Балканы. При этом, однако, не замечается тот факт, что формы без метатезы с растянутым вокализмом (*TalT*, *TarT* < *Tālt*, *TārT*) по сравнению с праславянским (*TārT*, *TāIT*) уже представляют собой инновацию. Эпицентр метатезы плавных в таком случае должен находиться в Паннонии и на территории Карпатского хребта, откуда метатеза, по всей вероятности, стала волнообразно распространяться в южном, северном и восточном направлениях¹⁵. М. Фасмер пишет в данной связи: "На основе этого распределения форм на *-tart-* или *-trat-* в топонимах и заимствованных словах я пришел к заключению, что у славян во время их проникновения в Грецию еще не совершилась метатеза плавных, почему различные населенные пункты называются

¹⁴ Примеры заимствованы из [Schwarz 1927: 365].

¹⁵ Ср. Эта тенденция вышла из центра славянского ареала, каким во время ее реализации т. е. в VII и VIII вв., была Паннония. Отсюда она распространялась к периферии ареала [Milewski 1966: 17]. Несколько иное мнение в этой связи выразил В. Ф. Мареш (Mareš), который – вероятно, под влиянием особой чешско-словацкой ситуации форм *TlaT*, *TraT* по контрасту с формами *loT*, *roT*, исходит из предположения о существовании двух 'волн радиации' – северной, более древней, и юго-западной, которая моложе, 'ядро которых находилось на западной территории позднейшего сербохорватского или в позднейшей словенской области'.

Гардіки, а не Градітси. И только когда они укоренились на новой территории, в их языке совершилась метатеза плавных" [Vasmer 1941: 269]. Примерно так же высказывается и большинство других авторов, занимавшихся данной проблемой (см. [Schwarz 1927: 366 и сл.; Milewski 1966: 11; Stieber 1967: 14]). Как приблизительный момент во времени обычно называют VIII в., причем максимальным периодом совершения всего процесса считают сто лет. Правда, Лампрехт считает возможным говорить лишь о 50-ти годах ("... считаем, что смена сочетаний *tárt, tált* и т.д. совершилось во время его [Карла Великого. – III.-III] правления около 800 г., т.е. приблизительно в годах 750–825 или 775–850" [Lamprecht 1987: 66]).

Подобная относительно поздняя датировка метатезы плавных в славянском, по нашему мнению, маловероятна по ряду причин, а также недоказуема. Действительно, как уже подчеркивалось, метатеза плавных должна рассматриваться в тесной связи с обусловленной законом открытого слога монофтонгизацией дифтонгов, унаследованных от индоевропейского. В обоих случаях речь идет об устранении дифтонговых образований. Различие состояло лишь в том, что в случае дифтонгов с сонорным в качестве второго компонента слияние с предшествующим гласным по звуко-физиологическим причинам было невозможно, вследствие чего должна была последовать метатеза. А так как, однако, монофтонгизация праславянских дифтонгов, как это видно на примере ряда германских, прежде всего готских заимствований, завершилась уже в III в., метатеза также не может быть слишком отдалена по времени. Следует прибавить, что имена типа русск. *Лучеса* (< *Laukesa*) и белорусск. *Гуя* (балт. *Gauja*, приток Немана) уже однозначно содержат монофтонг *u* < *au*. Из этого допустимо заключить, что метатеза едва ли могла совершить позднее V в. н.э., и она, вероятно, протекала более или менее параллельно (с обусловленным тем же законом открытого слога) перемещением границ слогов в группах *-d'l-, -t'l- > -dl-, -tl-* и упрощением *dl, tl > l*, последовавшим затем в диалектах – предшественниках южновосточнославянского, которое, конечно, уже было также известно в славянских диалектах Греции. На тесную временную связь метатезы плавных с упрощением *dl, tl > l* не в последнюю очередь указывает широкое совпадение обеих линий изофонов (**alat, *arat > laT-, raT-* или *loT-, roT-* и *dl, tl > l*).

В качестве дальнейшего доказательства того, что метатеза плавных не могла завершиться до VIII в., обычно приводят тот факт, что в это время заселявшие Балканы славяне соответствующим образом изменяли встреченные ими романские (латинские) имена (ср. *Labin, Kraina, Kras, Skardin, Rab, Sredec, Srem, Cres* и др. < ром. *Carnia, Carsus, Scardona, Arbe, Serdica, Sirmium, Chreso*), так что, следовательно, метатеза в это время еще должна была действовать¹⁶. Но это не может служить доказательством истинности подобных предположений. Ибо сам факт, что метатеза плавных была еще актуальна в VIII/IX вв., а также еще и после этого (при этом прежде всего ссылаются на имя Карла Великого), ничего не сообщает о времени подлинного начала (*terminus "a quo"*) этого звукового процесса, который может лежать намного дальше и совершенно определенно лежал дальше. Кроме того, каждому, кто занимается вопросами языковой диахронии, должно быть ясно, что языковая инновация не может ограничиваться несколькими десятилетиями, а как правило занимает большой период времени, который обычно выходит за пределы одного века и разделяется на несколько этапов. Вначале наблюдается еще лишь в значительной мере спонтанно развивающееся фонетическое изменение, затем следует фонологизация или (при грамматических и лексических изменениях) грамматикализация или лексикализация; затем в языковой общности совершается социализация языковых инноваций. По этим причинам мы считаем не просто возможным, но и вероятным, что начало славянской метатезы плавных по времени лежит гораздо дальше,

¹⁶ Ср. "Шевелев (Shevelov) правильно датирует исчезновение групп *art-, alt-, tart, talt* (там, где дошло до этого исчезновения) рубежом VIII и IX вв." [Stieber 1967: 14]

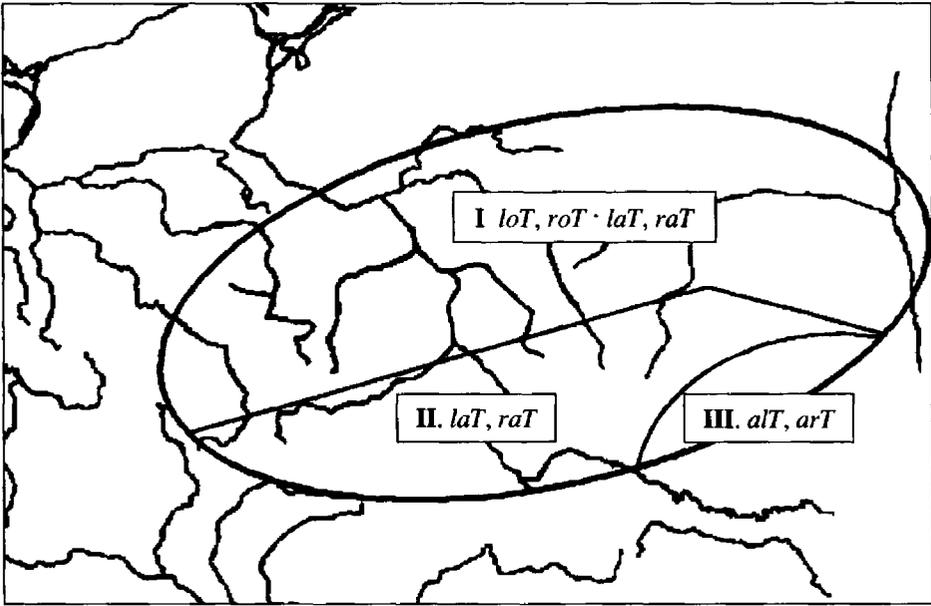

Рис 1 Метатеза плавных в анлаутных группах I. Северо-восточный ареал (loT, roT; laT, raT) II Южный ареал (laT, raT) III Юго-восточный архаичный ареал (alT, arT).

чем это обычно принималось до сих пор. Метатеза, по всей вероятности, началась еще на территории славянской прародине, во всяком случае в то время, когда вследствие внутреннего прироста населения и давления извне со стороны неродственных племен (готов, гепидов, гуннов, аваров) началось переселенческое движение. Можно указать на время до V в. н.э.¹⁷, когда, как показывает метатеза анлаутных групп *älT и *ärT, сначала произошло разделение праславянского на две части – на северо-западное и южно-восточное крыло. В это время, однако, уже имеются указания на архаичную периферию, которая затем в дальнейшем ходе процесса дифференциации выступит более отчетливо. Следует сослаться на уже разрозненно выступающие случаи без метатезы, ср. вышеприведенные примеры типа *A₁ degast, alkati, altica, arlā* (ср. рис. 1)

Второй этап славянской метатезы плавных, начавшийся с метатезы в инлаутных группах, показывает, что между тем процесс дезинтеграции продолжался и далее и (позднепра)славянская языковая область распалась на несколько ареалов, которые отличались один от другого. Теперь ясно обнаруживается противопоставленность "инновационного центра" – "архаичной периферии". Инновационный центр образуют

¹⁷ Ср в данной связи раздел "Różnice gwarowe w języku prasłowiańskim", написанный Т Лер-Сплавиньским в его (изданной совместно с З Клеменевичем и С Урбаньчиком), см [GNJP 1955 § 4, 26–32]. Лер-Сплавиньский указывает на аналогичную раннюю дату для славянской метатезы, а именно: время до II–III вв. н э Польский филолог З Штибер предполагает, что Лер-Сплавиньский якобы позже взял назад эту датировку, но нам об этом ничего не известно (ср. " . , gdy jeszcze wierzył w dawność przestawki i pełnogłosu" [Stieber 1967 14]) Кстати сказать, идентичную точку зрения относительно хронологического следования позднепраславянских звуковых процессов Т Лер-Сплавиньский высказал в работе, вышедшей в том же году, см [Lehr-Spławinśki 1955 112–121] К датировке, предложенной Лер-Сплавиньским, впоследствии присоединился и С Б Бернштейн 216 "Изменения данных дифтонгов это III–V вв н э" [Бернштейн 1961 216]

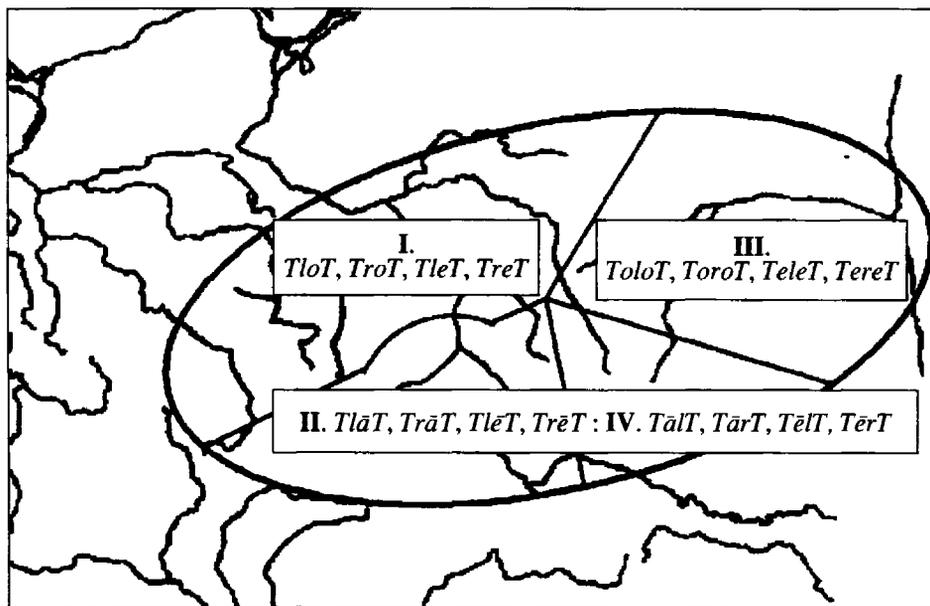

Рис. 2. Метатеза плавных в инлаутных группах: I. Простая метатеза (*TloT, TroT, TleT, TreT*). II. Метатеза с продлением гласных (*TlāT, TrāT, TlēT, TrēT*). III. Ограниченная метатеза/полногласие (*ToloT, ToroT, TeleT, TereT*). IV. Без метатезы, но с продлением гласного, как в II (*TālT, TārT*).

позднепраславянские диалекты – предшественники восточнолехитского (польского) и верхне- и нижнелужицкого с типом метатезы **TālāT, *TārāT > TālāT, TārāT > TloT, TroT*. К нему присоединяются части диалектов – предшественников южнославянского, в которых также представлена полная метатеза, но кроме того проведено еще и удлинение гласного **TālāT, *TārāT, *TēlāT, *TērāT > TālāT, TārāT, TālēT, TārēT > TlāT, TrāT, TlēT, TrēT*. К архаичной периферии, напротив, относятся те позднепраславянские диалекты, в которых метатеза не имела места или осуществилась лишь в ограниченной форме. Это относится к позднепраславянским диалектам – предшественникам полабско-поморянского и к частям диалектов – предшественников южно-славянского (болгарско-македонские и древнесловенские диалекты, славянские диалекты Греции), равно как и позднепраславянским диалектам – предшественникам восточнославянского **TālāT, *TārāT, *TēlāT, *TērāT > ToloT, ToroT, TeleT / ToloT, TereT*, ср. рис. 2.

Более тесные отношения существуют, однако, с одной стороны, между диалектами – предшественниками восточнославянского и диалектами – предшественниками полабско-поморянского, равно как частями южнославянского, для которых сверх того совместно характерна лабиализация *l* в сочетании **TelT* и проистекающее из этого совпадение **TēlT/*TālT* (после лабиального) *> ToloT* или *TlāT* (ср. русск. *молоко*, полабск. *mlāko < *mēlkā*) (ср.: [Lehr-Spławiński 1932: 345–361]).

Однако более тесное соседствующее отношение должно было иметь место также между ареалом *TalT, TarT, TlāT* и ареалом *Tlat, Trat*, как об этом в обоих случаях свидетельствует доказанное прогрессивное или регрессивное удлинение *ā > ā̄*. В этой связи бросается в глаза, что оба типа метатезы в более поздних ареалах отдельных языков явственно выступают рядом друг с другом. Следует, наконец, обратить внимание на значительную представленность типа *TloT, TroT* в полабско-поморянском, а также и в южнославянском. Постулируемая М. Фасмером и Г. Шварцем хронологическая разница между формами без метатезы, которые признаются старшими, и

формами с метатезой, признаваемыми младшими, не подтверждается наличествующим фактическим материалом. В целом перед нами случаи параллельного развития, которые в рамках позднеславянского протекали более или менее в одно и то же время. Проявив требуемую в данном случае осторожность, мы считаем возможным выше обсужденные типы позднеславянской метатезы плавных приписать следующим позднеславянским этническим образованиям: 1) в восточнолехитском/лужицком (славяне-венеты) – *TloT, TroT*, 2) в восточнославянском (анты) – *ToloT, ToroT* и 3) в южнославянском, полабско-поморянском (склавены) – *TalT, TarT* и *TlaT, TraT*.

Совершившееся с VI–VII вв. интенсивное распространение позднеславянского этноса в Среднюю и Северновосточную Европу и на Балканы привело к частичной перегруппировке позднеславянских племен и тем самым к частичному нахождению друг на друга соответствующих им диалектным ареалов. Это прежде всего затронуло старый ареал *TalT, TarT, TelT, TerT/TlaT, TraT, TleT, TreT*, который ныне распался, так как два племени переселились в различных направлениях, и раскололся на две отдаленных одна от другой области (Балканы : Мекленбург-Померания). Они в дальнейшем развивались независимо друг от друга, но некоторая часть общих черт у них сохранилась (ср. в данной связи: [Schuster-Šewc 1988: 4–19]). Наблюдаемое в этой связи сходство между южнославянским (сербо-хорватским), с одной стороны, и западнолехитским, с другой, некоторыми (сербскими по преимуществу) историками неправомерно принимается за аргумент, по которому славянские племена пришли на Балканы якобы с севера (Мекленбург, Померания) (ср.: [Novaković 1978; 1985]).

Закон открытого слога, связанный с повышением интенсивности звучности, продолжал действовать и после перехода славянских племен в новые районы расселения, но теперь он имел всего лишь функцию образца, которому следовали также и позднейшие заимствованные слова, как это демонстрируют бывшие романские топонимы на Балканах и имя *Карл* (Carolus Magnus). Ср. в этой связи н.-луж. *mroka* "граница, рубеж", чеш. стар. диал. *mráka* "часть пограничного леса в Богемском лесу, которая считалась наследственными охотничьими угодьями ходов и домажлициев" < средневерхненем. *marc(h)a* "пограничный рубеж" и южнорусск. топоним *Тъмоторокань* < тюрк. *Tamantarkan* (ныне *Тамань*)¹⁸.

Но теперь отмечается все больше случаев, в которых заданный образец уже больше не действовал, как это подтверждают церковные термины, в X в. проникшие в славянский, ср. церковнослав. алтарь "алтарь", чеш. *oltář*, польск. *ołtarz* "то же", в.-луж., н.-луж., *wołtar* "то же" или чеш. *almužna*, польск. *jałmożna* и в.-луж. (*j)almožina* "милостыня". Исключение – это, возможно, н.-луж. *wolomužna* "милостыня" < средневерхненем. *almosen*, которое представляет собой компромиссный вид между формами с метатезой и без нее (ср.: [Schuster-Šewc 1989: 297–322]).

Перевод с немецкого О.Н. Трубачева*
(доведенный до конца
Е.М. Верещагиным
и К.А. Максимовичем)

¹⁸ В данной связи интересно наблюдение, сделанное А.М. Селищевым (Славянское население Албании, с. 321, прим. 4): «Я беседовал об Албании с парнем в одной деревне Городецкого уезда Нижегород. губ. (в Салогозове). Парень представлял собою тип довольно косного человека. Его речь представляла архаические элементы говора этой деревни. Страну, о которой я говорил, он назвал сначала "Лабания", с гласным а в первом слоге, а затем ввел это слово в систему своего окающего говора "Лобания"».

* О.Н. Трубачев выполнял перевод статьи Х. Шустера-Шевца, находясь уже в больнице, его перевод оканчивается на с. 81 (пятый абзац) словами "... в существующем исследовании славянской метатезы плавных".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернштейн С Б* 1961 – Очерк сравнительной грамматики славянских языков М, 1961
- Зализняк А А* 1995 – Древненовгородский диалект М, 1995
- Мирчев К* 1963 – Историческа граматика на българския език София, 1963
- Шустер-Шевц Х* 2000 – К аблаутным отношениям в луж *słōnco* “солнце” и н-луж *słynco* / диал *slunco* то же, а также в луж *plōkac* “стирать (белье)” и н-луж *pałkas*, диал *połkas/pełkas* // Этимология 1997–1998 М, 2000
- CPh 1949 – Constantine Phorphrogenetus De administrando Imperio / Ed by Gy Moravcsik, R J H Jenkins Budapest, 1949
- Eklblom R* 1927 – Zur Entwicklung der Liquidverbindungen im Slawischen V I Uppsala, 1927
- Eklblom R* 1928 – Zur Entwicklung der Liquidverbindungen im Slawischen V II Uppsala, 1928
- Eichler E*, 6 г – Slawische Ortsnamen zwischen Saale und Neiße Ein Kompendium Bd I, 6 г
- Eichler E*, 1987 – Slawische Ortsnamen zwischen Saale und Neiße Ein Kompendium (K-M) Bautzen, 1987
- Fritze W H* 1990 – Zur Frage der sogenannten Liquidametathese in altpolabischen Eigennamen des 8 – 11 Jahrhunderts // Gedenkschrift für Reinhold Olesch / Hrsg von H Rothe, R Schmidt, D Stellmacher Köln, Wien, 1990
- GHJP 1955 – Grammatika historyczna języka polskiego Warszawa, 1955
- JNP 1996 – Język na pograniczach 16 Warszawa, 1996
- Lamprecht A* 1987 – Praslovanština Brno, 1987
- Lehr-Splawinski T* 1931 – O tzw przestawce płynnych w językach słowiańskich // Rocznik Slawistyczny X 1931 (Перепечатано Studia i szkice wybrane Warszawa, 1957)
- Lehr-Splawinski T* 1932 – O mieszanu prasłowiańskich połączeń *telt* z *tołt* w językach północno-słowiańskich // Prace Filologiczne 1932 XV № 2
- Lehr-Splawinski T* 1955 – Problem ugrupowania języków słowiańskich // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego XIV 1955
- Łowmiański H* 1963 – Początki Polski II 1963
- Malingoudis Ph* 1981 – Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands 1 Slavische Flurnamen aus der messenischen Mani Akademie der Wissenschaften und Literatur Mainz, Abt der Geistes- und Sozialwissenschaften Klasse, Jg 1981
- Majowa J* 1978 – Kaszuby i obszar dialektów sąsiednich jako tereny oddziaływania językowych bieguna zachodnio- i wschodniolechickiego (с карпой) // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej XVII 1978
- Mareš V F* 1956 – Die Entstehung des slavischen phonologischen Systems und seine Entwicklung bis zum Ende der Periode der slavischen Spracheinheit // Vznik slovanského fonologického systému a jeho vyvoj do konce období slovanské jazykové jednoty Slavia 25 1956
- Milewski T* 1933 – O zastępstwie ps grup *tárt, tält, tert, telt* w językach lechickich // Slavia Occidentalis 12 F, 1933
- Milewski T* 1966 – Zasięg terytorialny słowiańskiej przestawki płynnych // Rocznik Slawistyczny XXVI Cz I 1966
- Nitsch K* 1954 – Stosunki pokrewieństwa języków lechickich // Pisma Pomoroznawcze z 5 mapami Wrocław-Kerakow, 1954
- Novakovic R* 1978 – Odakle su Srbi došli na Balkansko poluostrovu? Beograd, 1978
- Novakovic R* 1985 – Bałtički Slovani us Beograda i Srbiji Beograd, 1985
- Peciar Št*, 6 г – Otazka metathese likvid a klasifikace slov jazyků // Časopis pro moderní 88 filologii, R XXV, 6 г
- Polanski K*, *Sehnert J A* 1967 – Polabian-English Dictionary Paris, 1967
- Popovic I* 1959 – Die Einwanderung der Slaven in das Ostromische Reich im Lichte der Sprachforschung // Zeitschrift für Slawistik IV 1959
- Rzetelska E*, *Duma J* 1996 – Językowa przeszłość Pomorza Zachodniego na podstawie nazw miejscowych // Język na pograniczach 16 Warszawa, 1996
- Schlumpert G* 1978 – Slawische Personennamen in mittelalterlichen Quellen zur deutschen Geschichte Berlin, 1978
- Schuster-Šewc H* 1978–1989 – Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprachen Bd I–IV Bautzen, 1978–1989
- Schuster-Šewc H* 1997 (2000) – Die Wirkung des Gesetzes der Silbenöffnung im Spätslawischen und seine Rolle bei der Herausbildung slavischer Makrodialekte // Zeitschrift für Slawistik 42 1997 (Перейздано Das Sorbische im slavischen Kontext Ausgewählte Studien Bautzen, 2000, на поль-

- ском языке Działanie prawa sylab otwartych w późnym okresie języka prasłowiańskiego i jego rola w ukształtowaniu się słowiańskich makrodialektów // *Prasłowiańszczyzna i jej rozpad* Warszawa, 1990
- Schuster-Šewc H* 1988 – Die spaturslawischen Grundlagen des Lechnischen mit besonderer Berücksichtigung des Polabischen und Pomoranischen // *Lětopis ISL A 35* 1988
- Schuster-Šewc H* 1989 – Der kirchliche Wortschatz des Sorbischen und sein Ursprung Ein Beitrag zur europäischen Sprach- und Kulturgeschichte // *Welt der Slaven*, Jg XXXIV, N F XIII München 1989
- Schwarz E* 1927 – Zur Chronologie der slavischen Liquidenumstellung in den deutsch-slawischen Berührungsgebieten // *Zeitschrift für slavische philologie* 1927 IV
- Shevelov G Y* 1964 – A prehistory of Slavic The historical phonology of Common Slavic Heidelberg, 1964
- Stieber Z* 1934 – Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich Krakow, 1934
- Stieber Z* 1967 – Nowe osiągnięcia gramatyki porównawczej języków słwianskich // *Rocznik Sławistyczny XXVIII Cz 1* 1967
- Torbiornsson T* 1901 – Die gemeinslavische Liquidemetathese Uppsala, 1901
- Trautmann R* 1941 – Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen Teil I Berlin, 1941
- Vasmer M* 1941 – Die Slaven in Griechenland // *Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften* Jg 1941

© 2003 г. А.К. МАТВЕЕВ

**К ЭТИМОЛОГИИ СУБСТРАТНЫХ ТОПОНИМОВ
С ОСНОВАМИ ТАМБ- И ТАМ-**

В статье о прибалтийско-финских субстратных топонимах на территории севера России М. Фасмер приводит название *Тамбич-Озеро* (недалеко от Водлозеро в Олонецкой губернии, ныне в Республике Карелия) и сопоставляет его с фин. *tammiko* 'дубняк', 'дубовый лесок', *tammien* 'дубовый', а также топонимом *Tammikonniemi* в районе Выборга [Vasmer 1934. 406], указывая при этом, что русское название точно соответствует реконструируемому фин. **Tammisjarvi*.

Этимология Фасмера не привлекла особого внимания. И сам знаменитый этимолог как будто бы не обращался снова к этому названию. Между тем оно по многим причинам интересно, а его этимология поучительна.

Интерпретация географических названий, обозначающих фитообъекты, обычно подтверждается достаточно высокой частотой употребления топоосновы в пределах установленного ареала, а в этом случае должна быть подкреплена и данными палеоботаники, поскольку дуб в настоящее время на территории Карелии не растет. Кроме того, необходимо убедиться в том, что выявленная основа не может быть истолкована каким-либо другим путем.

В "Каталоге озер и рек Карелии" засвидетельствованы два притока Заонежского залива Онежского озера с названием *Тамбица* [КОРК 2001. 274, №№ 1557, 1590], а также река *Жилая Тамбица* [КОРК 2001. 267, № 1602], приток реки Пяльма, также впадающей в Заонежский залив. В устье реки *Тамбица* (№ 1557) находится населенный пункт *Тамбицы*. В верховьях реки *Жилая Тамбица* имеются озера *Верхнее Тамбичозеро* [КОРК 2001: 241, № 1893] и *Нижнее Тамбичозеро* [КОРК 2001: 253, № 1894]. В XVI в эти смежные озера именовались *Тамбач-озерко* [ПКОП 1930 167], *Тамбеч-озеро* [ПКОП 1930: 174], *Тамбоч-озеро* [ПКОП 1930: 178], *Тамоч-озеро* [ПКОП 1930: 178] Здесь же расположен населенный пункт *Тамбичозеро*, который был указан в списках населенных мест Олонецкой губернии 1879 г. [Сп. Олон 1879: 183], использованном Фасмером в качестве одного из основных источников статьи. Ниже по реке *Жилая Тамбица* есть еще один населенный пункт *Тамбицы*. Таким образом, если исключить ойконимы, явно вторичные по происхождению, в Карелии выявлено пять географических объектов, названия которых содержат основу *тамб-* (три реки, два озера), и все они сосредоточены в Заонежье.

Аналогичные, однако более многочисленные и разнообразные факты находим и на Русском Севере (РС), но только в его западной части между Карелией и Сев. Двиной:

1 *Тамица*¹, река и населенный пункт. Восточный берег Онежской губы Белого моря (Онежский район Архангельской области). Здесь же озера *Большое Тамицкое* и *Малое Тамицкое* (реже – *Большое Таменское* и *Малое Таменское*), а также болото

¹ Все топонимы, которые приводятся без ссылки на источник, извлечены из картотеки Топонимической экспедиции Уральского государственного университета. Ударение в субстратных топонимах на первом слого

Тамицкие Мхи. В грамоте 1559 г река *Тамица* [АСМ 1988: 155, 159], но в 1627 г река *Танбица* [КБЧ 1950: 158].

2. *Тамбичозеро*, озеро в Плесецком районе Архангельской области на границе с Карелией. Из озера течет река *Тамбица*, впадающая в залив озера Кенозеро *Тамбичлахта*² у одноименной деревни Плесецкого района. Это озеро местные жители именуют также *Тамичозеро*, *Тамечозеро*, *Таметьюозеро*, реку – *Тамбича*, *Тамбич*, *Тамбичрека*, *Тамбичречка*, *Тамица*, *Тамиц*, *Тамича*, *Тамич*, *Тамец*, залив и деревню – *Тамичлахта*, *Тамицлахта*, *Тамечлахта*, *Тамицкая Лахта*, *Тамечкая Лахта*.

3. *Тамбица*, озеро, также *Тамбицкое*, *Таменьское*, исток речки *Тамбица* (*Танбица*) в бассейне реки Вожега (Вожегодский район Вологодской области).

4. *Тамбов*, ручей, приток реки Тинготомы, впадающей в озеро Воже (Вожегодский район Вологодской области).

5. *Таменьша*, также *Таменца*, речка в бассейне реки Моша (Няндомский район Архангельской области).

6. *Тамостров*, остров на реке Мехренга в Плесецком районе Архангельской области.

7. *Тамошка*, речка, болото, луг в бассейне реки Вага (Вельский район Архангельской области).

8. *Тамошка*, речка в бассейне реки Ухтюга (Вожегодский район Вологодской области). Здесь же луг *Тамошки*.

9. *Тамушка*, речка в бассейне реки Кокшеньга (Тарногский район Вологодской области). В грамоте 1682 г. река Тамашка [СГКЭ 1929: 764, 766, 783].

Сопоставление топонимов Карелии и РС свидетельствует о том, что основы *тамб-* и *там-* могут употребляться в одних и тех же топонимах, причем колебания такого рода отмечаются уже в документах XVI–XVII вв. Поскольку изменение *-м- > -мб-* для русского языка нехарактерно (о *мм- > мб-* см. ниже *дамба*), следует думать о переходе *мб > мм > м*, который имел место в русской речи. Он мог быть обусловлен ранним усвоением названий, на которое указывает русская морфологическая адаптация, характерная для всех топонимов с этими основами. В некоторых случаях они представляют собой полукальки: *Тамбичозеро*, *Тамостров*, а также *Тамбичлахта* ввиду очевидной ретросубституции, то есть использования ранее заимствованного географического термина *лахта* ‘залив’ (подробнее см. [Матвеев 2001: 121]). Однако чаще эти топонимы приобретают русские суффиксы *-ица*, *-ов*, *-ушка* и др., причем суффикс *-ица* сильно варьирует в связи с модификациями согласного *ц* (*ц’*, *ч’*, *т’*) и апокопой конечного гласного в сложениях типа *Тамбичозеро*, что в свою очередь способствует появлению усеченных форм типа *Тамиц*, *Тамич* и т.п. Определенное воздействие на появление таких форм мог оказать и распространенный в субстратной топонимии РС суффикс *-Vч* (см. о нем [Матвеев 2001: 247–148]). Кроме того, не исключено, что наименования на *-ошка*, *-ушка* могут быть связаны по происхождению с субстратными названиями на *-Vша*, к которым присоединялся русский суффикс *-ка*, а это вело к переосмыслению морфемного членения слова.

Из всего сказанного можно заключить, что русские воспринимали в одних случаях топонимы с основой *тамб-*, в других – с основой *там-*. Это предположение согласуется с результатами картографирования, которое показывает, что названия с основами *тамб-* и *там-* образуют четкий ареал, охватывающий территорию РС между Белым морем, Сев. Двиной и Сухоной, а также смежную с ней часть юго-восточной Карелии. Восточнее Сев. Двины и южнее Сухоны основы *тамб-* и *там-* не встречаются. В то же время примечательно, что топонимы с основой *тамб-* сосредоточены в западной части ареала (до бассейна Онеги включительно), а с основой *там-* – в восточной: в Карелии засвидетельствованы только названия с основой *тамб-* (еди-

² Слово *лахта* ‘залив’, в топонимии *Лакта-*, *-лахта*, заимствовано из прибалтийско-финских языков, ср фин. *lahti* ‘то же’ [Kalma 1919 151]

ничное *Тамоч-озеро* в [ПКОП 1930 178] может быть опиской), а в бассейне Онеги фиксируются наименования с основой *тамб-*, имеющие варианты с основой *там-*. Они образуют как бы переход к более восточным топонимам с основой *там-*. Можно предположить, что зона топонимов с колебанием основ *тамб-/там-* отражает русскую инновацию *тамб- > там-*, а зоны *тамб-* в Карелии и *там* между Онегой и Сев. Двиной – звуковую специфику двух разных субстратных языков или диалектов. Хотя выявленный ареал членился на три зоны, он образован топонимами с коррелятивными основами и с довольно высокой частотой употребления. Это может свидетельствовать о фитогеографическом характере основ и позволяет допустить, что они действительно имели в языке (языках) субстрата значение ‘дуб’.

Поскольку в настоящее время ни в Карелии, ни на РС дуб не растет, естественно возникает вопрос, произрастал ли он в этих краях в прошлом.

На юге Финляндии дуб обычен, и это отражено в топонимии, ср. *Tammilahti* ‘Дубовый залив’, *Tammimäki* ‘Дубовая гора’, *Tammisaari* ‘Дубовый остров’, *Tammisuo* ‘Дубовое болото’ и т. п. Неудивительно, что слово *tammi* финские ученые относят к типовым топонимообразующим основам [Nissila 1962 47]. В работах карельских топонимистов это слово не упоминается [Мамонтова 1982, Мамонтова, Муллонен 1991], хотя *tammi* ‘дуб’, *tammine* ‘дубовый’ еще фиксируются в карельских лексикографических источниках, например, в словаре ливвиковского диалекта [СКЯ 1990 375]. Карельский фольклор повествует о могучем дубе-великане, который ‘до небес дорос вершиной’ и ‘заслонил собою солнце’ [Леннрот 2001 26–30]. Встречаются любопытные факты и в русской топонимии Карелии, ср. название *Дубостров* в Зонежье. Подобные наименования засвидетельствованы и на РС, особенно в его южной части, ср. *Дубные Дубник, Дубинка, Дубиха, Дубенка, Дубня* и т. п. Казалось бы, такие топонимы могут указывать на бывшее произрастание дуба, но ввиду многозначности русского слова [СРНГ, 8 231–232] эти свидетельства ненадежны, ср. название болота *Дубовое* в Шенкурском районе Архангельской области с объясняющим контекстом ‘лес там здоровый был, хороший, как дуб’.

Наиболее интересны и показательны данные палеоботаники, в частности, палинологического анализа. По оценкам начала XX в. северная граница дуба проходила через южное побережье Финляндии, Выборг, южную часть Тихвинского уезда, юго-запад Вологодчины, север Ярославской и Костромской губерний, южнее Вятки к верхнему течению Уфы [Танфильев 1902 193]. Однако по данным пыльцевого анализа некогда дуб рос значительно севернее. В период среднего голоцена (2500–7700 лет тому назад) дуб наряду с елью, сосной, березой и такими широколиственными породами, как липа и вяз был распространен до широты Белого моря [Нейштадт 1957 302, 361], что соответствует северной границе ареала топонимов с основами *тамб-* и *там-*. При этом надо иметь в виду, что субстратная топонимия могла возникнуть и позднее – в I тысячелетии н. э., указывая на реликтовые скопления дуба.

Обратимся теперь к этимологии фин. *tammi* и его коррелятам в других финно-угорских языках. В новом этимологическом словаре финского языка находим следующие соответствия: фин. ижор., карел., люд., вод. *tammi* ‘дуб’, эст. *tamm* = эрз. *tumo*, мокш. *tuma*, мар. *tum, tumo*, ? удм. *t₁-p₁*, ? коми *tu pu* ‘дуб’ (удм. *p₁*, коми *pu* ‘дерево’) [SSA, 3 265]. В угорских языках соответствий фин. *tammi* нет. Венг. *tolgy* ‘дуб’ к финскому слову не имеет отношения и является, по-видимому, осетинским (аланским) заимствованием [Хайду 1985 156]. Самодийские параллели со значением ‘лиственница’ и ‘ель’ [Sebestyen 1943 26, Décsy 1965 214] из-за семантики крайне проблематичны. Поэтому фин. *tammi* считается словом финно-волжского или финно-пермского происхождения [Хакулинен 1955 9, Хайду 1985 156, Лыткин, Гуляев 1999 286, SSA, 3 265].

Основываясь на прибалтийско-финских, мордовских и марийских данных, восстанавливают финно-волжскую праформу **tomma* ‘дуб’ [Collinder 1960 155] или **tomai/*tama* [Keresztes 1986 171], что позволяет возводить топонимы с основой *там-* (из субстратного **tam-*) к этой праформе. Труднее объяснить происхождение топо-

нимов с основой *тамб-*, хотя их материальная и ареальная соотношенность с названиями, образованными от основы *там-*, достаточно очевидна

Дело в том, что при наличии консонантной группы *мб* в основе топонимов следует ожидать соответствующие рефлексы *тп* или *тв* во всех финских языках, кроме пермских, где произошла деназализация [Основы ФУЯ 1974 138] Фактически же в слове *tammi* и его коррелятах представлено *т* (в финском *тт*, в пермских – *θ*)

Интересны, однако, новые факты, выявленные Топонимической экспедицией Уральского университета в ходе работ на РС и свидетельствующие о том, что в соотношении *т* и *тв* в финно-угорском языковом континууме еще много неясного В русских говорах населенных пунктов по среднему течению Пинеги было многократно записано слово *сѣмба* со значением ‘веревка (тетива) в рыболовной сети’ Несомненно это слово связано с широко распространенным в других местах РС диалектным *сѣма* с той же семантикой, которое считается заимствованным из прибалтийско-финских языков, ср фин, *suta* ‘леска’, ‘веревка’ и др [Kalima 1919 218] Однако для варианта *сѣмба* найти рациональное объяснение на прибалтийско-финской почве невозможно, зато обращают на себя внимание саамские параллели с группой согласных *bm*, ср саам *duobmâ* при фин *tuomi* ‘черемуха’, *loabme* при фин *loma* ‘промежуток’ [Korhonen 1981 165–166] и *su'bmâ* при фин *suta* ‘леска’, ‘веревка’ [SSA, 3 176]

Это, разумеется, не дает оснований для уверенного вывода о том, что фин *tammi* > **tambi*, несмотря на наличие такой яркой топонимической параллели, как *Tammi lahti* в Финляндии и *Тамбичлахта* на РС (см выше о ретросубституции) Целесообразнее видеть в топонимах с основой *тамб* реликты какого-то другого финского языка, если учитывать ареал, возможно, саамского типа Поскольку в языке современных саамов соответствующего слова нет, это предположение развить трудно, хотя на РС ареал топонимов с основой *тамб-* в целом совпадает с зонами распространения таких типичных саамских основ, как *нюхч-* ‘лебедь’ и *челм-* ‘пролив’

Что касается названий с основой *там-*, то их ареал очень своеобразен и лингвистически не идентифицируется Можно только предположить, что эти топонимы восходят к одному из древних языков центральной части РС, по ареальным параметрам вряд ли прибалтийско-финскому Ясно, однако, что названия с основами *тамб-* и *там-* принадлежат родственным языкам, отражая разные этапы развития одного слова

Несмотря на охарактеризованные трудности, представляется, что с этимологией М Фасмера следует считаться, но надо иметь в виду “условность” большинства топонимических этимологий (см об этом [Матвеев 1965 10–14]) Поэтому закономерен вопрос, не может ли основа *тамб-* / *там-* иметь иное объяснение, то есть означать не ‘дуб’, а что-либо другое и притом топонимически важное

Действительно, наряду с *tammi*¹ (род *tammen*) ‘дуб’ в финском языке есть слово *tammi*² (род *tammen*) ‘плотина’, ‘дамба’, заимствованное из шведского *damm* ‘то же’ [SSA, 3 265] С семантической стороны это слово вполне топонимично, хотя в финском языке много коренных синонимов (*pato*, *sulku*, *toe*) *pato* считается финно-угорским словом [SSA, 2 324], *sulku* – финно-волжским [SSA, 3 211–212], а *toe* – прибалтийско-финским, заимствованным из балтийских языков [SSA, 3 301] На первый взгляд, нельзя исключить, что по крайней мере некоторые из названий с основой *тамб-* могут быть связаны с *tammi*², тем более что в русских говорах засвидетельствовано слово *тѣмба* ‘дамба’ (Вашкинский район Вологодской области и Макарьевский район Костромской области) Все же есть основания думать, что это не так 1) топонимы с основой *тамб-* характеризуются четким, но ограниченным ареалом, основа со значением ‘дамба’ скорее имела бы более широкую и разреженную зону распространения, 2) слово *tammi*² фиксируется в финской лексикографии лишь начиная со словаря Э Леннрота (1880 г) [SSA, 3 265], 3) *tammi*², кроме финского, засвидетельствовано только в карельском языке, в который оно проникло из финского и где считается новым словом [SSA, 3 265], 4) это слово заимствовано в

финский язык из современного шведского языка [SSA, 3: 265]; 5) некоторые названия с основой *тамб-* зафиксированы в XVI–XVII вв. (см. выше) и трудно допустить, что в их составе могут быть новошведские заимствования; 6) русск. *дамба* не могло повлиять на распространение топонимов с основой *тамб-*, так как русское слово, заимствованное из голландского *dam* или немецкого *Damm*, известно в форме *дам* лишь с начала XVIII в., а в форме *дамба* – с XIX в. [ЭСРЯ 1996, I: 484; Черных 1994: 231].

Если принять с некоторыми изменениями и дополнениями интерпретацию Фасмером топоосновы *тамб-*, целесообразно вспомнить и старую "финскую" этимологию русского слова *дуб*.

В конце XIX в. сразу несколько исследователей обратили внимание на фонетическую близость русск. *дуб* (праслав. **dǫbъ*) и фин. *tammi* 'дуб', допуская их связь [Diefenbach 1880: 225], отвергая ее [Mikkola 1894: 19] или, напротив, говоря о ней достаточно уверенно [Веске 1890: 268–271]. М.П. Веске сравнивает, в частности, ст.-слав. *дѣбъ*, русск. *дуб* с фин. *tammi*, эст. *tamm*, вод. *tammi*, ливв. *tamm*, эрз. *tumo*, мокш. *tuma*, мар. *tumo*, *tum*, удм. *туру-пу* и коми *dub*, которое, впрочем, попало в этот перечень ошибочно, так как является заимствованием из русского языка (фактически речь должна была идти о коми *туну* 'дуб'). Финскую основу *tamme-* Веске выводит из более ранних форм **tambe-* (**tampe-*) < **tomb-* (с учетом фин. *a* ~ слав. *o*), что и позволяло ему ввиду соответствия **tambe-* ~ праслав. **dǫbъ*³ усматривать в **dǫbъ* и *tammi* исторически общее слово.

В дальнейшем к этой этимологии обратились В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев, заметившие, что "было бы неразумным пренебрегать близостью слов **dǫbъ* < *dombo* и фин. *tammi* 'дуб', морд. *tumo*, *tuma* 'то же' и др. Праслав. **dombo-* могло быть заимствовано из прафин. диал. **tambe-* (> фин. *tamm-*") [Топоров, Трубачев 1962: 246]. Впоследствии, правда, эта версия не получила развития и отражена только в ссылке [ЭССЯ, 5: 97], поскольку авторы ЭССЯ присоединились с некоторыми оговорками к этимологии К.-О. Фалька, который связывал славянское название дуба с и.-е. **dheubh-* 'глубокий', 'углубление' [Фальк 1958].

Праславянскому **dǫbъ* 'дуб' посвящена обширная литература, но и в самых новых работах соответствующая этимологическая статья может начинаться не очень вдохновляюще (ср. "без достоверной этимологии и надежных индоевропейских соответствий" [Аникин 1998: 229]). Действительно, в славянской и шире – в индоевропейской – этимологической традиции закономерно утвердился взгляд, что в праславянском языке древнее название дуба заменено новообразованием (см. [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 2: 615]), но неоднократные попытки объяснить эти слова на индоевропейской почве пока не привели к убедительному решению (подробности см. [ЭСРЯ 1996, I: 547; ЭССЯ, 5: 96–97]). Наиболее перспективной в настоящее время считается идея о связи **dǫbъ* с и.-е. **dheubh-* 'глубокий', 'углубленный' с последующим семантическим развитием 'дупло', 'дерево с дуплом', а также 'низина' [Фальк 1958; ЭССЯ, 5: 97], при этом приводятся параллели из балтийских языков как с носовым инфиксом, так и без него [Аникин 1998: 230–231].

Целесообразность поисков в этом направлении несомненна. Тем не менее полагаем, что небесполезно иметь в виду и возможность сопоставления праслав. **dǫbъ* с данными финских языков, учитывая те новые факты, которые обнаружены при изучении топонимических источников. Трудности этимологического решения в рамках индоевропейских языков должны стимулировать поиск и в иных направлениях, предположительно рассматривая праслав. **dǫbъ* как результат конвергентного влияния неиндоевропейских языков, как древний субстратный реликт, который сохранился в финских и славянских языках. При этом нельзя не вспомнить мысли П. Аристе о доиндоевропейском языковом субстрате в финно-угорских, в частности, в прибалтийско-финских языках [Ariste 1971]. Но связь между **dǫbъ* и *тамб-* не может

³ Одно из объяснений *t > d* см. в [Топоров, Трубачев 1962: 246].

быть прямой: они имели разные пути развития, были усвоены на разных территориях и в разное время.

Давно выявленный "балтийский клин" отделял праславян от финнов, исключая возможность их прямых контактов, а следовательно, и заимствований. Немногочисленные лексемы, которые иногда рассматривались как заимствования из финских языков в праславянский и из праславянского в финские вызывали живые обсуждения, но ни в какой мере не поколебали этот тезис [Филин 1962: 131–132; Кипарский 1958: 128–129]. Однако при отсутствии надежных решений на собственно индоевропейской почве славяно-финские лексические корреляты, даже если они кажутся некорректными, должны изучаться с точки зрения европейской палеолингвистики. Речь идет прежде всего о словах, изолированных в рамках той или иной языковой группы, особенно лексике природы, как в данном случае, поскольку они привязаны к определенным территориям и могут восходить к древним субстратам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин А Е 1998 – Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Материалы для балто-славянского словаря. Вып. 1. Новосибирск, 1998.
- АСМ 1988 – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
- Веске М П 1890 – Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Т VIII Вып. 1. Казань, 1890
- Гамкрелидзе Т В, Иванов Вяч Вс 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы Т. 1–2 Тбилиси, 1984
- КБЧ 1950 – Книга Большому Чертежу М, Л, 1950.
- Кипарский В 1958 – О хронологии славяно-финских лексических отношений // Scando-Slavica, V. IV Copenhagen, 1958
- КОРК 2001 – Каталог озер и рек Карелии Петрозаводск, 2001.
- Леннрот Э 2001 – Калевала Петрозаводск, 2001.
- Лыткин В И, Гуляев Е С 1999 – Краткий этимологический словарь коми языка Сыктывкар, 1999
- Мамонтова Н Н 1982 – Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район) Петрозаводск, 1982
- Мамонтова Н Н, Муллонен И И 1991 – Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии Петрозаводск, 1991
- Матвеев А К 1965 – Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимии // ВЯ 1965 № 6
- Матвеев А К 2001 – Субстратная топонимия Русского Севера Часть I. Екатеринбург, 2001
- Нейштадт М И 1957 – История лесов и палеогеография СССР в Голоцене. М., 1957
- Основы ФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
- ПКОП 1930 – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930
- СГКЭ 1929 – Сборник грамот Коллегии Экономии Т. II Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольского, Мезенского и Важского уездов. Л., 1929.
- СКЯ 1990 – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) Петрозаводск, 1990
- СП Олон 1879 – Списки населенных мест Олонецкой губернии. СПб., 1879
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–
- Танфильев Г И 1902 – Полярные пределы дуба в России // Известия ботанического сада. Т. 2. Вып. 7. СПб., 1902
- Топоров В Н, Трубачев О Н 1962 – Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья М., 1962.
- Фальк К-О 1958 – Славянское название дуба // Scando-Slavica. V. IV Copenhagen, 1958
- Филин Ф П 1962 – Образование языка восточных славян М., Л., 1962.
- Хайду П 1985 – Уральские языки и народы М., 1985.
- Хакулинен Л 1955 – Развитие и структура финского языка. Часть II М., 1955
- Черных П Я 1994 – Историко-этимологический словарь современного русского языка Т. I М., 1994

- ЭСРЯ 1996 – М Фасмер Этимологический словарь русского языка Т I–IV М, 1996
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков Праславянский лексический фонд
Вып 1– М, 1974–
- Ariste P* 1971 – Die ältesten Substrate in den ostseefinnischen Sprachen // СФУ 1971 № 4
- Collinder B* 1960 – Comparative grammar of the Uralic languages Uppsala, 1960
- Décsy Gy* 1965 – Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft Wiesbaden, 1965
- Diefenbach L* 1880 – Volkerkunde Osteuropas, insbesondere der Haemoshalbinsel und der unteren Donaugebiete Bd 2 Darmstadt, 1880
- Kalima J* 1919 – Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen Helsinki, 1919 (MSFOu XLIV)
- Keresztes L* 1986 – Geschichte des mordwinischen Konsonantismus II Etymologisches Belegmaterial // Studia Uralo-Altaica 26 Szeged, 1986
- Korhonen M* 1981 – Johdatus lapin kielen historiaan // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 370 Helsinki, 1981
- Mikkola J J* 1894 – Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen I Slavische Lehnwörter in den westfinnischen Sprachen Helsingfors, 1894 (MSFOu VIII)
- Nissila V* 1962 – Soumalaista nimistöntutkimusta // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 272 Helsinki, 1962
- Sebestyén Iren N* 1943 – Fak és fas helyek régi nevei az uráli nyelvekben // Finnugor értekezések szerkeszté Zsrai Miklós № 7 Budapest 1943
- SSA – Suomen sanojen alkuperä Etymologinen sanakirja 1–3 Helsinki, 1992–2000
- Vasmer M* 1934 – Beiträge zur historischen Volkerkunde Osteuropas II Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern // SPAW Phil -hist Klasse Bd XVIII Berlin, 1934

© 2003 г. О. А. ТЕУШ

**ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ ФИННО-УГОРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ***

В середине 80-х годов XX века О Н Трубачев, анализируя состояние лингвистических исследований, отметил тенденцию к "резкой семантизации языкознания", в том числе этимологии (см [Трубачев 1985 15]) Семантический анализ уже давно является обязательной составляющей этимологического исследования, а в последние десятилетия входит в число приоритетов По классификации В Н Топорова, современная этимология переживает период, для которого характерна «преимущественная ориентация на семантику, на значение – смысл, на результаты, достигнутые в области диахронической и синхронической семасиологии и формулируемые в виде семантических "почти универсалий", фреквенталий и шире – типовых схем "смыслопроизводства" и более или менее индивидуальных решений в области семантических мотивировок тех или иных смысловых концептов» [Топоров 1994 126] На значимость учета регулярных семантических связей при этимологической интерпретации слов неоднократно указывали в своих работах О Н Трубачев [Трубачев 1964, 1976, 1980, 1988] и другие исследователи, осуществляющие составление "Этимологического словаря славянских языков" (см, например [Варбот 1986, 1992, Меркулова 1988, Петлева 1972, 1984]) Можно говорить о том, что этимологизация "от семантики" является в настоящий момент основой исследования слов исконного фонда

Для выяснения происхождения заимствованных слов русского языка ориентация на семантику еще не стала доминирующей этимология заимствований на шаг отстает от исследований исконной лексики и отталкивается прежде всего от фонетики (фонетические соответствия, фонетическое подобие), словообразования и изучения ареалов. Между тем усиление внимания к семантике заимствования и использование при этимологизации результатов семасиологии могут предоставить новые возможности как для верификации предлагающегося объяснения, так и для его нахождения.

Сказанное в полной мере относится к интерпретации финно-угорских заимствований в русском языке и, в частности, заимствованной географической терминологии Возможности этимологизирования "от фонетики", на основе прямого сравнения лексем русских говоров с данными возможных языков-источников или языков, родственных таковым (прибалтийско-финских, коми, марийского), в настоящий момент практически исчерпаны корпус лексем, имеющих объяснимые соответствия в фонетическом облике и тождество в семантике с финно-угорскими словами, в целом определен (см [Kalma 1919, 1927, Itkonen 1931, Матвеев 1959, 1964, 1973, 2001, Мызников 1994, Попов 1955, 1957, Сало 1966, Субботина 1984, Востриков 1980] и др) Возможно, некоторые этимологические решения могли бы возникнуть благодаря введению в научный оборот новых материалов по финно-угорским языкам, и, прежде всего, диалектных словарей Определенных успехов в этом направлении также еще можно добиться при интерпретации новых материалов по русским диалектам,

* Статья подготовлена при поддержке Минобразования России (грант PD02-3 17-5)

которые опубликованы недавно [НОС, СРГК] или только частично [АОС, СВГ, СГРС] и, следовательно, недостаточно исследованы.

В перечисленных источниках, прежде всего, обнаруживаются лексемы, которые дополняют представления о выявленных ранее географических терминах, заимствованных из финно-угорских языков. Так, Я. Калимой была интерпретирована как прибалтийско-финское (скорее всего, вепсское) заимствование лексема *nūdác* 'рукав реки, протока', 'речной залив' (< вепс. **pudas*, ср. фин. *pudas* 'залив', 'рукав реки') [Kalima 1919: 188]. А.Л. Шилов приводит как связанный с этим гидроним *Пудость* (приток Ижоры) [Шилов 1999: 81], что подтверждается отмеченным в НОС с той же финалькой *nūdostь* 'водный проток' [НОС 9: 57].

С ливв. *uurdo*, *uurdain* 'промоина', люд. *uurdam* 'топкая ложбина', вепс. *urdam* 'промоина', фин. *urtti* 'узкое глубокое русло в пороге', 'плохая дорога' [Мамонтова, Муллонен 1991: 98] связывается русское архангельское *урдега*, *удрега* 'пробитый во льду путь, канал для прохода лодок' (этимология Я. Калимы [Kalima 1919: 234]). Н.Н. Мамонтова и И.И. Муллонен полагают, что в это же гнездо могут входить вепсское *urtik* 'родник; топкое, вязкое место в лесу; яма с водой в лесу; вязкое дно' и заимствованное в русские говоры Карелии *уртак*, *утрак* 'углубление дна озера, яма' [Мамонтова, Муллонен 1991: 98], к которым можно добавить в топонимии Архангельской области название покоса *Уртаки* [ТК ТЭ]. Этот ряд может быть расширен благодаря фиксации в НОС термина *уртэн* 'глубокая яма, обрыв' [НОС 11: 96], фонетически сопоставимого с финскими и вепскими данными, а по финали, вероятно, отражающего взаимодействие с русским *вертён* 'водоворот в реке', 'неровное, с ямами место', не отмеченным в НОС, но зафиксированным в архангельских и вологодских говорах [ЛК ТЭ].

Новые материалы содержат также термины, выявлявшиеся ранее только в топонимическом употреблении. Отмеченное в СРГК слово *нога* 'речной залив' [СРГК 4: 603] сопоставимо с фин., карел. *pohja*, ливв. *pohju*, люд. *pohd'*, *pohj*, вепс. *pohd'*, *pohj*, *pohg* 'основание, дно; крайняя часть, конец' [SKES; 587–588; SSA II: 383]; с точки зрения семантики интересно ижор. *pohjukka* 'маленький залив' [SSA II: 383]. Запись этого апеллятива подтверждает интерпретацию форманта *-нога* в субстратной топонимии Русского Севера (см. [Матвеев 2001: 242–243]), и финали лексемы *күйнога* (*күйпага*, *күйпуга*, *күйпак*, *күйпака*, *күйкана*, *күйпока*) 'берег моря, обнаженный отливом', 'уровень воды между отливом и приливом', 'убыль воды во время морского отлива; время отлива' [СРНГ 16: 30; ЛК ТЭ], которая связывается с фин. *kuiva pohja* 'сухое дно' [Kalima 1919: 135] (ср. также карел. *kuivapohja* 'с сухим дном, с сухой почвой' [KKS II: 410]) подвергшимся стяжению. Название реки *Нева* связывается с фин. *Nevajoki* от *neva* 'болото' [Фасмер III: 54]. Эта топонимическая этимология подтверждается отмеченными в лексике новгородских говоров лексемами *нёвий* 'болотистый', *нёвья* 'моховое болото' [НОС 6: 33, 35], которые безусловно связаны с карел. *neva* 'водоем', ливв. *neva* 'водоем, река', 'топь, трящина', фин. *neva* 'открытое, обычно безлесное болото', 'топкое болото', 'болотистый луг' [SSA II: 215]. Термин встречается также в топонимии Архангельской области: пожня *Нёвы* (Лешуконский район). Таким образом, география бывшего распространения слова охватывает весь Европейский Север России.

Введение в научный оборот новых материалов по русским диалектам позволяет выявить некоторое количество не интерпретировавшихся ранее географических терминов (как правило, имеющих очень ограниченное распространение), находящихся в прямом соответствии в финно-угорских языках. Лексема *ляхта* 'сырое место', записанная в Красноборском районе Архангельской области [ЛК ТЭ], может быть сопоставлена с карел. *lähte*, люд. *lähte*, *lähte*, вепс. *lähte*, *lähte*, *lähtä* 'источник, ключ, родник' [Мамонтова, Муллонен 1991: 57] при учете перехода 'ключ' > 'место, где бьют ключи' > 'сырое место'. Прибалтийско-финское происхождение имеет также термин *летьяга*, *летьэга* 'лужа', 'топкое место, топь' [ЛК ТЭ; СРГК 3: 119]: зафиксированное в небольшом ареале (Белозерский район Архангельской области, Кондопожский и Медвежьегорский районы Карелии) это слово находит прямое соответст-

вие в карел. *lätäkko*, *lät'äkkö*, ливв. *lätäkko*, *lätikkö*, люд. *lätäk(ö)*, *lät'äkkö*, вепс. *lar'ak*, *lätäk*, *lät'ik*, *ler'ak*, *lät'ik* 'лужа; (небольшой) водоем' [Мамонтова, Муллонен 1991: 58].

С некоторыми комментариями в фонетике и семантике может быть проинтерпретирован в качестве прибалтийско-финский термин *мэ́льма* 'песчаный намывной остров (или отмель) на реке' (Холмогорский район Архангельской области), имеющий вариант *кэ́льма* (Плесецкий район Архангельской области). Фонетически наиболее близким является фин. диалектное *tölmä* 'высокий берег реки; береговой обрыв, круча; гора, пригорок' склон, косогор', которое представляет собой вариант фин. *törmä*, *termä* и родственно карел., ливв. *termä*, *t'ermä* 'то же', саам. *terbme* 'крутой пригорок, береговой обрыв', *tier^hB mie*, *tier^hme*, *termi* 'холм, гора на дороге', *tier^hrm* 'небольшая гора, горка', *te^hrm* 'крутая гора', *t'err^hm* 'каменистый склон к озеру' [SSA 3: 363; Мамонтова, Муллонен 1991: 94–95]. Семантически сопоставление оправдано: переход 'гора, горка' > 'остров, мель на реке' известен. Если предложенная этимология верна, то вариант *кэ́льма* представляет собой продукт дальнейшей фонетической трансформации, явившейся результатом мены *m'/k*' в начале слова, известной в севернорусских диалектах¹.

Приведенные примеры демонстрируют случаи редкой в современной этимологии финно-угорских заимствований возможности интерпретации слов путем прямого сопоставления, между тем количество лексем, не нашедших пока убедительного объяснения, очень велико. Ощущающаяся необходимость поиска иных подходов к этимологии заимствований может быть реализована в широком внедрении приемов семантического анализа, уже опробованных при интерпретации исконной лексики. Безусловно, говорить о том, что этимологизация финно-угорских заимствований "от семантики" не производилась, нельзя; А.К. Матвеевым была предложена и опробована процедура семантического моделирования при интерпретации субстратных топонимов [Матвеев 1967; 1976]; тот же автор использовал метод этимологизации с опорой на семантические универсалии при исследовании апеллятивов, таких как *зырянин* [Матвеев 1984], *чильма* 'глубокая яма на болоте' [Матвеев 1978], *челпан* 'холм, бугор' [Матвеев 1975] и др. Вместе с тем приоритетной при этимологии заимствований из финно-угорских языков ориентация на семантику еще не стала.

В этимологии подход "от семантики" так или иначе сводится к семантической реконструкции. Если при интерпретации исконного слова реконструкция ведется, как правило, в рамках лексики одного языка или родственных языков, то при этимологии заимствований, а особенно субстратных включений, в процедуре задействуется несколько сфер: семантика языка-реципиента, семантика языков, привлеченных для сопоставления, предполагаемая семантика языка-субстрата. При анализе всех трех сфер возникает три уровня допущений, что в значительной степени снижает надежность семантической реконструкции. Возможно, именно поэтому семантический анализ, продуктивность которого доказана при этимологизации исконной лексики, столь мало используется при интерпретации финно-угорских заимствований.

Не ставя перед собой задачи охарактеризовать все возможности семантического подхода при этимологизации лексем, заимствованных из финно-угорских языков, рассмотрим несколько севернорусских географических терминов, для выяснения происхождения которых решающим или верифицирующим является анализ семантики.

Долгое время одним из самых загадочных географических терминов в говорах Русского Севера являлось слово *ра́да* 'низкое, сырое, заболоченное место, поросшее кустарником и/или мелким лесом', 'труднопроходимая лесная чаща на сыром месте' [ЛК ТЭ; СРНГ 33: 245]. И.Я. Калима и М. Фасмер причисляли его к заимствованиям неясного происхождения [Kalima 1919: 209; Фасмер III: 429]. Все последующие попытки выяснения происхождения термина не дали убедительных результатов: сопо-

¹ При частоте первичного варианта с начальным *к'*, переход с обратным направлением *m' > k'* также встречается, см. подробнее [Рут 1981: 67].

ставление с карел. *reäädä*, фин. *räättä*, род. пад. *räädän* ‘смешанный лес из ели и сосны’, невозможное с точки зрения Я. Калимы, но поддержанное впоследствии В.И. Лыткиным, Е.С. Гуляевым [КЭСК: 239] и А.Е. Аникиным [Аникин 2000: 462] проблематично прежде всего в фонетическом отношении; связь с фин. *raate* ‘вахта трехлистная, трифоль’ [Михайлова 1986: 82–83] сомнительна семантически; происхождение из фин. *raita*, карел. *raid* ‘выгон, пастбище’ [Ивашко 1958: 89] необъяснимо как с точки зрения фонетики, так и семантики. Ключом к интерпретации слова может являться предположение о том, что слово заимствовано из вымершего финно-угорского языка, в котором существовала лексема, имевшая не только объяснимые фонетические отличия от слов современных языков, но и иную семантику. Анализ семантических моделей, порождающих значение ‘низкое, сырое, заболоченное место, поросшее кустарником и/или мелким лесом’, показывает, что в качестве источника во многих случаях выступает первичное ‘грязь, ил, слякоть’, ср., например, фин. *rara* ‘гуща, густой осадок’, ‘грязь, слякоть’, ‘ил, тина, болотный ил’, ливв. *rara, raba* ‘то же’, люд., вепс. *raba* ‘гуща, густой осадок’ [SKES: 735] > фин. *rara* ‘водянистая болотистая земля’, *rapakko, ropakko, rapeikko* ‘лужа, болотистое место’, карел., ливв. *rapakko, ropakko* ‘грязное место, лужа’ [SKES: 735] > русск. *panaga* ‘труднопроходимое заболоченное место, поросшее мелким лесом, кустарником’ [ЛК ТЭ]; фин. *loka* ‘грязь, слякоть’, ливв. *loga* ‘грязь, слякоть, мокрота’, люд. *loga* ‘слизь, сопля’ > вепс. *loga* ‘небольшая долина в глухом дремучем лесу’, ‘ложбина, овраг, низина’, ‘сырое болотистое место’, карел. *loka, loga* ‘(обычно низкий, сырой) покос’, ‘грязь, лужа’ [SKES: 301; SSA II: 89] и др. Источником русск. *рада* также могла быть лексема с исходным значением ‘грязь, ил, слякоть’, и эта смоделированная лексема действительно существует: карел. ливв. *redu* ‘грязь, слякоть’, люд. *redu* ‘грязь’, вепс. *redu, fedu* ‘грязь, ил’ [SKES: 773], ср. также ижор. *retu* ‘грязь, слякоть’ [SSA III: 68]². Если это построение верно, то в фонетике слова мы имеем дело с соответствием прибалтийско-финского *e* русскому *a*, которое было выявлено А.К. Матвеевым [Матвеев 1968: 121–126].

Анализ семантических моделей может не только выводить на этимологию заимствования, но и способствовать выбору одного из различных фонетически возможных сопоставлений. Для записанного в Шенкурском районе Архангельской области термина *лэндук* ‘полоса поля, клин’ [ЛК ТЭ] находятся различные объяснения. Во-первых, может быть обнаружена связь с фин., ижор., карел. *lanttu* ‘брюква’ [SSA II: 46]. В этом случае в финали следует предполагать собирательный суффикс *-kko* и исходную семантику ‘часть поля, засаженная брюквой, брюквиче’. Здесь возникает два возражения: суффикс *-kko* не отмечен в прибалтийско-финских языках в лексемах, номинирующих поля по видам высаживаемых культур; в русском языке термины полеводства, образованные от названий растений (*овсище, ржище, гороховище* и др.) не развивают нейтрального значения ‘часть поля’. Во-вторых, для интерпретации рассматриваемого полеводческого слова могут быть привлечены фонетически близкие географические термины финно-угорских языков: карел. *lantto* ‘низина, ложбина’, ‘низменный, низкий’, фин. *lanto* ‘низкое сырое место’, *lantto* ‘ложбина, лужа’, мар. *landaka* ‘небольшая низина, ложбина; низкое место в лесу’ [SSA II: 45]. При безупречности фонетической стороны этимологии, есть семантическое несоответствие: полеводческие термины, образованные от географических, обычно сохраняют в качестве компонента исходную семантику, и в данном случае следовало бы ожидать значение ‘часть поля, находящаяся в низине’. Наиболее реальной представляется третья версия: источником заимствования для русского *лэндук* могла являться лексема исчезнувшего финно-угорского языка, родственная мар. *лондык* ‘пласт, слой’ (в других формах: *лончо, лончык, ланзы* ‘слой, отложение’) [МРС: 295, 280].

² Семантическое и фонетическое обоснование этимологии лексемы *рада* зсм. подробнее в [Теуш 2002].

Семантически сопоставление обоснованно: в качестве параллели образования по модели 'пласт' > 'часть поля' можно привести русск. диалектное *пласт, пластына* 'часть поля; земельный участок', широко распространенное в севернорусских говорах [ЛК ТЭ; СВГ 7: 63; СРГК 4: 532–533].

Исследование универсальных и собственно русских семантических моделей в применении к интерпретации заимствованных слов позволяет решить проблему ложных омонимов-заимствований и связать воедино кажущиеся семантически разнородными факты. К примеру, зафиксированное в Холмогорском районе Архангельской области *várda* 'место впадения одной реки в другую' [ЛК ТЭ] не следует отделять от более распространенного архангельского *várda* 'дранка, прут, вица, используемые при плетении чего-либо (корзин, ловушек на рыбу и др.)' [ЛК ТЭ]. Последнее, по этимологии А.К. Матвеева, связано с фин. *varras*, люд. *vardaz*, эст. *varras* 'жердь, жердочка, колышек, палочка, вертел' [Матвеев 1997: 131]. Перечисленные лексемы производны от фин., карел. *varsi*, люд. *varž*, вепс. *varž*, эст. *vars* 'стебель', 'рукоятка, черенок'; в финском языке отмечено производное значение *varsi* 'край, кромка, обочина (реки, дороги и т.п.)' [SSA III: 412], ср. ливв. *varzi* 'край, место вдоль чего-л.' [СКЯ: 41]. Связь значений 'дранка, прут, вица', 'стебель' и 'место впадения одной реки в другую' укладывается в известную как русскому, так и финно-угорским языкам модель 'ветвь растения' > 'приток реки, ответвление дороги'. Этот семантический переход отмечен и в семантике других финно-угорских заимствований, ср.: русск. *сóra* (*сóрка*) 'развилка древесного ствола, ветки', *сóra* (*сóрка, сóрочка*) 'развилка дороги', *сóra* (*сóрица, сóрка, сóры*) 'место слияния рек' [ЛК ТЭ] ~ фин. *saara*, карел. *šoara, šuara*, ливв. *šoaru, šuaru*, люд. *suar*, вепс. *sar* 'разветвление, ветвь', саам. *sidrr^e, suor^e, sūr^e* 'ветвь, развилка', 'ответвление реки' [Матвеев 2001: 277]; русск. *вóжка* (*вóженька*) 'тропинка' [ЛК ТЭ] < коми *вож* 'ответвление, отросток, отпрыск, побег', 'развилка, развилка, приток', *вожка* 'развилка, рогулина, рогуля' [КРС: 116], ср. *туй вож* 'перекресток, развилка (дороги), распутье', 'ответвление дороги, ветка', где *туй* 'дорога, путь' [КРС: 693].

В качестве примера интерпретации ложных омонимов могут быть также рассмотрены два севернорусских полеводческих термина, имеющих в конечном итоге финно-угорские истоки. В СРГК лексемы *кавіна* 'участок для покоса' и *кавіна* 'кол, жердь или бревно, вбитые в землю' подаются как омонимы [СРГК 2: 309]. Последнее образовано от *кава* 'то же', восходящего к вепс. *kavi*, карел. *kuavi* 'кол, шест' [Фасмер II: 147, 152]. Связь между этой лексемой и *кавіна* 'участок для покоса' опосредована промежуточным *кава* 'кол, служащий границей участка' [СРГК 2: 308; СРНГ 12: 288]. Логика развития значений соответствует русскому *кол* 'палка, жердь определенной длины, употребляемая для измерения земельных участков (при разделе земли)' > 'земельная мера (при разделе пахотной земли, сенокосных угодий и т.д.)' > 'земельный надел; определенное количество пахотной земли, луга, покоса' [СРНГ 14: 109]; ср. также *пáлка* 'мера земли' [СРГК 4: 381]. Полеводческий термин *сябра́* 'общий сенокосный участок, на котором работают коллективно', записанный в Вытегорском районе Вологодской области [ЛК ТЭ] должен рассматриваться как производный от *сябра́* 'община', 'коллективный труд, общее дело' (< вепс. *šeb-(šebra-)* 'коллективная работа' [Kalima 1919: 214–215], ср. в современных источниках: вепс. *sebr* 'сообщество, артель; работа сообща', *sebrñit* 'совместная пожня', *sebrpalo* 'совместная пожога' [СВЯ: 502]). Прямая семантическая параллель в русском языке обнаруживается в архангельском *обчинá* 'участок земли, которым пользуются сообществом лиц, иногда целая деревня или несколько деревень' [Куликовский 1898: 69], производном от *общий* 'совместный, коллективный, групповой'.

Наряду с выявлением ложных омонимов, скрупулезный анализ семантики заимствования позволяет выявить и случаи ложной многозначности, исторически представляющие собой этимологическую омонимию. Слово *сельга́* подано в словаре В.И. Даля в отдельной статье со значениями 'лес', 'посека, рбсчисть, огнище, чищоба, кулига' и имеет помету 'олонецкое' [Даль IV: 172]. Указывается также, что лек-

сема встречается в названиях селений. Эта информация достаточно скудна и не дает возможностей для развернутой интерпретации. Расширяет представления о слове Г. Куликовский, который в одной словарной статье приводит те же значения, но пытается объяснить и связь между ними: "*сэльга* – продолговатая возвышенность, поросшая лесом; в Олонецкой губернии, стране озер и болот, такие возвышенности играли большую роль, на них селился олончанин и поселки свои именовал, прибавляя к тому или другому слову, характеризующему поселок с какой-либо стороны, слово *сэльга*... Немало селений, которые зовутся просто *сельгой*; на таких возвышенностях приходилось делать подсеки, почему название *сэльга* иногда обозначает место, расчищенное ради посева хлеба" [Куликовский 1898: 106]. Я. Калима, этимологизируя лексему, возвел ее во всех значениях к фин. *selkä*, карел. *selgü* 'спина, кряж' [Kalima 1919: 215], с чем согласился и М. Фасмер [Фасмер III: 597]. Эту этимологию поддерживают все современные исследователи финно-угорских заимствований в русском языке, однако в нее стоит внести коррективы. Значения 'лес' и 'продолговатая возвышенность, поросшая лесом' достаточно хорошо объясняются из финских и карельских данных, а вот переход 'возвышенность' > 'подсека' выглядит менее обоснованно: номинации подсеки в большинстве случаев отражают действия, связанные с ее разработкой либо качества подсеки по ее использованию в сельскохозяйственном обороте (см. подробнее анализ мотивационных моделей в [Смирнова 2001: 12–69]). Заложено В.И. Далем и Г. Куликовским рассмотрение слова *сэльга* (*сельгá*) как многозначной, но единой лексемы, не позволило этимологам обратить внимание на вепс. *sel'g'it'ez* 'росчисть (расчищенное место в лесу для пожни)', *sel'g'itada* 'чистить, очищать' [СВЯ: 504–505], к которому следует возвести русское *сэльга* (*сельгá*) 'посека, росчисть, огнище, чищоба, кулига'. С точки зрения образования, та же модель воплощена в русских диалектных *чисть*, *чйща*, *чйстеница*, *чйщенйна*, *чйщенница* и др. 'участок, расчищенный в лесу под поле, покос; подсека' [ЛК ТЭ]. Контаминация двух различных источников русского *сэльга* (*сельгá*), возможно, произошла уже в момент заимствования: различные слова, близкие по звучанию, были восприняты в русском языке как одно.

В ряде случаев только анализ семантики позволяет предпочесть версию об исконном или заимствованном характере русского слова. Записанное в Верхнетоемском и Пинежском районах Архангельской области слово *хáлья* 'бугор, возвышенность', 'островок на болоте', 'массив строевого леса', имеющее редко фиксируемые значения 'пустое, лишенное растительности место', 'пожарище' [ЛК ТЭ], может быть отнесено к дериватам праслав. **chal-/chol-* с исходным глагольным значением 'чистить', 'стричь, резать' [ЭССЯ 8: 61]. Однако все основные значения слова содержат компонент 'высокий, возвышенный', что не вписывается в семантику праславянского корня. Для этой локально зафиксированной лексемы следует предпочесть сравнение с семантически тождественными карел. *harja*, *harju* 'вершина, гребень (горы); холм, гора; песчаная отмель', ливв. *harju* 'возвышение, верхушка чего-либо (напр., горы, борозды)', фин. *harja* 'вершина, гребень горы', *harju* 'песчаная отмель, низкий горный кряж' [Мамонтова, Муллонен 1991: 27]. В прибалтийско-финских языках термин метафоричен: он произведен от карел. *harja*, ливв. *harju*, вепс. *harj*, фин. *harja* 'грива (лошади)', 'щетина (свиньи)', 'гребень (петуха)' и т.п. [SKES: 58]. Эта метафора является семантической универсалией и известна также славянским (*грива*, *гребень*) и другим языкам (см., например [Невская 1977: 163–164]). Переход *r > л* в лексеме *хáлья* мог произойти еще на почве языка-субстрата, ср. колебание *r/l* в фин. *patero/patelo*, *kukkula/kukkura* [Мамонтова, Муллонен 1991: 45], либо на русской почве, ср. *ня'лега/ня'рега* 'ряска на поверхности воды'; другие примеры см. также в [Мызников 2000: 89–91].

Структура лексемы *пáдера* 'трясина', 'река с вязким дном', 'низина, промытая дождевой водой' (Халтуринский район Кировской области) [ЛК ТЭ] может быть проинтерпретирована на русской почве: архаичная приставка *па-* и корень *-дер-* 'драть'. Этой версии противоречит, однако, то, что многочисленные дериваты пра-

славянского **derti*, **dbrati*, имеющие географическое значение, тяготеют к наименованиям сельскохозяйственных угодий (подсек) или лесной чащи, зарослей и никогда не обозначают низких, вязких, сырых мест (см. [ЭССЯ 4: 206–214; 5: 216–227]). Возможно, источником рассматриваемого слова послужила лексема финно-угорского языка, сопоставимая с карел. *patero*, *padura* ‘небольшое углубление, яма’, фин. *patero*, *potero* ‘небольшое круглое углубление или яма (например, в глине, камнях, скале)’, *patelo* ‘небольшая низина’ [SKES: 502], по крайней мере, близость фонетики и семантики русского и прибалтийско-финских слов очевидна. В пользу сопоставления с финно-угорскими данными записанная в Вельском районе Архангельской области лексема *pátrovina* ‘сырое, болотистое место’, которая может иметь близкий источник.

При контаминации исконной и заимствованной лексемы определение истоков того или иного значения встречает наибольшие трудности и здесь определенную роль может сыграть семантическая типология. Н.В. Галинова не без оснований считает лексему *ку́лѣга* дериватом праслав. **kul-* ‘гнуть’ и убедительно показывает, что большинство таких значений, как ‘крутой изгиб, поворот реки’, ‘участок луга, поля, покоса’, ‘рукав реки, пожни, покоса’, связаны с исходной семантикой “гнутья” [Галинова 1998: 68–71]. Вместе с тем еще Я. Калимой была отмечена связь значения *ку́лѣга* ‘деревня’, ‘куст деревень’ с фин. *kylä* ‘деревня’, карел. *külä*, вепс. *k’ül’ä*, *k’ülä* ‘чужая деревня’ [Kalima 1919: 141]. В семантике слова *ку́лѣга* есть еще одно значение, не привлекавшее пока особого внимания исследователей, но заслуживающее объяснений: ‘участок из-под леса, расчищенный под пашню’ [СРНГ 16: 60–61; ЛК ТЭ].

Как уже говорилось выше, номинации подсек очень редко обнаруживают производность от географических терминов, поэтому выведение указанного значения непосредственно из ‘участок луга, поля, покоса’, ‘рукав реки, пожни, покоса’ видится недостаточно обоснованным. На наш взгляд, на семантику слова *ку́лѣга* в ее земледельческих значениях, самым распространенным из которых является ‘место в лесу, расчищенное под пашню’, а также на возникновение слов *ку́ла* ‘невыкошенный участок’ [ЛК ТЭ], *ку́лѣба* ‘старый участок’, *ку́лѣца* ‘непригодный лес’ [СРНГ 16: 60, 68] оказали влияние фин. *kulo* ‘пал, пожар’ [SSA I: 431], *kulonüitty* ‘каждый второй год скашиваемый луг’ (< *kulo* ‘прошлогодня сухая (нескошенная) трава’, *niitty* ‘луг’ [SKES: 234]; фин. *kulumaa* ‘овсяное поле; низина; дважды и трижды возделанная заросшая подсека (напоследок на ней засеивается овес)’, карел. *kulumua* ‘пустошь, залежь, негодная к обработке земля’, ‘старопахотная земля; истощенная земля’, *ку́лѣтѣ* ‘пал, пожар, который уже был сначала засеян рожью, засеянный овсом’, вепс. *ку́лѣта* ‘поле’ (< фин., карел., вепс. *kulu* ‘старый, изношенный, подержанный’, фин. *maa*, карел. *тѣа*, *тѣо*, вепс. *та* ‘земля’) [SKES: 235]. Интерпретация связи *ку́лѣга* ‘участок из-под леса, расчищенный под пашню’ с фин., карел., вепс. *kulu* ‘старый, изношенный, подержанный’ поддерживается аналогичными по внутренней форме лексемами русских говоров: *старинá* ‘паханная и перепаханная земля’ [Даль IV: 316], *старинá*, *ста́рица* ‘запущенная, не используемая под пашню земля’ [НОС 10: 149], *вѣтошь* ‘подсека, вспаханная не в первый год, а после годового отдыха’, ‘выпашь, вспаханная земля, требующая навоза или отдыха’, ‘заброшенная земля’, ‘запущенное поле’, ‘заброшенная подсека’ [СРНГ 4: 149], *вѣтошь* ‘поле, засеваемое не первый год’ [СРГК 1: 187], ‘пахотная земля, утратившая плодородие от длительного использования’, *ветчá* ‘необработанный участок поля’ [СРНГ 4: 149].

В пользу предложенного сопоставления, возможно, также то, что фин., карел., вепс. *kulu* ‘старый, изношенный, подержанный’ родственен еще один термин – фин. *kulo* ‘прошлогодня сухая (нескошенная) трава’, карел. *kulo*, *kulu* ‘засохшая прошлогодня трава’, *kulohein* ‘с прошлого года оставшаяся незаготовленной трава’, вепс. *kulo* ‘прошлогодня трава’ [SKES: 234–235; SSA I: 431]³(> русск. *ку́ла*, *ку́лага*, *ку́лб-*

³ По мнению Я. Саарикиви, *kulo* и *kulu* могут быть связаны как архаичная и новая форма [устное сообщение].

га, ку́лига, ку́лач, ку́лача, ку́лоча, ку́лочь, ку́лоха, ку́ля, ста́рая ку́ла, ста́рая ку́лача 'прошлогодняя, сухая, оставшаяся нескошенной трава' [ЛК ТЭ, СРНГ 16 50–53, СРГК 3 55–56]) [Kalita 1919 140] Дериваты русских прилагательных *старый* и *ветхий* реализуют то же самое значение (*старина́ старица ста́рь, старье, ве́тошь, ветошь, ве́тоша, ветоша, ветча́, ве́тшиа́, ветшиа, ста́рая ве́тошь, ста́рая ве́тошь ста́рая ве́тоха* [ЛК ТЭ, СРНГ 4 198, НОС 1 120; СРГК 1 187]) Типология строения и семантического наполнения деривационных гнезд с исходным значением 'старый, ветхий' в русском и прибалтийско-финских языках при бесспорном отражении прибалтийско-финского слова в русском *ку́ла* 'прошлогодняя, сухая, оставшаяся нескошенной трава' позволяет предполагать возможность заимствования в русский язык и земледельческой лексемы, которая претерпела формальную контаминацию с исконно русским *ку́лига*, сохранив значение термина подсечного земледелия, существовавшее в языке-источнике

Безусловно, интерпретации рассмотренных выше лексем представляют собой частные случаи использования приемов семантического анализа в этимологии заимствований Однако уже эти немногочисленные факты демонстрируют продуктивность подхода "от семантики" к анализу происхождения заимствованных слов Представляется, что наиболее ощутимых результатов можно будет добиться при разработке методики семантического моделирования этимона и создании своеобразной сетки исходных семем, отталкиваясь от которой можно будет осуществить поиск соответствий в финно-угорских языках и возможных заимствований в русском языке

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин А Е 2000 – Этимологический словарь русских диалектов Сибири Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков М, Новосибирск, 2000
- Варбот Ж Ж 1984 – О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // Этимология 1984 М, 1986
- Варбот Ж Ж 1992 – Связи значений и семантическая реконструкция в этимологии // Wiener Slavistisches Jahrbuch Wien, 1992 Bd 38
- Востриков О В 1980 – Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья Дисс канд филол наук Свердловск, 1980
- Галинова Н В 1998 – Из севернорусских диалектных этимологий // Ономастика и диалектная лексика Екатеринбург, 1998 Вып 2
- Ивашко Л А 1958 – Заимствованные слова в печорских говорах // Уч зап ЛГУ № 243 Серия филологических наук Вып 42 Л, 1958
- Куликовский Г 1898 – Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении СПб, 1898
- Мамонтова Н Н Муллонен И И 1991 – Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии Петрозаводск, 1991
- Матвеев А К 1959 – Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала Свердловск, 1959
- Матвеев А К 1964 – Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Acad Sci Hung Budapest, 1964 T XIV Fasc 3–4
- Матвеев А К 1967 – Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология 1967 М, 1969
- Матвеев А К 1968 – Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимии Русского Севера // Советское финно-угроведение 1968 № 2
- Матвеев А К 1973 – Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования // Этимология 1971 М, 1973
- Матвеев А К 1975 – К этимологии русск диал *челпан* // Études finno-ougriennes Budapest, 1975 T 10
- Матвеев А К 1976 – Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // ВЯ 1976 № 3
- Матвеев А К 1978 – Русск диал *чильма* // Этимология русских диалектных слов Свердловск 1978

- Матвеев А К* 1984 – Еще об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования Свердловск, 1984
- Матвеев А К* 1997 – Финно-угорские заимствования в говорах русского Севера 1 // Этимология 1994–1996 М., 1997
- Матвеев А К* 2001 – Субстратная топонимия Русского Севера Екатеринбург, 2001 Ч I
- Меркулова В А* 1988 – Проблема семантической реконструкции в этимологическом словаре // Этимологические исследования Свердловск, 1988 Вып 4
- Михайлова Л П* 1986 – Географическая лексика в русских говорах Карелии (названия болот) // Севернорусские говоры в иноязычном окружении Сыктывкар, 1986
- Мызников С А* 1994 – Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья Дис канд филол наук СПб, 1994
- Мызников С А* 2000 – Ареальный анализ диалектного слова и некоторые аспекты этимологического исследования // Финно-угорское наследие в русском языке Вып 1 Екатеринбург, 2000
- Невская Л Г* 1977 – Балтийская географическая терминология (к семантической типологии) М., 1977
- Петлева И П* 1972 – О семантических истоках слов со значением ‘скупой’ в русском языке // Этимология 1970 М., 1972
- Петлева И П* 1984 – Семантические истоки слов со значением ‘бояться, пугаться’ // Этимологические исследования Свердловск, 1984 Вып 3
- Попов А И* 1955 – Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений // Acta Linguistica Hungaricae Budapest, 1955 Т 5
- Попов А И* 1957 – Из истории лексики языков Восточной Европы Л., 1957
- Рут М Э* 1981 – К этимологии севернорус *тярега кярега нидега, инега корега* // Этимологические исследования Свердловск, 1981 Вып 2
- Сало И В* 1966 – Влияние прибалтийско финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии Дис канд филол наук М., 1966
- Смирнова О С* 2001 – Термины полеводства и их отражение в топонимии Русского Севера Дис канд филол наук Екатеринбург, 2001
- Субботина Л А* 1984 – Заимствования в географической терминологии Белозерья Дис канд филол наук Свердловск, 1984
- Теуш О А* 2002 – К этимологии русск диал *рада* // Этимология 2000–2001 М., 2002 (в печати)
- Топоров В Н* 1994 – Из индоевропейской этимологии V (1) // Этимология 1991–1993 М 1994
- Трубачев О Н* 1964 – ‘Молчать’ и ‘таять’ о необходимости семасиологического словаря нового типа // Проблемы индоевропейского языкознания Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков М., 1964
- Трубачев О Н* 1976 – Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований М., 1976
- Трубачев О Н* 1980 – Реконструкция слов и их значения // ВЯ 1980 № 3
- Трубачев О Н* 1985 – О семантической теории в этимологическом словаре Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология // Теория и практика этимологических исследований М., 1985
- Трубачев О Н* 1988 – Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей Теория лингвистической реконструкции М., 1988
- Шилов А Л* 1999 – К происхождению гидронимических терминов *курья, пудас режма* // Русская диалектная этимология Тез докл и сообщ Третьего науч совещания 21–23 октября 1999 г Екатеринбург, 1999
- Itkonen T I* 1931 – Lappische Lehnwörter in Russischen // Suomen Tiedeakateman Toimituksia Ser B Helsinki, 1931 Bd XXVII
- Kalma J* 1919 – Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen Helsinki, 1919 (MSFOu XLIV)
- Kalma J* 1927 – Syrtjanisches Lehngut im Russischen FUF XVIII Helsinki, 1927

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

- АОС – Архангельский областной словарь М., 1980– Вып 1–
- Даль – *Даль В И* Толковый словарь живого великорусского языка В 4 т М., 1955
- КРС – Коми-русский словарь М 1961

- КЭСК – *Лыткин В И , Гуляев Е С* Краткий этимологический словарь коми языка М , 1970
- ЛК ТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания)
- МРС – Марийско-русский словарь М , 1956.
- НОС – Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12
- СВГ – Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–. Вып. 1–.
- СВЯ – *Зайцева М И , Муллонен М.И* Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001 Т. 1.
- СКЯ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей СПб 1994–2002. Вып 1–5
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.: СПб., 1965–. Вып. 1–.
- ТК ТЭ – Топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания)
- Фасмер – *Фасмер М* Этимологический словарь русского языка. В 4 т М , 1967–1973
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков М , 1975–. Вып. 1–
- ККС – *Karjalan kielen sanakirja* Helsinki, 1968 – О 1–
- SKES – *Suomen kielen etymologinen sanakirja* Helsinki, 1958–1981 О. 1–7 (LSFU, XII)
- SSA – *Suomen sanojen alkuperä Etymologinen sanakirja* О 1–3 SKST 556 Helsinki, 1992–2000.

© 2003 г. А. Л. ШИЛОВ

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ
(НА ПРИМЕРЕ ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА)**

Хорошо известно, что установление точных этимологий топонимов часто требует привлечения самых различных данных, в том числе исторических (см. многочисленные примеры в работах А.И. Попова), палеоклиматологических (разработки А.А. Сейбутиса), этнолингвистических (см. монографию [Березович 2000]) и географических. Последние (мы имеем в виду индивидуальный характер конкретного объекта, его яркие особенности в ряду подобных) подчас оказываются незаменимыми при топонимических исследованиях. Это подчеркивается во множестве топонимических публикаций. Вместе с тем, их роль иллюстрируется, как правило, отдельными примерами, на основании которых трудно понять место и значение данных (и приемы работы с ними) о конкретных характеристиках географических объектов для установления этимологии топонима или группы топонимов. Данная работа ставит целью закрыть этот пробел хотя бы в первом приближении.

По нашему мнению, данные о географических реалиях, связанных с исследуемым объектом, оказываются особо полезными в следующих случаях.

– Субстрактный топоним сильно искажен (подчас до неузнаваемости) в результате фонетического усвоения в другом языке, порой сопровождающимся его переосмыслением на почве "народной этимологии". Так, в Карелии есть ручей *Великий* (длина 7 км) и озеро *Великое* (площадь менее 3 кв. км.). Семантика этих названий, если признать их русскими (даже не "большой", но "великий"!), вступает в резкое противоречие с характером соответствующих объектов. Поэтому мы видим здесь народно-этимологическое переосмысление названий, исходно восходящих к саам. *vjlegai* 'мелкий' [Шилов 1996: 72]¹. Другой пример: название порога *Кеняйкоски* (*Кеняковский*) на р. Шуя Онежская рассматривается как искажение (в русском освоении) исходного карел. **Köynäs-koski* "Водопадный порог" в силу наличия в пороге трехметрового водопадного слива.

– Имеется несколько омонимичных или фонетически близких этимонов, потенциально, подходящих (семантически) для образования данного топонима. Название горы *Шавруха* и беломорского залива *Шавро-губа* (известно с XVI в.), на берегу которого она находится, можно было бы выводить из саам *i'šjur^a*, *i'šewr^e* (> русск. *чавруй*, *чавруй*) 'галечник, булыжник; прибрежное голое галечно-каменистое место'. Этот вариант, казалось бы, подкрепляется и современным названием залива – *губа Кив* (ср финск., карел. *kivi* 'камень'). Но выразительный облик горы, доминирующей над всем обширным заливом, не оставляет сомнений в том, что в ее названии лежит иное саамское слово: *išoarv^e* 'пог'.

– Этимон очевиден, но многозначен. Один из заливов беломорского побережья Карелии с XVI в. известен как *Красная губа*. Слово *красный* в русской топонимии может означать "красивый", "тёплый (прогреваемый солнцем)", "главный" и, нако-

¹ Об иных примерах (*Лисья*, *Золотец*) см. [Шилов 1996 71, 1999 108, 2001а 53]

нец, собственно "красный" Только знание того, что на северном берегу залива имеется протяженный участок скал красноватого цвета (уникальных для всего Карельского берега Белого моря), позволяет остановиться на последнем варианте Другой пример связан с возможностью бытования на какой-либо территории специфической 'неочевидной' топонимической модели Так, в Карелии пороги, имеющие названия со значением "кривой порог", могут оказаться не столько кривыми, т е расположенными на крутых изгибах реки (или вовсе не кривыми¹), сколько длинными [Шилов 1995] Таковы *Кривой порог* на Воньге, *Коверо коски* (карельское название) на Калге, *Московский* (из саам **Moask-kuosk*) на Беломорской Шуе

– Наконец, "географический критерий" может, как минимум, помочь отбросить некоторые, заведомо неприемлемые решения Так, для древних поселений на Онежском озере *Шуньга* и *Повенец* были предложены следующие 'кабинетные' этимологии: *Шуньга* – из саам *šueŋŋ* 'травянистое болото', *Повенец* – из русск *по-венец* (*венец* 'бровка, край горы') Вместе с тем, эти домыслы опровергаются уже свидетельством Г Р Державина, бывшего в 1780-х гг губернатором Карелии Про Шуньгу он писал "местоположение сей погост имеет каменистое", про Повенец "местоположение оного ровное и болотистое" (о возможном происхождении названий см [Шилов 1997])

Конечно, любой географический объект имеет множество характеристик, каждая из которых потенциально может быть отражена в его названии Особенно это относится к протяженным, а не к локальным объектам Подчас оказывается, что потенциальные этимоны (созвучные или вовсе омонимичные) в равной степени подходят для описания объекта с учетом тех или иных его характеристик В этом случае (при отсутствии каких-либо дополнительных указаний²), один из возможных путей для установления истинной этимологии заключается в поиске других объектов того же географического класса с такими же названиями для выявления каких-то их особенностей, выделяющих объекты с данным типом названий в ряду им подобных³ Сказанное иллюстрируется нижеприведенными примерами топонимических исследований

Волчина

Волчина – крупный левый приток р Молога в Тверской обл Название (как имя населенного пункта или местности по реке) известно еще из берестяных грамот конца XI – начала XII в (новгородские грамоты №№ 789 и 902 [НГБ 1997 35, НГБ 1999 4]) К русскому *волк* название определенно не имеет отношения, ибо в русской гидронимии 'зоонимические' названия образовывались по иной модели, см реки *Волчь*, *Кунья*, *Бобровка*, озера *Волчь*, *Лебяжье*, *Медвежье*, *Заячь*, *Лись* и т п Модель на *на/ ня* была свойственна именам рек, производным от названий растительности и почв *Олешня* (< *ольха*), *Ельня* (< *ель*), *Ситня* (< *сита* 'камыш, тростник'), *Песочня* (< *песок*), *Гнильня* (< диал *гнила* 'глина') и т д

Конечно, столь протяженный объект, как река Волчина, может быть охарактеризован с самых разных точек зрения Но данная река имеет яркую особенность на

² Так, на фоне многочисленных карельских названий *Ругоярви*, *Ругозеро* производимых из карел *giga* 'смола, живица', название озера *Ругозеро* близ пос Паяканда восходит в др-русск *руга* 'угодья, отведенные на содержание церковного причта' Об этом свидетельствует жалованная грамота 1541 г [Шилов 1997]

³ Хотя и здесь исследователя подстерегают опасности В Карелии есть два озера с одинаковым названием *Машиозеро* Но название одного из них (на р Тунгуда) восходит к саам *moadz* 'поворот, изгиб', а другого (в басс р Лососинка) – к кар *moašelga* 'водораздел' [Шилов 1996 70]

значительном протяжении ее русло по сути дела представляет собой узкое болото, заросшее водными растениями (осоками, камышами, рогозами) настолько, что продвижение по нему даже легкой лодки оказывается чрезвычайно трудным. Подобные реки порой называются "зелеными" (ср *Вишера* [Шилов 2001б]) но чаще – "травяными" (ср в Карелии р *Травяная*, р *Рогоя* карел *ruoho* 'трава', *oja* 'ручей') "Травяной" же мотив выводит нас на прибалт-финск *olki* (финск, карел *olki* (уменьш *ollut*), ливвик *olgi*, людик, вепсск *ol'g*, водск *eliši* (*elki*), эст *õlg*, ливск *vol'g*) 'соломина, солома', морд эрзянск *olgo* 'стебель соломы', саам *vuolga, olk(a)* 'солома, стебель, длинная жесткая трава, осока'. К прибалтийско-финскому источнику явно восходит русское (северные диалекты) *волки* 'жесткая трава', *волиняг* 'невысокая луговая трава с плотным стеблем', *волот(ь)* 'трава, растущая по низким местам' [СРГК, 1 221, 224, 225]. Нам представляется весьма вероятным, что название *Волчина* восходит к русскому **волки* 'водная, приречная растительность', заимствованного из какого-то прибалтийско-финского языка (возможно вымершего).

Бесспорно, Волчина была не единственной "травяной" рекой в данном регионе. Но именно по ней шел один из древних водно-волоковых путей новгородцев из бассейна Мсты (через оз. Пудоро) в бассейн Мологи (отмеченный, кстати, названием дер *Волошина* на мстинской стороне сухопутного участка пути). Поэтому указанная характеристика реки, с точки зрения условий плавания по ней, оказалась достаточно существенной, что бы быть отмеченной в ее названии.

Кандалакша

Кандалакша (финск *Kantalahti, Kannanlahti*, саам *Kant-luht*) – город в Мурманской обл. в устье р. Нива на берегу губы *Кандалакша* – оконечности Кандалакшского залива Белого моря. По мнению ряда исследований это название отразилось в древнескандинавском (с X в.) *Gandvik*, в некоторых источниках являющимся обозначением Белого моря⁴ или более узко – его Кандалакшского залива⁵. При этом полагается, что *Gand* есть фонетическое освоение исходного *Kanda-/Kanta-*, сопровождаемое народно-этимологическим осмыслением через *gandr* 'чары, волшебство', а *-vik* – переводом прибалтийско-финского *-lahti/-lakši* 'залив'. Однако это предположение оспаривается, ибо самые ранние упоминания *Gandvik*'а по смыслу соответствующих текстов не могли относиться к Белому морю [Джаксон 1994: 200–202]. Таким образом, неверно указание [Никонов 1966, Поспелов 1998], что Кандалакша известна с XI в.

В большинстве работ указывается, что первое достоверное свидетельство о существовании поселения в Кандалакше (*Кандолжской губе*) относится к 1526 г. Под этим годом летопись [ПСРЛ, VI 282] говорит о прибытии в Москву посланцев из Кандалакши, которые просили прислать к ним священников для местной церкви. На самом деле название *Кандалакшского погоста* присутствует уже в грамоте Великого князя Василия сборщикам дани в Лопской земле 1517 г. [ВШШ 1998]⁶. В поздней-

⁴ См. в Деяниях данов Саксона Грамматика (начало XIII в.) течение (океана) проходя мимо Норвегии в сторону востока и увеличиваясь в ширине заканчивается большим изгибом. Этот предел моря древние (люди) нашего народа именовали Гандвиком.

⁵ Именно в этом значении *Gandvik* выступает в разграничительной грамоте 1250-х гг., см. [Шаскольский 1945].

⁶ Более того, в 1566 г. путешественник Симон-ван-Салинген записал в Кандалакше рассказ о событиях (сражение при губе Княжая), происходивших в заливе меж Ковдой и Кандалакшей [Филипов 1901]. Датируется данное сражение 1496 годом [Ушаков 1986: 170–176]. Так что, скорее всего, русское поселение в устье Нивы возникло не позднее середины – второй половины XV в.

ших документах мы видим: *Кандалажский монастырь* (1553 г.) [Мат. Кольск.: 6] (монастырь был построен в 1532 г.), *Микула кандалакшанин* (1578 г.) [АСМ 2: 103], *волость Кандолокша* (1608 г.) [Харузин 1890; 459] и т.д. В "Книге мореходной" О.А. Двинина конца XVIII в. губа Кандалакша названа как *Кандалуха* [Гемп 1980], что соответствует современному поморскому ее названию [Меркурьев 1979] (возможно из саам. *Kant-luht*); в "Описании Белого моря" того же времени видим: от *Кандалакской губы и от Кандалакши...*" [Фомин 1797]. В западном источнике 1596 г. селение названо *Candelax* [KKLS: 973], на карте Г. Герритса 1613 г. – *Kandelax* [Герритс].

Версий о происхождении названия имеется множество. Еще в 1829 г. П.П. Свиный писал: «*Кандалакша* – "плоское и ровное место, нанесенное" от *кандан* 'несу' и *лакша* 'плоское место'» [Свиный 1829]⁷. Я.К. Грот выводил *Кандалакша* из *kanta* 'край, угол, рог' со ссылкой на нем. *Kante* (но из немецкого было заимствовано финск. *kannti* 'кайма, кант' а не *kanta* – А.Ш.) и финск. *lahti* 'залив' [Грот 1860].

Весьма близко к правильному (по нашему мнению) решению подошел Я. Калима, указавший карел. *kanda* 'голова, верхушка, оконечность, основа' и *lakši* 'залив', т.е. *Кандалакша* – "Верхний (головной, крайний, конечный) залив" (цит. по [Фасмер, Т. 2: 178]; в [Никонов 1966: 173] версии Грота и Калимы приводятся без обсуждения). Д.В. Бубрих трактовал название *Kanta-lakši* как "Опорный залив (залив – держатель вод)", полагая, что оно было старым прибалтийско-финским названием всего Белого моря [Бубрих 1947: 30].

К саамской форме названия Кандалакши Т. Итконен указывал саам. *kandt* 'сухое место на болоте' [KKLS: 973]. Исходно саамское происхождение названия принимают также Г.Г. Кузьмин и Е.Ф. Разин, приводя саам. *kandas* 'выюк, ноша' и *luht* 'залив', т.е. *Кандалакша* (*Kant-luht*) – место, где кончался водный путь и кладь выючили на оленей (цит. по [Попов 1990]).

А.А. Минкин отвергает версии, в которых *Кандалакша* объясняется как "угловой, конечный залив", утверждая, что наиболее глубоко в этом районе вдается в материк губа Лупча; к этому названию он приводит саам. *лупча* 'конечная'⁸. Название же *Кандалакша* он связывает с находящейся относительно неподалеку губой *Канда* (см. подробно об этой губе ниже), выводя ее название из карел. *kandaja*, *kantaja* 'выкормившая' (как метафорической замены слова "мать"). К этому Минкин указывает, что губа и река Канда богаты рыбными уловами, а ближние леса изобиловали дичью и пушным зверем, т.е. *Кандалакша* значило у карел. "Залив-кормилец" [Минкин 1976; 1990]. Карельское *kandaja* действительно в плачах и причитаниях означает "матушка", но дословно – не "выкормившая", а "выносившая", так что эта версия абсолютно надуманна.

Наиболее осторожно высказался Е.М. Поспелов. Он справедливо подчеркнул, что селение Кандалакша находится на берегу Кандалакшского залива (губы), по которому и было названо. Первичная форма названия – губа *Кандалакша*, где *лакша* из карел. *lakši* 'залив, губа', а *Канда* – название губы, прилегающей к Кандалакшскому заливу и впадающей в нее реки (убедительной этимологии название *Канда* не имеет). В целом же *Кандалакша* – "залив реки Канда" [Поспелов 1970; 1998: 186].

⁷ Действительно, 1 лицо ед. числа от карел. *kandoa* 'нести' будет *kandan*; что же касается *лакша* 'плоское место', то к этому можно привести разве что финск. *la(a)kso* 'озерко, пруд', эст. диал. *laks* 'равнина' саам. норв. *loekša* 'большое болото с чахлым лесом', терск. *liekša* 'низменная болотная земля'.

⁸ Во-первых, губа Лупча (в устье одноименной реки) – это очень неглубокий залив, скорее бухта. Во-вторых, саам. *lupč-* иногда означает 'угол' (но не залива, а избы, чума), основное же его значение – 'святое место (у очага)'.

Прежде чем двинуться дальше, еще задержимся на соотношении упомянутых географических объектов – это существенный момент. Название *Кандалакшский залив* (северо-западная часть Белого моря) весьма позднее. Губа *Кандалакша* – его конечная часть, начинающаяся там, где плес залива стесняется (отграничивается) группой островов Ряшков, Вороний, Медвежий. Поселение получило свое название, конечно, от названия губы (будучи названо по своему точному положению, оно должно было бы называться, скажем по-карельски *Нивансуу* "Устье реки Нивы"). Название же губы *Кандалакша* представляется (в этом мы согласны с Е.М. Пospelовым) производным от названия боковой (по отношению к основной губе) губы *Канда* (в которую впадают реки Канда, Небло, Кумжа). Отметим, что названия *Кандалакша* и *Канда* никогда не смешивались: "в волости в Кандолокши тони: Копша, Корга, Валаз ручей... речка *Канда*" (1608 г.) [Харузин 1890]; "В *Кандалакше*... да у них же в *Канде* две варницы соляных" (1675 г.) [АИ, Т. 4: 550]. Так что же значит *Канда* (и что первично – название губы *Канда* или одной из впадающих в нее рек)?

Сразу скажем, что присутствие саам. *kandt* 'остров на болоте; высокая ровная тундра' в нашем названии маловероятно⁹. Остается, собственно¹⁰, лишь указанное Я. Калима карел. *kanda*, для которого он указывал значение "голова, вершина". Но основное значение финск. *kanta* (родит. пад. *kannan*), карел. *kanda*, ливвик. *kandu*, людик., вепсск. *kand* (отсюда и саам. *kadta*, *kandt*, *kandta*) – "пятка, основание; шляпка, верхушка; каблук, основа, корень" [SKES: 157; KKLS: 77]. В качестве географического термина это слово встречается в топонимии юго-востока Финляндии и юго-запада Карелии – большей частью в названиях объектов, связанных с узкими полосами земли между озер, рек или болот, основаниями мысов или перешейков¹¹: дер. *Kusenkanda*, луг *Ukonniemekanta* (в основном мыса *Ukonniemi*), *Ukskanta*~ *Ukskannalluoto* – отдельно стоящая луда в группе островков на оз. Койтере (фиг. *yksi* 'один') [Nissilä 1975: 40, 96]¹². Иногда 'kanta-имена' оказываются связанными с перекрестками дорог (и соседних с ними объектов): *Kolmkanta* на перекрестке трех дорог в Ряйсяля, *Kolomkanta* – место соединения воедино трех дорог в Пяльярви (*kolme* 'три'), *Viiskanta* – пересечение пяти дорог (*viisi* 'пять') в Рауту и в Раутярви [Nissilä 1975: 83]. В Восточной Финляндии, Южной Карелии и Ингерманландии термин *kolmi-kanta* употребляется для обозначения объектов треугольной формы, мест соединения границ трех деревень, волостей, земельных участков, соответствующих межевым стол-

⁹ Оно реализуется в названии возвышенности *Jiegel-koudt-kandt* близ Ловозера [KKLS: 971].

¹⁰ Любопытно, конечно, сообщение Г.Д. Рихтера: «*канда* – верхняя часть залива, кут губы (ср. *Кутовой залив*, как названа губа *Канда* в "Описании" 1797 г. – *А.Ш.*), где расположено селение и происходит перевалка грузов или водный путь сменяется сухопутным» (Карелия, Кольский п-в) [Мурзаев 1984: 253]. Но только словари русских говоров Карелии и Кольского п-ва наличия такого слова не подтверждают. Более того, в большинстве заливов, имеющих компонент *канда* в названиях (см. ниже), никаки поселений никогда не было и лежало большинство этих заливов в стороне от торгово-промышленных путей, как древних, так и нынешних. Похоже, что приведенный термин является не реальным словом, а артефактом, который призван описывать географическое положение и соответствующее хозяйственное значение конкретного поселения *Кандалакша* (это действительно был важный транзитный пункт, в котором морской путь сменялся пеше-водным путем к древней Коле – центру промыслов на Баренцовом море).

¹¹ Такое употребление термина соответствует значению этимологически родственного ему прибалт.-финск. *kannake*, *kannas* 'перешеек; полоса суши между двумя водоемами или болотами' [SKES]. Кстати, для Карелии словарь [ПФГЛ: 36] дает только этот последний термин, но не *kanta*, *kanda*.

¹² К этому виду объектов возможно принадлежит и покос *Ехтеканда* у дер. Суйсарь на Онежском оз. Не удалось нам отождествить с каким-либо современным объектом поселение *Kandij byn* в кирхшпиле Суоярви, указанное в шведской писцово́й книге 1618 г. [История: 362].

бов, а вторично – и объектов на прилегающей местности [Nissilä: 96]. Но все указанное никак не может помочь в истолковании нашего названия¹³.

Единственно что остается – поиск объектов Карелии и Кольского п-ва с элементом *канда* в названии с тем, чтобы попытаться вычленить какую-то их общую характеристику. И здесь нас ждет приятная неожиданность. На самом юге Карелии (а административно – уже в Ленинградской обл.) обнаружилась почти точная тезка *Кандалакша* – *Кандалакhta* (так в 1496 г. [ПКНЗ, Т. 1: 291] и в 1597 г. [ДАИ: 233]; в 1563 г. – *Кандас озеро* [ПКОП: 74], ныне оз. *Кандольское*). Формально это озерко, соединяющееся со Свирью речкой *Кандола* (*Кандала* на карте Н.Я. Озерцовского 1792 г.). Реально – обособленный залив Свири, этакий грибок с широкой ножкой (протокой *Кандала*).

Другие *канд*-названия нашлись на севере Карелии и юго-западе Кольского п-ва. И все они обозначают морские или озерные заливы с относительно узким входом:

Кандозеро – прибрежное оз. у Белого моря между реками Летняя и Поньгома¹⁴.

Кивиканда (так в 1563 и 1598 гг. [СГКЭ, № 137; История: 235–242]) – ныне оз. *Кювиканда* в устье р. *Кювиканда* на Белом море меж реками Сонрека и Гридина.

Паяканда/Паяконда (*Паяканда* в 1563 г. [СГКЭ, № 137], *Паяколская губа* в 1658 г. [Мат. Кольск.: 92]) – ныне Ругозерская губа Белого моря.

Ёкоканда (*Ёкоканская губа* в 1579 г. [АСМ 2: 141], *Ехканда* в 1733 г. [Ушаков 1986], ныне оз. *Ёканское*) – губа Белого моря в устье р. *Рязанка* к западу от *Порьгубы*.

Умбиканда – губа на северо-востоке *Пяозера* басс. р. *Ковда*.

Кильтикканда – губа (и остров на входе в нее) на северо-западе *Ковдозера*.

Кандас – залив типа "канда" на Нижнем *Челмозере* басс. оз. *Имандра*.

Кылпаканда, *Корсканда*, *Охта-канда* – заливы на оз. *Имандра*¹⁵.

Так и губа *Канда* (мы теперь можем утверждать, что название *Кандалакша* является производным именно от названия губы, а не впадающей в нее р. *Канда*) является обособленным заливом: длина ее 18 км, преимущественная ширина 2–2.5 км, но на входе – менее 1 км; вход же в основной (дальний) плес губы еще более узок – это довольно длинный пролив шириной 400–500 м.

Таким образом, есть основания полагать, что в названии *Кандалакша* (как и в ряде иных гидронимов) присутствует ныне забытый карельский "анатомический" термин *kanda* 'пятка', в географическом употреблении означавший "залив с узким входом". Возможно в данном случае переход анатомического термина в сферу геогра-

¹³ В русских документах, касающихся *Пошехонья*, изредка встречается термин *пята* (семантически эквивалентный в анатомическом значении прибалт.-финск. *kanta, kanda*): "на реке на *Шохсне* против *Шатрецкого езу* на *Пяте* пожню косити" (1448–1470 гг.) [АСЭИ, Т. 2: 78]. Сейчас нет возможности соотнести эти топонимы с конкретными географическими объектами, то есть установить их характер, и тем самым – семантическое наполнение термина *пята*. Мнения же комментаторов расходятся. Так, в примечании к указанному документу сказано: "*пята*, вероятно, прибрежная пологая заливная полоса берега, над которой обрывисто или круто поднимается незаливаемая суша". А.В. Кузнецов же полагает, что в памятниках деловой письменности XVI–XVII вв. термин *пята* применялся в значении "место на берегу руки у рыболовного еза". При этом он ссылается на запись 1585 г. "от езу от *пяты* вверх" и на положение деревень *Пята* и *Пятная* рядом с *Топромским* и *Ковжским* езами соответственно [Кузнецов 1999: 77]. В Белоруссии и на Смоленщине *пята* зафиксировано в значении "конец поля; первый примечательный чем-то межевой пункт". В Новгородчине в этом же значении известен термин *пятнина* [Яшкин 1974].

¹⁴ Как и следующий объект (оз. *Кивиканда*) оно когда-то являлось обособленным морским заливом; озером же стало в результате поднятия суши в постледниковое время.

¹⁵ А вот название разезда *Африканда* в этот ряд включать не стоит. Как рассказывает академик *Ферсман*, его появление было спровоцировано "африканской" жарой и наличием недалеких названий *Кандалакша* и *Охтаканда*.

фической лексики совершился не прямым переносом (*нос* 'часть лица' – *нос* 'мыс', *колено* 'часть ноги' – *колено* 'изгиб реки' и т.п.), но через промежуточную стадию, а именно: через ассоциацию формы залива с узким входом с отпечатком ноги человека (не страдающего плоскостопием) на песке или влажном грунте.

Любопытно, что и само Белое море (со своим узким горлом) в отношении Ледовитого океана является заливом типа "канда" (см. выше версию Д.В. Бубриха). Но, конечно, древние обитатели его берегов не имели столь широкого кругозора, чтобы назвать его подобным именем.

Сума

Сума – река в Восточной Карелии. Вытекает из Мелозера. На своем пути к Белому морю (164 км) проходит через крупные озера Шунозеро, Хижозеро, Пулозеро, Сумозеро и ряд небольших озер (Торосозеро, Ильино, Видозеро, Корбозеро, Монастырский Омут, Пустовское и другие).

Угодья в Суме реки известны по документам с середины XV в. [ГВНП, № 307] (тогда они были переданы Марфой Борецкой Соловецкому монастырю), *Сумская волость*, *Сумозеро* и *Сум-остров* на море (близ устья реки) – с 1555 г. [АСМ 1: 82–83], *Сумостров* на Сумозере – с 1563 г. С этого же времени известен *Сумский посад*, расположенный на реке в 6 км от моря [ПКОП: 159–165]. В иностранных источниках это поселение называлось *Soeta* (1566 г.) [Филипов 1901], *Sumina* (карта 1613 г.) [Герритс]. Писцовая книга 1582 г. сообщает: "в волости в Суме на погосте поставлен острог косою через замет в борозды" [АСМ 2: 197]¹⁶.

Наиболее ранняя (известная автору) версия происхождения названия *Сума* была высказана Н.Я. Озерецковским в конце XVIII в.: "Из вышесказанных народов, составляющих некогда Биармию, *Емь* или *Ямь* (т.е. *Häme* – *A.Ш.*) и *Сумь* заслуживают особое внимание... *Кемский* и *Сумский* острог, сохранив до нынешнего времени свое имя, подтверждают... бытие *Еми* и *Суми*... И ежели *Сумский острог* с достоверностью почтен быть может жилищем *Суми*, то *Емь* долженствовала иметь столицей *Кемский городок*" [Озерецковский 1989: 125–126]. Итак, название *Сума* Озерецковским связывалось с именем финского племени *Suomi*, др.-русск. *Сумь*.

Д.В. Бубрихом [Бубрих 1947; 1949] "этнонимическая" версия названия была представлена в ином варианте: "Самоназвание лопарей *saamme* (у древних германцев оно выступало как *Sooma*¹⁷). Небезынтересно, что то же *Sooma* проникло к русским не только в том значении, которое соответствовало позднейшим обстоятельствам, то есть для обозначения племени *Сумь*, но и в более древнем значении и в последнем случае могло обозначать лопарей; ср. *Сумозеро*, р. *Сума*, *Сумостров*, *Сумский посад* как раз в тех местах, где долго держались лопари" [Бубрих 1947: 18].

Это мнение разделялось и другими авторами [Гадзяцкий 1941; Лескинен 1967; Минкин 1987] (версия Д.В. Бубриха приведена и в работе [Керт, Мамонтова 1982]). Вот типичное высказывание: "Такие названия как *Сума*, *Сумозеро* (бассейн Водлы – *A.Ш.*) свидетельствуют с несомненностью о существовании в прошлом в данной местности саамского населения" [Гадзяцкий 1941]. Между тем, стоит задуматься, кем могло быть дано здесь подобное этнонимическое название. Русскими? Но они звали саамов *лопью*, *лопарями* и никак иначе (предположение Д.В. Бубриха не находит никакого документального подтверждения). Прибалтийскими финнами? Они называ-

¹⁶ Таким образом, указание, что Сумский острог был построен в 1584–86 гг. (для защиты от нападения шведов) [Керт, Мамонтова 1982] не точно.

¹⁷ Но древние германцы называли лопарей (саамов) *fenni*, *fennar*, (что нам известно из Птолемея, Тацита, Иордана), позднее *lappar* (шведы), *fin* (норвежцы), а вовсе не **Sooma*-.

ли саамов *Lappi*. Самими саамами? Но их самоназвание *saamme*, множ. *saami* [KKLS: 471] никак не могло дать топоним, который русские бы восприняли в форме *Сума*. Финнов же *суоми* в этих местах никогда не было¹⁸.

А. Кастрен связывал название *Сумозеро* с финск. *sumi* 'туман' [Kastren 1862]. Красивое название "Туманное озеро" (или "Туманная река") в принципе имеет право на жизнь¹⁹, хотя таковых на Русском Севере нам встретить не удалось. Эту этимологию Р.А. Агеева охарактеризовала как необудительную [Агеева 1970].

Название р. *Сума* – пр. Северной Двины (в ее низовье) – Н.В. Кабинина связывает с финск. диал. *suta* 'затоп бревен; плывущие по реке бревна; плот из бревен', ливв. *suta* 'затоп бревен на реке; множество бревен' [Кабинина 2000; 46]. Эта трактовка безупречна в фонетическом отношении, но семантически оправдана, скорее всего, лишь для относительно поздних названий.

Как уже видно из вышесказанного, "наша" *Сума* не одинока. Имеется еще *Сумоярви* басс. Охты (*Сумозеро* в 1591 г. [Мат.]), *Сумозеро* и р. *Сума* – пр. Водлы (известны с 1563 г. [ПКОП: 181–188]), *Сум-зуба* "на устье Пукше речки" [ПКОП: 157] (в губе Урокса на Выгозере), р. *Сумера* (*Сумерья* [ПКВП]), впадающая в Ладожское оз. к востоку от Импилахти, *Сума* – протока из малых ламбин в оз. Воже басс. Онеги, р. *Сума* (*Сумара*, в 1621 г. – *Сумка* [АИ, Т. 3: 124]), вытекающая из *Сумозера* и, через р. Лодьма, впадающая в восточный рукав устья Сев. Двины. Все эти объекты роднят два обстоятельства: территориальное (Южная и Восточная Карелия, басс. Онеги, устье Двины)²⁰ и физико-географическое. Имя *Сума* неизменно оказывается принадлежащим недлинной речной протоке, связывающей озеро (часто называемое *Сумозеро*) с основным водоемом или водотоком. Поэтому мы обратим внимание на то, что русским *сум-* регулярно передавалось вепсское *saum*, *soum* 'пролив; мелководная часть водоема между двумя мысами' [СВЯ], весьма активное в топонимии Вепсского Межозерья [Муллонен 1994]. В качестве примера можно привести названия соседних проток на Свири; *Салма* – протока собственно Свири (из карел. *salmi* 'протока, пролив') и *Сума* – речной сток в эту протоку из оз. Монастырское. Показательно и то, что в области распространения *Сум-*гидронимов (а подобных оронимов нет вовсе) не встречаются гидронимы с основой *Елм-/Эльм-*, многочисленные в Центральной и Северной Карелии. Последние мы связываем (на основании характеристик соответствующих объектов) с финск. диал. *jolma* 'протока' [SKES: 118] или саамским (через карельское освоение) *vielma* 'межозерный пролив; глубокий плес на реке'²¹.

А что можно сказать о той реке *Сума*, которая, собственно, и является предметом нашего исследования? Конечно, в целом ее нельзя назвать протокой или проливом. С другой стороны, она сама большей частью представляет собой цепь межозерных проток (см. выше). К тому же, большой, осыхающий в отлив, залив при ее устье представляет собой объект, достаточно точно характеризующий вторым словарным значением вепсского *soum*: 'мелководная часть водоема между двумя мысами'.

¹⁸ Чисто предположительно с этнонимом *Suomi* можно было бы связать такие названия как др.-русск *Сумовиси* (Ореховецкий договор 1323 г.), *Сума* – пр. Систы, впадающей в Копорскую губу Финского залива, *Сумка* – пр. Вруды, пр. Луги и т.п. Но это уже не имеет отношения к нашему исследованию.

¹⁹ Так, на Кольском п-ве есть р. *Tsikkjokk* ~ *Туманная река* [KKLS]

²⁰ Несколько географически изолированным в кругу перечисленных названий выглядит *Сумоярви* на Охте. Вместе с тем, характер озера полностью отвечает таковому для остальных *Сум-*гидронимов, о чем см. ниже.

²¹ Иная трактовка подобных названий приведена в [Муллонен 2000].

Итак, установление этимологии топонимов может потребовать привлечение двоякого рода географических данных. Во-первых, это данные о физико-географических характеристиках конкретного объекта (примеры приведены во вводной части статьи); здесь необходимо личное знакомство с объектом, либо надежные свидетельства очевидцев. Во-вторых, это те характеристики группы объектов, что выделяют их в кругу формально подобных. Естественно, в данном случае основным подспорьем исследователя является крупномасштабная географическая карта (см. выше о названиях *Кандалакша*, *Сума*). Безусловно, многочисленны случаи, когда географический критерий необходимо сочетать с иным, например – историческим (см. выше о названии *Волчина*). Конечно, далеко не всегда "географический ключ" является отмычкой к решению проблемы. Мы хотели лишь подчеркнуть, что игнорирование географических реалий, с одной стороны, может привести, к досадным промахам в этимологизации географических названий, а с другой – их привлечение подчас позволяет решать достаточно сложные проблемы топонимии России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеева Р А* 1970 – Топонимика в трудах М.А. Кастрена // Развитие методов топонимического исследования. М., 1970.
- АИ – Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 1–5 СПб, 1841–1842.
- АСМ 1 – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
- АСМ 2 – Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.
- АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1–3. М., 1952–1964.
- Березович ЕЛ* 2000 – Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
- Бубрих Д В* 1947 – Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
- Бубрих Д В* 1949 – О древней прибалтийско-финской речи // Изв. Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. Петрозаводск, 1949. № 1.
- ВШШ 1998 – *В Е Возгрин, И П. Шаскольский, Т.А Шрадер* Грамоты Великого князя Василия III сборщикам дани в лопской земле // ВИД. Т. XXVI. СПб, 1998.
- Гадзляцкий С С* 1941 – Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Гемп К П* 1980 – Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия Л., 1980.
- Герритс – Карта Европейской России, изданная в 1613 г. Г Герритсом по русским источникам // Л С. Берг. Очерк истории русской географической науки. Л., 1929.
- Грот Я К* 1864 – Заметка о названии мест // Зап. АН. Т. 6. Кн. 1. СПб, 1864.
- ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографическою комиссиею. Т 1, СПб. 1846.
- Джаксон Т Н* 1994 – Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1994.
- История – История Карелии XVI–XVII вв. в документах Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987.
- Кабинина Н В* 2000 – Топонимия прибалтийско-финского происхождения в дельте Северной Двины // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 1. Екатеринбург, 2000.
- Керт Г М, Мамонтова Н Н* 1982 – Загадки карельской топонимии: рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск, 1982.
- Кузнецов А В* 1999 – Шексна – река Велеса. Вологда, 1999.
- Лескинен В* 1967 – О некоторых саамских гидронимах Карелии // ПФЯ. Л., 1967.
- Мат* – Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941
- Мат* Кольск – Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв // Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 28. Серия северная. Л., 1930.
- Меркурьев И С* 1979 – Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Минкин А А* 1976 – Топонимы Мурмана. Мурманск, 1976.
- Минкин А А* 1987 – О саамских этнонимах // Этническая топонимика М., 1987.

- Минкин А А 1990 – Топонимы – краеведческие и исторические источники // Европейский Север история и современность Петрозаводск, 1990
- Муллерен И И 1994 – Очерки вепской топонимии СПб, 1994
- Муллерен И И 2000 – Лимоним *Ильмень* в контексте ареальной дистрибуции топонимических основ российского Северо-Запада // Финно-угорское наследие в русском языке Вып 1 Екатеринбург, 2000
- Мурзаев Э М 1984 – Словарь народных географических терминов М, 1984
- НГБ 1997 – ВЛ Янин А А *Зализняк* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г // ВЯ 1998 № 3
- НГБ 1999 – ВЛ Янин А А *Зализняк* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г // ВЯ 2000 № 2
- Никонов В Н 1966 – Краткий топонимический словарь М, 1966
- Озерецковский Н Я 1989 – Путешествие по озерам Ладожского и Онежскому Петрозаводск, 1989
- ПКВП – Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины 7008 года // Временник МОИДР Кн 12 М, 1852
- ПКНЗ – Писцовые книги Новгородской земли М, 1999
- ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг Л, 1930
- Попов С В 1990 – Названия студенов берегов Мурманск 1990
- Поспелов Е М 1970 – Географические карты и топонимические этимологии // Изв ВГО 1970 Т 102 № 3
- Поспелов Е М 1998 – Географические названия мира Топонимический словарь М, 1998
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей Т VI СПб, 1853
- ПФГЛ – Н Н Муллерен И И Мамонтова Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии Петрозаводск, 1991
- Свиный П П 1829 – Изъяснение некоторых карельских слов, доказывающих существование там чуди // Отечественные записки 1829 Ч 38 № 110 Июнь
- СВЯ – М И Муллерен М И Зайцева Словарь вепского языка Л, 1972
- СГКЭ – Сборник грамот коллегии экономики Т 2 Л, 1929
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных территорий СПб, Т 1 1994
- Ушаков И Ф 1986 – Кольская старина Мурманск, 1986
- Филипов А М 1901 – Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник СПб, 1901, Т 1 Кн 3
- Фасмер – М Фасмер Этимологический словарь русского языка Т 1–4 М, 1964–1973
- Фомин А 1797 – Описание Белого моря с его берегами и островами вообще СПб, 1797
- Харузин Н Н 1890 – Русские лопари // Известия ОЛЕАЭ при Московском университете Т 66 Труды этнографического отдела Кн 10 М, 1890
- Шаскольский И П 1945 – Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки Вып 14 М, 1945
- Шилов А Л 1995 – Ландшафт и этнос через призму названий порогов Карелии // Этнические и языковое самосознание Тезисы научной конференции М, 1995
- Шилов А Л 1996 – Топонимический заповедник // РР 1996 № 3
- Шилов А Л 1997 – Исторические свидетельства и этимология топонимов Карелии // Исторический источник человек и пространство М, 1997
- Шилов А Л 1999 – К стратификации дорусской топонимии Карелии // ВЯ 1999 № 6
- Шилов А Л 2001a – Топонимические кальки и этимология субстратных топонимов // ВЯ 2001 № 1
- Шилов А Л 2001b – Вишера // РР 2001 № 1
- Яшкин И Я 1974 – Топографическая и гидрологическая лексика Белоруссии и западной части РСФСР // Вопросы географии Сб 94 М, 1974
- Kastren M A 1862 – Bemerkungen uber die Zavoilocheskaja Chud' // Kleinere Schriften St -Petersburg, 1862
- KKLS – Itkonen T I Koltan-ja Kuolanlapin sanakirja Helsinki, 1958
- Nissila V 1975 – Suomen karjalan nimisto Joensuu, 1975
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja Helsinki, 1955–1978

© 2003 г. Е. М. ВЕРЕЩАГИН

**НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЯЗЫКОМ И ТЕКСТОМ
АРХАИЧНОГО ИСТОЧНИКА – ИЛЬИНОЙ КНИГИ*:
АНАЛИЗ ТРОПАРЕЙ IX-Й ПЕСНИ КАНОНА ДИМИТРИЮ СОЛУНСКОМУ**

В последний раз я видел О. Н. Трубачева в начале февраля 2002 г. в больнице, из которой ему, к несчастью, не дано было выйти. О. Н., смотревший бодро, еще порывистый в движениях, живо интересовался новостями, говорил без усталости и строил планы. В частности упомянул о статье Г. Шустера-Шевца, над переводом которой как раз тогда работал (этот перевод публикуется в настоящем номере журнала). Потом сказал: «И Вашу статью для 'Вопросов' читаю». И задал несколько уточняющих вопросов. Я опешил. О. Н. старались разгрузить, и никак нельзя было предположить, что он, невзирая на измотавшую его болезнь, продолжает просматривать портфель 'Вопросов языкознания'. Приснопамятному титульному редактору двух своих книг¹ я и хотел бы посвятить разыскания, которые, хотя бы отчасти, были им прочитаны незадолго до кончины.

На 26 октября выпадает память великомученика *Димитрия Солунского*, или *Мироточца* (τοῦ Μυροβλύτου). Богослужбное последование Димитрию принадлежит к числу древнейших церковнославянских гимнографических текстов. В литературе вопроса старший список Димитровского последования обычно усматривают в известной (по месту первоначального хранения именуемой *Типографской*) Служебной минее за октябрь 1096 г. (сокращенно далее – *Tn*)² здесь имеются два канона святому, они опубликованы, см. [Ягич 1886: 182–186 (первый канон²), 186–190 (второй канон)].

Внимание палеославистов издавна³ привлекает к себе *второй канон Tn*⁴ (известный и по другим спискам), к которому, в отличие от первого, до сих пор не приискан греческий оригинал. Ниже и рассматривается только упомянутый второй – славянский – *Димитровский канон* (далее – ДК).

Как известно, имеются серьезные основания полагать, что ДК не переведен с греческого, а прямо сочинен по-славянски. Соответственно составители Предварительного списка Кирилло-Мефодиевских источников⁵, суммировав мнения большинства исследователей, поставили ДК *на первое место* среди оригинальных сла-

* Статья третья. Серийность публикаций показана общим заголовком (до двоеточия). Статьи первую и вторую см. соответственно в ВЯ [1999, 2 и 3]. Исследование выполнено в рамках проекта 'Текстология и язык древнейших славяно-русских переводных источников. На материале гимнографии', поддержанного РГНФ (грант № 02-04-00356а).

¹ См. [Верещагин 1996, 2001а].

² Первый канон (исрѣитъ Бѣжствѣнымъ мѣниа вѣнѣцѣмъ оувѣзъ са) представляет собой точный перевод того канона, который в греческих служебных минеях усвадается известному гимнографу – Феофану Начертанному (исрѣитъ τὸν θεῖον τοῦ μαρτυρίου στέφανον ἀναδησαμενός).

³ С момента, когда о каноне упомянул А. В. Горский и напечатал из него несколько фрагментов [Горский 1865].

⁴ Исрѣитъ второго канона Отъ мѣглы лютыя и невѣдѣннѣа очисти ма. Его вынес в заголовок недавней своей статьи Л. Матейко [Matejko 2001].

вянских текстов IX в.⁵ Что касается поисков возможного автора ДК, то хотя позиции ученых разделились, все же превалирует всесторонне и многократно мотивированная догадка, согласно которой ДК сочинен Мефодием⁶ Нижеследующие разыскания также указывают на авторство первоучителя – во-первых, уточняем время и первоначальные обстоятельства написания канона, во-вторых, излагаем доводы, согласно которым Мефодий предпринял редактуру канона, когда эти обстоятельства изменились

Впрочем, наши материалы, подкрепляя аргументы, изложенные в литературе вопроса, и увеличивая их число, все же не меняют природы догадок и остаются *гипотезами*⁷ Это означает, что их критика, при минимальной дисциплине ума, методологически возможна или демонстрацией нового фактического материала, или путем выдвижения альтернативных гипотез⁸ Огульные ссылки на сомнительность ('аргумент Станиславского *Не верю!*') – несостоятельны по существу, а также этически (ибо эгоцентричны) они противоречат принятой в современной текстологии практике опоры на здравый смысл⁹ и консенсус специалистов¹⁰ У тотальных отрицателей самоуверенность нередко находится в обратной пропорции к объему и качеству аргументации¹¹

Гиперкритичность (например, Тюбингенской школы), вопреки декларациям, по сути иррациональна, но мода на нее, хотя и не идет ни в какое сравнение с нигилизмом XIX века¹², все еще считается хорошим тоном. Напротив, любые текстологические догадки, особенно в том, что касается конъектур, выявления реминисценций и аллюзий, датировок по косвенным по-

⁵ С Кожухаров отмечает, что 'среди письменных источников о жизни и деятельности Кириллы и Мефодия должен, несомненно, присутствовать и Канон Димитрию Солунскому в качестве свидетельства о духовной культуре эпохи, о духовной биографии первоучителей, независимо от того, кого мы посчитаем автором – Кириллы, или Мефодия, или кого-то из их учеников [Кожухаров 1986 72–73]

⁶ Наиболее развернутую собственную аргументацию предложили Р О Якобсон [Jakobson 1965] и Т Батлер [Бътлър 1987], общий обзор аргументации [со ссылками на работы предшественников] в пользу авторства первоучителя Мефодия (не только Канона но и стихир) см [Кожухаров 1988, 421–430]. Общий вывод исследователя таков "Исследователите, които се застъпват за Мефодиевото авторство на канона, приемат, че той е написан в *началото на 80-те г* на IX в. В полза на такава датировка говорят редица реални в творбата, особено в топарите на девета песнь [Кожухаров 1995 216] (курсив наш – Е В) Точка зрения автора настоящих строк, как будет видно из дальнейшего, состоит в том, что ДК Мефодий сочинил *до 880 г*"

⁷ С ДК, как одним из важнейших Кирилло-Мефодиевских текстов, связано множество гипотез

⁸ Это означает также, что очевидные суждения типа *Ascriptions of the canon variously to Cyril, Methodius or Clement of Ochrid are all purely speculative* [Thomson 1992 69] не могут считаться состоятельной критикой

⁹ В частности, здравый смысл ограничивает применимость аргумента *ex silentio*

¹⁰ Естественно, в науке решения не принимаются перевесом голосов. Тем не менее, если приходится идти против т.н. "принятого мнения", т.е. мнения, доказательно разделяемого многими, то, во-первых, аргументы большинства следует непременно принимать во внимание и, во-вторых, обстоятельно опровергать их один за другим. 'Принятое мнение' может быть разрушено, если вводится новый фактический материал, который, естественно, предшественники не могли учесть

¹¹ Так, в частности, оценил итоги в свое время нашумевшей книги А Брюкнера с претенциозным названием [Bruckner 1913] его оппонент Г фон Шуберт [Schubert 1916 3]. Сам Брюкнер весьма скептически оценивал состояние исследования Кирилло-Мефодиевской проблемы *Nichts scheint festzustehen – die tollsten Einfälle jagen einander* [Bruckner 1913 4]

¹² Как пишет современный исследователь, метод радикальной историческо-филологической критики, в XIX в. приложенный к Евангелию, несмотря на отдельные конкретные достижения, привел к негативному итогу "Результат подобного пути отрезвляет. Собственно профессора хотели всего лишь сорвать с Иисуса 'догматические' облачения, смыть с Него церковные подмалевки', высвободить Его из 'оков' догмы. Но в итоге 'подлинный' образ Иисуса из Назарета так и не был получен. Нам стали предлагать один за другим образы Иисуса, несшие на себе приметы того или другого умонастроения, или духа, своего времени" [Schonbott 2002 30]

казателям, прочтения (= интерпретации) текстов в интенциональном аспекте и т.д., предполагают согласие умеренной части коллег со вниманием относиться к гипотезам, имеющим не строго доказательный, а вероятностный (правдоподобный) характер. Здравый смысл – это и есть рационалистическая критика текста¹³

В 1986 г. С. Кожухаров перечислил 7 древних (не моложе XIV в.) списков ДК (см. [Кожухаров 1995: 216–217]), причем два из них ввел в научное обращение сам исследователь¹⁴. В 1998 г. по *Ильиной книге* (далее – *Ил*), архаичному славяно-русскому богослужебному сборнику¹⁵, мы опубликовали 8-й список¹⁶. Обратившись к ныне забытым источникам, на которые указывали исследователи XIX в., а также на основании собственных разысканий, Л. Матейко довел количество списков ДК до 14 [Matejko 2001: 388–390]. Сейчас мы можем указать и на еще один, 15-й, вновь отысканный список: имеется в виду ДК в т.н. *Шестоднев служебном*¹⁷ второй половины XIV в. (сокращенно Шд, РГАДА, ф. 381, № 70, см. описание [Каталог № 170]).

Указанный список ДК интересен среди прочего, тем, что в нем представлен редкий тропарь IX-й песни канона *Потъци сѧ славне*¹⁸, к тому же в особой редакции. Этот тропарь имеет значение для гипотезы, развиваемой в настоящей статье, и соответственно (впервые) публикуется ниже¹⁹.

¹³ Аналогичная точка зрения представлена в исследовании [Алексеев 2001]. Эта же позиция развернуто изложена также в руководстве К и Б Аландов [K Aland, B Aland 1989: 299], причем авторы сопоставили здравый смысл со здравым учением Свщ. Писания (οὐδ' αἰνόυσα διδασκαλία, 1 Тим 1:10). Поскольку практически все конъектуры и другие догадки текстолога имеют вероятностный характер, без их оценки с точки зрения здравого смысла прогресс в текстологии был бы заранее исключен.

¹⁴ Ученый [Кожухаров 1986] фототипически опубликовал два списка: 1) по Служ. минее XIII в. за три первых месяца церковного года из собрания Зографского монастыря на Афоне (сокращенное наименование источника Зг), явл. № которой он указал как 88 (воспроизведены лл. 126^v–128^v); 2) по Служ. минее конца XIII – начала XIV вв. за те же месяцы из собрания Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии (№ 516, описание см. [Цонев 1923: 26], воспроизведены лл. 22^r–28^v). Этч. минею Кожухаров предложил именовать (по месту хранения) – *Софийской* (сокращенно *Сф*). Обе рукописи – южно-славянские (сербского) происхождения. Кожухаров приводит номер Зг по известному описанию [Ильинский 1908: 253–276], по новому каталогу Зографского монастыря источник имеет теперь № 53 (см. [Райков, Кожухаров 1994: 52, Турилов, Мошкова 1999, № 367]).

¹⁵ *Ильина книга* – это славяно-русская рукопись из собрания Российского Государственного Архива Древних Актов (РГАДА [Москва]) ф. 381 [Син. тип.], № 131, см. ее описание [СК № 76, Каталог № 16]). Наименование получила по выходной записи *Ил* с точки зрения ее состава, а также особенностей языка и текстов, представляет собой древнейший (из сохранившихся) слав. минейно-триодный сборник (так, она архаичнее знаменитой Путятиной минеи [XI в.]). Ныне *Ил* содержит только минейные последования: триодная часть анонсирована, но изъята. Книга, в отличие от других миней или триодей, не подверглась правке по Студийско-Алексеевскому уставу. Об архаичности самой *Ил*, о ее восхождении к южнославянскому протографу и о том, что она была переписана на Руси, свидетельствуют многочисленные данные языка и текста (см. [Верещагин, Крысько 1999]). Источник подробно обсуждается также в кн. [Верещагин 2001а: 251–418].

¹⁶ Димитровское последование по *Ил* (канон, три стихир, седален, всего 29 отдельных песнопений на шести листах [28^r–33^v]) опубликовано нами дважды: один раз – строка в строку, слово в слово, буква в букву, точъ-в-точъ (с приложением ксерокопий страниц) [Верещагин 1998: 27–41] и другой раз – стихометрически (с вариантами по *Тн*) [Верещагин 2001а: 384–390].

¹⁷ Полное название источника: *Шестоднев служебный, праздники со вставками из Триоди цветной и службы избранным святым*. Присутствие последования в мч. Димитрию Солунскому в Каталоге отмечено.

¹⁸ Он представлен в *Ил*, а также в т.н. Скопльской, или *Второй Софийской*, служебной минее (сокращенно – *2Сф*) опубликованной Б. Ст. Ангеловым [Ангелов 1958: 19–35].

¹⁹ Нами подготавливается и полное издание ДК по *Шд*.

Как упоминалось, старшим списком ДК по традиции считается текст, содержащийся в *Тп*. Так продолжает думать и Л. Матейко: Najstarší zachovaný odpis skládky pochádza z r. 1096 [Matejko 2001: 390]. Между тем версия ДК по *Ил* в аспекте языка явно архаичнее, и как раз Матейко мог бы сам наглядно убедиться в этом. Он напечатал, опираясь на предшествующий опыт Р. 122122Якобсона, реконструкцию IX-й песни (четыре тропаря и троицен; см. [Matejko 2001: 398–400]). Если взять его реконструкцию и сопоставить ее с версиями *Ил* и *Тп*, то по количественным показателям *Ил* намного меньше (примерно на одну треть) отходит от реконструированного текста, чем *Тп*.

Ниже, построив троестрочие, мы предприняли подобное сопоставление применительно к тропарям IX/1.2²⁰ и троицну IX/Г: первая строка (подчеркнутая) – реконструкция по Матейко; вторая (корпус) – по *Ил*²¹; третья (курсив) – по *Тп*. (Публикация этих трех песнопений потребует и для дальнейшего изложения.) Расхождения учитываются лишь в употреблении редуцированных, литер ѣ/ѣ и замены носовых (йотация, как признак конвенциональной орфографии, не учитывается); приняты во внимание и показательные морфологические варианты. Варьирование отъ/ѡ, естественно, не засчитывается. Фрагмент слова, содержащий расхождение, подчеркнут и набран полужирным шрифтом; в конце каждой строки показано количество расхождений. Притекстовые комментарии, набранные петитом, нужны для дальнейшего.

IX/1

(1) Прѣстолоу божню свѣтло прѣдѣстоа, мѣдре дѣмитрие,
 Прѣстолоу бѣжно свѣтло прѣдѣстоа, мѣдре дѣмитрие, (0)
Прѣстолоу бѣжно свѣтло прѣдѣстоа, мѣдре дѣмитрие, (4)

(2) не забѣди насъ нъ чьстьно моли са
 не забѣди же насъ нъ чьстьно моли са (0)
не забѣуди насъ нъ чьстьно моли са (1)

(3) о нашемъ окаѣнни страннѣемъ, свѣте,
 о нашемъ окаѣнни страннѣемъ, свѣте, (2)
о нашемъ окаѣннѣ страннѣемъ, свѣте, (2)

(4) нѣнѣ поющимъ твоѣ величѣ
 нѣнѣ поющимъ ^aтвоя величѣ (2)
нѣнѣ поющимъ твоя величѣ²² (1)

(5) ѣко възираемъ надѣюще са твѣрдо на твоѣ мольбѣ.
 ѣко възиграюще^a надѣюще са твѣрдо на твоѣ сѣтню. (2)
ѣко възирающе²³ надѣемъ са твѣрдо на твою мольбою. (3)

²⁰ Тропарь IX/3 отсутствует в *Ил*, а Тропарь IX/4 отсутствует в *Тп*.

²¹ Здесь и далее следуем эдиционным правилам, принятым в российско-германском коллективе, осуществляющем издание Декабрьской служебной минеи по древнейшим рукописям (см. [Верещагин, Ротэ 1996]). Древний текст воспроизводится буква в букву. Пунктуация и диакритика рукописи, за исключением титл, вообще говоря, опущены, но в ирмосе точки сохранены; выносные литеры показаны так, как в источнике. Анахронистически вносим от себя только опоясывающие запятые (чтобы выделить обращения). Словоделение и стихометрия (счет стихов-строк) привнесены (они отражают интерпретацию текста публикатором). Стихометрия по принципиальным соображениям предпринята только на синтаксической основе, отсюда количество строк тропарей в одной и той же песни канона может не совпадать. Конец строки в рукописи обозначается одной вертикальной чертой (|), конец страницы – двумя (||). Сторона листа знаменуется поднятыми лат. литерами (*лицевая* и *оборотная*). После номера страницы в рукописи указаны строчные границы песнопения.

²² Поскольку фрагмент *твоя величѣ* отсутствует в *Ил*, он исключен из подсчетов.

²³ Поскольку фрагмент *ѣко възирающе* отсутствует в *Ил*, он исключен из подсчетов.

а-а: Фрагмента в строках (4–5) твоа величѣа ѡко възирающе в Ил нет; между тем, если судить по ирмосу Всакъ зѣмьнъ (он хорошо известен, а о его месте в литургических книгах судим по современной практике²⁴), а также по другим тропарям IX-й песни, в указанных строках наблюдается нехватка слогов. Поэтому мы предприняли восполнение по *Tn* (заключено в квадратные скобки). – По отношению к этому вставному фрагменту, однако, нужна контекстно-смысловая конъектура: не възирающе (что не дает смысла), а възирающе. Глагол възиграати сѧ употреблен в ирмосе.

IX/2

(1) Оуслъшии, славыне, ницаа твоа нзынѣ
Оуслъшии нзы, сѣе, ницаа своа ра|бъи (0)
Оуслъшии, славыне, ницаа твоа^a нзынѣ (0)

(2) и оумнии сѧ ѣко отължчихомъ сѧ
и оумнии сѧ ѡко ѡлжчихомъ сѧ (1)
и оумнии сѧ ѡко ѡлоучихомъ сѧ (2)

(3) далече сѣще отъ свѣтъла храма твоего
далече сѣще ѡ свѣтъла| храма твоего (0)
далече соуше ѡ свѣтлаго храма твоего (2)

(4) и горатъ възнѣтръ наша сръдѣца
и горатъ вънѣтръ| наша сръдѣца (2)
и горатъ въноуѣтръ сръдѣца наша (2)

(5) и желаемъ, свѣте, твоеа цркъве
и желаемъ, сѣе, тво|еа цркъве (0)
и желаемъ, сѣе, твоеа цркъве (0)

(6) и поклонити сѧ къгда твоими молитвами.
поклонити сѧ когда| твоими мольбами. (1)
и поклонити сѧ къгда твоими молитвами. (0)

а: Поскольку рабъи представлено в четырех списках [Matejko 2001: 398], вероятно, в *Tn* – пропуск.

IX/T

(1) Безначальнаѣ тронце, елже трепещитъ
Безначальна трѣце, елже трепещи|тъ (2)
Безначальная трѣце елже трепещоуѣтъ (2)

(2) анѣли и страшнаѣ серафимъ
анѣли и многострашная сера|фимъ (1)
анѣли и страшная серафимъ (1)

(3) даждь хвалациимъ тѧ
дан хвалациимъ тѧ (1)
дан хвалациимъ тѧ (1)

²⁴ Он взят из набора ирмосов Троичного канона 4-го гласа Воскресной полунощницы.

(4) вѣрж оупѣванне и любѣвь неразлжчнмжк
вѣро|ж оупѣванне и л|убѣвь неразл|чнмж (2)
вѣроу оупѣванне и любѣвь неразл|учнмоу (3)

(5) къ цьсарьствоу божию настава|ѣжци
къ црст|внжк б|жию наста|вляюци н|зи (1)
къ црст|воу ст|оумоу наста|вляюци н|зи (1)

(6) мольбами н|згнѣ м|ченика тн
мольбами м|чѣка тн (0)
мольбами м|чѣка тн (0)

(7) и застѣпннка твѣрда градоу нашемоу
и застоу|пннка твѣрда гра|доу нашемоу | (2)
и застоу|пннка твѣрда гра|доу нашемоу (2)

Таким образом, языковых расхождений с реконструкцией у *Ил* – 18, у *Тп* – 26 Наряду с количественными показателями (в *Тп*, по сравнению с *Ил*, отличий больше примерно на треть²⁵), важны и качественные (скажем, в *Ил*, хотя и представлены случаи неорганичных написаний, присутствует и обычно правильно употребляется ж, тогда как в *Тп* большой юс вообще не представлен)²⁶ О близости текста *Ил* к южнославянской основе Матейко упоминает сам [Matejko 2001 394] Иными словами, не затрагивая сейчас вопроса абсолютной датировки *Ил*, подчеркнем, что этот источник по языку, да и по литургическим признакам²⁷, архаичнее *Тп* Соответственно najstarši zachovaný odpis ДК находится в *Ил*

Почти все исследователи, начиная с А В Горского, обращали внимание на IX ю песнь ДК и выдвигали гипотезы о ее природе и происхождении В отличие от других песней она, во-первых, написана не от лица всех христиан экумены, празднующих 26-го октября память великомученика Димитрия, а от лица *конкретной группы*, которая четко описана Кроме того, во-вторых, тропари и троичен IX-й песни ДК, отражают не всеобщие рече-поведенческие ситуации, а *ситуации конкретные* (причем, как увидим, в одном из тропарей можно заметить даже следование за изменением текущей ситуации) Наконец, в-третьих, молитвенные интенции, изложенные прямо или аллюзивно, также имеют не всеобщий, а *конкретно-избирательный* (отражающий нужды группы) *характер*

Это означает, что содержательное прочтение песнопений IX-й песни лингвистом может быть представлено в виде трех исчислений²⁸ Во-первых, предполагается применение референтного анализа (в итоге которого будет получен перечень отличительных признаков конкретной группы) Во-вторых, следует предпринять исчисление рече-поведенческих тактик (далее – *РП-тактики*), вследствие чего надеемся получить список характеристик конкретной ситуации (поскольку для рече-поведенческой ситуации типична *переменчивость*, ожидается фиксация ситуации для определенного временного периода) В-третьих, в силу специфики литургического (*прекативного*²⁹) текста, необходимо выявить молитвенные интенции, которые дадут

²⁵ Этот показатель в среднем выдерживается и по всему канону

²⁶ О других архаичных языковых характеристиках *Ил*, в том числе о развитой паронимии см [Верещагин, Крысько 1999]

²⁷ См подробнее [Верещагин 2001а 251–299]

²⁸ О лингвистической методике *исчисления* референций, рече-поведенческих тактик и интенций см подробнее [Верещагин, Костомаров 1999 20 и сл]

²⁹ Развернутый анализ *прекативного* (от *precatio* молитвословие) общения см [Кунцлер 2001–2002]

представление о том, в каком направлении, по мнению составителя ДК, по вмешательству святого должна измениться (или, может быть, уже изменилась) текущая ситуация. Для этого требуется исчислить иллюкутивные цели. Иными словами, речь идет о трех видах лингвистического анализа³⁰, сумма итогов которого приводит к прочтению источника.

Когда будут получены все три исчисления, то (такова гипотеза) не исключено, что окажется возможным соотнести конкретную группу, как она обрисована в IX-й песни, с определенной группой людей, известной по другим источникам. Не исключено также, что полученные выводы приведут к гипотетичному разрешению спорных вопросов Кирилло-Мефодиевской проблематики. В этом мы и усматриваем пошн нижеследующих разысканий.

Таким образом, ниже, в **части I** статьи, предлагается чисто лингвистический анализ IX-й песни ДК, в **части II** анализ имеет историко-филологическую природу.

I

Итак, по контрасту с другими песнями ДК, тропари IX-й песни отражают нужды группы людей, имевших бытие во времени и пространстве. Такой была допустимая практика сочинения канона в начальный период бытования жанра гимнографы. Обязывались в песнях канона I–VIII безличностно (или обобщенно-лично) отражать молитвенные нужды *всех* христиан, а в IX-й песни имели право изложить и свою личную жизненную ситуацию.

Об этом писал, например, Н. Л. Туницкий в IX ю. песнь, ' по правилам византийской гимнографии составители служб могли вносить собственный автобиографический материал и возбуждаемые им чувства. [Тунцкии 1913: 79]. Не все гимнографы пользовались этой привилегией. в ДК перед нами довольно редкий случай.

Прежде чем перейти к анализу, необходимо в дополнение к тропарям IX/1–2 и тричну IX/Г поместить еще два тропаря – (по нумерации Л. Матейко) IX/3 и IX/4. Тропарь IX/3 представлен в *Tn*, но отсутствует в *Ил* (так что печатается по *Tn*), тогда как тропарь IX/4, напротив, имеется в *Ил* (по которой и печатается), но отсутствует в *Tn*.

Всего сейчас по всем спискам мы знаем в составе IX-й песни (общим числом) восемь песнопений. Три из них Л. Матейко по веским причинам исключил из рассмотрения, и мы разделяем его позицию.

IX/3 (по *Tn*)

- (1) По чьто, моудре, ниции твои раби
- (2) едини лишаемъ са твоега оубо красоты
- (3) любьве ради зижнителя
- (4) по чьжимъ землямъ и градомъ ходяще
- (5) на посрамление, блжне,
- (6) триадычъникъ и еретикъ лють
- (7) воини бывающе

Этот тропарь представлен в 13-ти списках и в 12-ти из них имеет обычные (т. е. типичные для всего ДК) орфографические, морфологические и лексические варианты.³¹

³⁰ Что касается *референтного анализа*, то мы *mutatis mutandis* преимущественно держимся взглядов Е. Гоффмана [Goffman 1974]. *Рече-поведенческий анализ* покоится на собственной концепции *рече-поведенческих тактик* и *логоэпистемы* (см. из последних публикаций [Верещагин, Костомаров 1999, 2000а, 2000б: 72–118, 2000в, 2002]). В исчислении *перлюкутивных целей* в целом не отходим от взглядов, принятых в теории речевых актов (см., например [Серль 1986, Серль, Вандервекен 1986]).

³¹ Сводку разночтений см. [Matejko 2001: 399].

(типа *что/что, чѣжимъ/тоужимъ, градомъ/градовомъ, посрамленик/ пострадааник*). Между тем в одном-единственном списке (а именно: *Сф*³² [27^v 22–26; по фотокопии, опубликованной С. Кожухаровым³³]) три последние строки текста настолько радикально отличаются от версии *Тп*, что обычное варьирование, объясняемое бытованием источника во времени и в пространстве, приходится исключить. Ср.:

- (5) и посрамилъ ѱси
- (6) иретнигы тринеязычникы
- (7) лютиѳе воини оубѣли ѱси.

Об этой концовке еще предстоит говорить, а сейчас ниже следует последний тропарь IX-й песни:

IX/4 (по *Ил*)

- (1) Потѣци сѧ, славнѣ, <и> [в]арн³⁴ дь|ньсь
- (2) воеводствоми си льсть попираѧ тринеязычникъ||
- (3) и чьство нѣи сѣхрани
- (4) и варварѣхъ, сѣе, сѣца очьства ти
- (5) направи авиѣ въ пристанице
- (6) чьстномѣ хѣво не влаажце сѧ.

Тропарь IX/4 мог бы вызвать затруднения при прочтении, если бы в двух других списках, содержащих это редкое песнопение (*2Сф*³⁵; *Шд* [см. выше]), – строка (4) не читалась значительно яснее. Поскольку в дальнейшем потребуются полный текст тропаря по *Шд* (лист 222^v), он и публикуется ниже:

- (1) Потци сѧ, славнѣ, и вари днѣ
- (2) мужьствомъ си льсть попираѧ нѣинѣ поганъхъ трезазы
- (3) чѣтно нѣинѣ сѣхрани
- (4) и въ варварѣхъ, сѣе, сѣцаѧ очьства ти
- (5) настави и въ пристанице
- (6) честномѣ хѣво не влаажце.

Напротив недописанной лексемы *трезазы* (а ею в рукописи начинается строка) поздней рукой на поле даны пять букв **А Б В Г Д**. Тропарь несет на себе следы модификаций не вследствие бытования, а – редактуры. Интенции тропаря изменились: он теперь написан не от 1-го, а от 3-го лица. Вместо *нѣи* стоит *нѣинѣ*. *Въ варварѣхъ сѣцаѧ* – это больше не "мы", а "они": ср. местоимение *к* в строке (5). Лексема *трезазы*, скорее всего, попала из антиграфа: переписчик хотел заменить ставшее неактуальным слово *тринеязычникъ* на более понятное именование язычников. Он вписал от себя новую лексему *поганъхъ*, а дальше по инерции начал писать и слово антиграфа, написал шесть букв, затем спохватился и не стал дописывать.

В *2Сф* строка (4) имеет вид: *въ варварѣхъ, сѣе, сѣцѣжж ѿчьства ти*. С учетом данной версии и версии *Шд* ясно, что эта строка в *Ил* пострадала в процессе бытования, так что ее следует читать с двумя конъектурами: *въ варварѣхъ, сѣе, сѣцаѧ*.

Все пять песнопений IX-й песни (четыре тропаря и троичен) имеют прозрачную синтаксическую структуру и, за исключением версии *Шд*, не содержат испорченной лексики. Соответственно их можно герменевтически читать без дальнейших конъектур.

³² См. сн. 30.

³³ См. [Кожухаров 1986], в альбоме репродукций – приложение к указанной статье, №№ фотокопий: 1–14. Листу 27^v соответствует фотокопия № 12.

³⁴ Трудночитаемые в рукописи литеры, заключенные в скобки, прочитаны В.Б. Крысько.

³⁵ См. сн. 18.

В то же время следует помнить об особенностях *прекативной* коммуникации: лукавство и утаивание здесь исключаются³⁶.

Референтным анализом, как известно, могут быть, выявлены не только фоновые семантические доли объекта номинации, но и характеристики самого адресанта. В частности, выявляется ряд референтных семантических долей, т.е. частных смыслов, характеризующих группу, от имени которой пишет автор ДК. В качестве подтверждающего материала приводим (в минимальных контекстах) выписки из *Ил* (применительно к тропарю IX/3 – из *Тп*).

Итак, референтная группа:

[в аспекте духовности]

1) состоит из горячих приверженцев св. Димитрия: **Оуслыши ны ... свои рабы** (2:4)³⁷, **твой рабы** (3:1), – особо отмечены величие святого: **поючимъ твою величю** (1:4), его мудрость: **мудре димитрие** (1:1), близость к Богу: **престолю вжню свѣтло прѣдстою** (1:1) и скорый отклик на молитву: **направи аки** (4:5);

2) (груша) возносит ему (литургические) хваления-песнопения: **нынѣ поючимъ твою величю** (1:4);

3) твердо надеется на его заступление: **надеюще сѧ твердо на твою стѣну** (1:5);

[в локальном аспекте]

4) включает в себя уроженцев Солуни, отчества св. Димитрия: **сщцаго очества ти** (4:4)³⁸,

5) считает Димитрия надежным заступником родного ("нашего") города: **мольбами ... заступника твердо градоу нашему** (Т:7);

6) знает и помнит великолепную базилику св. Димитрия в Солуни³⁹: см. ниже п. 7;

7) отделена расстоянием от базилики: **далече сщце ѿ свѣтла храма твоего** (2:3), **лишаемъ сѧ твоею оубо красоты** (3:2);

8) сердечно скорбит по этому поводу: **горать вънутрь наша срѣца** (2:4)⁴⁰;

[в аспекте текущего времени]

9) сознает свое нынешнее положение как несчастное: **Оуслыши ... нищаго своих рабы** (2:1), **нищій твой рабы ... лишаемъ сѧ** (3:1–2)⁴¹;

³⁶ См сн. 29.

³⁷ Цифры от 1 до 4 и литера Т до двоеточия указывают соответственно на номер тропаря или на троицен; цифры после двоеточия указывают номер строки внутри песнопений.

³⁸ Об этом свидетельствует седален 2-го гласа, известный по *Ил*. Для него не отыскалось греч. соответствия. Гимн представляет собой вдохновенное прославление Солуни. Примечательно, что город назван не Солунью (*селѣнь*), а по-гречески, путем транскрипции (Фесалоники). Ср.:

(1) Хвали вѣроу, фесалоники,
(2) тебе просвѣщаю мѣнимъ димитрии дѣньсѧ
(3) въспраждьноуѣ славоу трысвѣтлоу просвѣщающу
(4) яко прѣмудрости авие и въ дѣвствѣ
(5) трыплетнннъ вѣнць носитъ и вѣнчае
(6) яко въ страсти въсславноуѣ память твораце
(7) поюща и славаца чьстно
(8) прѣчьстноуѣ славоу и прѣбогатннъ днь
(9) яко просвѣщающъ вѣрннъа бо/гоносно дньсѧ!

³⁹ Судя по окличке св. Димитрия, не может быть сомнения, что речь идет о главном храме Солуни (**храмъ твой, цръкы твоа = Димитриев[а]**), в котором совершается торжество в день памяти святого.

⁴⁰ Рецензент статьи предлагает видеть здесь реминисценцию Лк 24:32.

⁴¹ Лексема *нищъ*, употребленная дважды, не означает просто "бедный" и тем более "просящий подаяние", а применена в расширительном духовном смысле ("терпящий какой-либо недостаток"): *нищими* в обоих случаях названы отлучившиеся от базилики св. Димитрия в Солуни и лишенные зрения ее красоты.

10) считает молитвы святого особо действенными: **ΜΟΛΥΒΑΜΙ ΜΥΝΙΚΑ ΤΗ** (Т:6), **ΤΩΝΟΜΙ ΜΟΛΥΒΑΜΙ** (2:6);

[в аспекте будущего времени]

11) надеется, по молитвам святого, когда-нибудь вернуться в Солунь и к базилике: см. ниже п. 12;

12) чтобы поклониться там (имплицитно: мощам святого): **ΖΕΛΑΚΜΨ, ΣΤΪΕ, ΤΨΟΚΙΑ ЦΟΚΪΒΕ ΠΟΚΛΟΝΙΤΤΙ ΣΑ ΚΟΓΔΑ** (2:5–6).

Референтный анализ, как всегда бывает, может проводиться на разных семантических основаниях и с различными степенями подробности, но тем не менее исследователи как правило приходят к сопоставимым результатам. Так, С. Кожухаров отметил, что хотя "содержание девятой песни не дает прямых указаний об авторстве канона", тем не менее "несомненно, что его автор – уроженец Солуни" [Кожухаров 1988: 423]. Соответственно ср. выше 4-ю референтную семантическую долю.

Переходим к исчислению *РП-тактик*, реализованных в песнопениях⁴². Итоговая совокупность РП-тактик, по замыслу, позволит выявить главные смыслы текущей ситуации, в которой оказалась референтная группа.

Концепция РП-тактик покоится на пресуппозиции, что адресант, говорящий от себя (или от имени референтной группы) и о себе, особенно если он предается реминисценциям (о себе) или говорит о (своем) будущем, действует по закону *непосредственного вербального реагирования* на актуальный раздражитель. Важно при этом, чтобы аффект был сильным, и тогда человек невольно фиксируется на нем, вплоть до навязчивости; особенно текущие негативные аффекты (травмы) способны надолго завладеть непроизвольным вниманием говорящего. Конечно, непосредственное реагирование как правило не охватывает всего текста целиком; оно способно содержаться во фрагментах текста, временами весьма малых. Реагирование имеет множество конвенциональных ограничителей, прежде всего этического и этно-культурного свойства. На бытовом уровне закон выражен в пословицах: например, в евангельской: 'Εκ ὑψέρ περισσεύματος τῆς καρδίας τὸ στόμα λαλεῖ ("От избытка сердца глаголют уста"; Мф 12:34) или народной: "У кого что болит, тот о том и говорит". Адресант, говоря о себе, но даже и на отвлеченные темы, время от времени, как быходя по кругу, возвращается к своим актуальным раздражителям⁴³. РП-тактики актуального реагирования зачастую бывают закомуфлированы. реализованы вскользь, в шутке или оговорке; они сублимируются. Задача герменевта как раз и состоит в том, чтобы заметить и расшифровать их⁴⁴. Правда, в прекативных текстах информация, в том числе облекаемая в привычные метафоры, обычно сообщается открыто.

Скажем в заключение, что РП-тактики сами по себе – невербальны, так что их именование привносится исследователем.

Поскольку тропари – это распетые молитвы, то по свойствам жанра молитвы (напомним, что в IX-й песни может выражаться личностное содержание) адресант вправе, во-первых, от-

⁴² См. сн. 30.

⁴³ В бихевиористских терминах параллелизм ситуации и речи обстоятельно изложен К. Лайком [Pike 1967: 120–149]. См. также: [Аршинов 1999; Бахтин 1979; Брудный 1998; Гадамер 1991; Гаспаров 1996; Гиренок 1999; Грайс 1985; Иссерс 1999; Крипке 1986; Лопатин 1896. Лурья 1970; Серебренников 1988; Чейф 1983; Russel 1922] и др.

⁴⁴ Прекрасные образцы выявления затекстной информации оставили свв. отцы, толкователи Свщ. Писания. Ср., например, интерпретацию Иоанном Златоустом лексемы **τότε** (*тогда*) в начале фразы **Τότε πορευθεῖς ... Ἰουδας Ἰσκαριώτης** ("Тогда шед ... Иуда Искариотский"; Мф 26:14) [Творения 1899: 416]. Герменевт задается вопросами: "...Евангелист ... не просто сказал: *шед*, но прибавил: *тогда шед*. *Тогда*; скажи мне: когда? И для чего он означает время? Чему он хочет научить меня? Не без цели сказано это: *тогда*, – говорящий Духом не говорит напрасно и без цели. Что же значит это *тогда*?" Герменевт отдает себе отчет в том, что без специального исследования сокрытая информация не открывается: "Эти слова, по-видимому, ясны и ничего более в них не подразумевается; но если кто тщательно исследует каждое из этих слов, то найдет в них много предметов для размышления и великую глубину мыслей" (Там же).

кровенно говорить о своих обстоятельствах и, во-вторых, просить помощи свыше (но не проявляя при этом нетерпения). Множество святоотеческих наставлений о молитве построено именно таким образом.

Итак, РП-тактики IX-й песни ДК таковы:

[в аспекте общения со святым]

1) озабоченность тем, что молитва может оказаться недоходна до святого: **не дажди же насъ** (1:2), **оуслыши ны, сѣе** (2:1);

2) препоручение себя покровительству святого: **своа рабъ** (2:1), **твои раби** (3:1);

3) апелляция к милосердию святого: **и оумли сѧ**⁴⁵ (2:1);

4) предвосхищение (в будущем) радости от того, что святой поможет: **яко възиграюще** (1:5);

5) надежда (в настоящем) на помощь святого: **надѣюще сѧ твердо на твоѧ сѣию** (1:5);

6) право на заступничество именно Димитрия, поскольку молитву возносят – земляки святого: **застоупника твердо градуу нашемуу** (Т:7), **сѧщаа оѣства ти** (4:4);

7) демонстрация горячей любви-приверженности святому посредством метафоры: **горать вънѣтръ наша срѣца** (2:4);

[в аспекте изложения неблагоприятной ситуации]

8) сетование (θρήνος) на нынешнее неблагоприятное местопребывание: **Ѡлжничомъ сѧ далече ... Ѡ ... храма** (2:2–3);

9) сетование на духовный ущерб от неблагоприятного местопребывания: **лишаемъ сѧ твока ... красотъ** (3:2);

10) указание на желанное местопребывание в будущем: **желаемъ ... твока црѣве поклонити сѧ когда** (2:5–6);

11) сетование на (по макроконтесту: вынужденный) неоседлый, скитальческий (стало быть, в том числе и опасный) образ жизни: **окааник** конкретно названо **страннѣмъ**⁴⁶ (1:3) – да еще и за пределами своей страны: **по чѣжимъ землямъ и градомъ ходяще** (3:4), да еще и в среде варваров: **въ варварѣхъ ... сѧщаа** (4:4);

12) соответственно общая оценка ситуации как тяжелой, достойной жалости: **наше окааник**⁴⁷ (1:3); **рави** Димитрия дважды назвали себя **ниции** (2:1; 3:1);

[в аспекте выставления собственной добродетели]

13) ссылка на благородный мотив противоборства с неправо верующими христианами: **на посрамленик ... триязычникъ**⁴⁸ и **еретникъ ... вонни бѣваюце** (3:5–7);

⁴⁵ Характерный вариант в *Тн* и других источниках: **оумоли сѧ**.

⁴⁶ **Страннѣ** – "путник, странник; человек, идущий куда-либо (иди бродящий без цели) и потому сейчас, временно или постоянно, не имеющий дома" (ср. в Мариином четвероевангелии [Мф 25:35]: **страннѣ вѣхъ и въвѣсте мѧ**).

⁴⁷ Лексема **окаѣник/окааник**, как и лексема **страннѣ**, на фоне русского языка принадлежит к числу межъязыковых омонимов: **окаанный** – "проклятый, греховный, нечестивый; очень плохой". Отчасти эта семантика присутствовала и в церковнославянском древнейшего периода; ср. пс 136:8 по Синайской псалтыри: **Дѣшти вавилоньска окаанаа** (ή τολαιπωρος; синодальный перевод: "опустошительница"). Между тем **окаанъ** или **окааннѣ** имело и другое значение – "достойный жалости, злосчастный, бедный (= попавший в беду)"; оно реализовано в контексте тропаря IX/1.

⁴⁸ По мнению Ф. Томсона, созданный Кириллом обличительный термин **трыязычникъ** – неудачен, поскольку противоречив: это и trilinguist и triparan [Thomson 1992: 67]. Известна также попытка А.Д. Воронова понять лексему **трыязычникъ** как геминированную номинацию язычников (τρι-εθνικοί) [Воронов 1878, IV: 157]. Можно также думать, что варьирование **поганыхъ/триязычникъ**, представленное в *Шд*, отражает синонимичку. Между тем отождествление "пилатников" и "триязычников" (**пилатнѣ и трыязычнѣ**), предпринятое в Пространном житии Мефодия, исключает возможность понять обличительную номинацию как triparan и предписывает прилагать ее лишь к тем людям (христианам), которые говорили: **не достонтъ никоторомуже языку имѣти боукъ своихъ, разве евреи и грѣкъ и латинѣ**.

14) при этом восприятие триязычников как большей опасности, чем еретики, – они упоминаются в двух тропарях на посрамление триязычникъ (3 5–6) и лъсть триязычникъ (4 5–7),

15) ссылка на собственную жертвенность, ради любви Бога-творца лишаемъ сѧ любѣве ради зижителя (3 2–3),

[в аспекте изменения ситуации по вмешательству святого]

16) побуждение святого к молитве с целью изменения общей ситуации чьстьно моли сѧ о нашемъ окаании (1 2–3),

17) моление (ἐκτενής) о прекращении скитальчества и обретении оседлого места (пристанища) о нашемъ окаании страньнымъ (1 2–3), направи абик въ пристанице не вълажце сѧ ,

18) моление о возвращении в Солунь, к базилике святого жележмъ, сѣе, твоякѧ црѣве твоими молитвами (2 5–6)

Результаты референтного и рече-поведенческого анализом, как видим, частично перекрываются. Это не удивительно – характеристики референтной группы органично выражаются в однородных РП-тактиках адресанта, говорящего от ее лица. Что же касается перлокутивной цели адресанта в речевом акте⁴⁹ – те его интенции, – а святой выступает как адресат молитвы, – то и формулировка перлокуции как правило отчасти пересекается с информацией, добытой в референтном и рече-поведенческом анализе.

В тексте – в том числе и небольшом по размеру, может быть несколько перлокутивных целей (своя для каждого фрагмента), но может быть и только одна. Напомним, что в теории речевых актов наряду с перлокутивной целью, входящей в замысел адресанта, учитывается еще и приводящий иллокутивный эффект⁵⁰, но сейчас от него отвлечемся.

Итак, нам предстоит выявить, с какими конкретными целями написаны четыре тропаря и троица.

В двух песнопениях выявлено по одной перлокутивной цели и в еще двух – по две – в IX/1 перлокутивная цель имеет не конкретный а общехристианский характер.

Тропарь IX/1 структурно состоит из пяти компонентов: оклички-инвокации святого (строка 1), призывания его на помощь (строка 2), изложения основной для группы нужды (в данном случае – именованная бедствия, проистекающих из бездомности и скитальчества [моли сѧ] о нашемъ окаании страньнымъ; строка 3), самоидентификации группы (строка 4) и выражения твердой надежды на помощь святого (строка 5).

Поскольку окличка святого, призывание его на помощь и твердое на него упование – это рутинные элементы молитвы (*loci communes*⁵¹) и так как самоидентификация группы, естественно, не может быть основной целью прекратившей коммуникативной группы, путем исключения получаем, что единственная перлокутивная цель тропаря – сетование (θρήνος) на скитальческий образ жизни, который группа хотела бы при помощи святого переменить.

Таким образом вопреки представленному даже в Свщ Писании стереотипному представлению, что скитальчество – общий признак христианина – в данном случае сетование на скитальчество представляет собой именно *locus proprius* – признак конкретной ситуации в которой оказалась данная референтная группа.

⁴⁹ Или, в иных терминах, основной интенции.

⁵⁰ Так, одна и та же перлокуция находит себе выражение в иллокуции определенного вида [Серль, Вандервекен 1986 252–263].

⁵¹ Если сказать точнее, то это *loci theologici*, т.е. общепринятые богословские атрибуты коммуникации между земным адресантом и носителем святости.

Тропарь IX/2 также состоит из оклички святого, *supplicium'a* (призыва его на помощь), а далее недвусмысленно сказано, в чем состоит бедствие референтной группы – в невозможности в день памяти св Димитрия побывать в его храме и поклониться его мощам Почему? Потому что "мы отлучились" Причина отлучки не названа Ясно лишь, что отлучка воспринимается как тягота Следовательно, перлокутивная цель тропаря IX/2 не отличается от таковой тропаря IX/1 *сетование на скитальчество*, одним из бедствий которого является удаленность от "светлого храма"

Собственно, на первый взгляд может показаться, что та же перлокутивная цель характерна и для тропаря IX/3, причем на сей раз скитальчество отчетливо названо по имени – "по чужим землям и градам хождение" (3 4) Тем не менее в третий раз называть одну и ту же прекативную интенцию было бы излишним на сей раз обозначена, наконец, причина скитальчества – посрамление неправоверия, в частности *ложной доктрины* (в следующем тропаре будет сказано *лести*) триязычников Отметим, что, похоже, дружина скитальцев (употреблен термин военной сферы *воини*) надеется справиться с неправоверными собственными силами

Видимо, сопротивление неправоверных оказалось упорным, так что в тропаре IX/4, напротив, оставлена надежда на свои силы и на борьбу с лестью триязычников призван святой (*потъщи са, славне, вари дньсь, 4 1–2*) Здесь снова употреблена лексема военной тематической сферы *воководство* Здесь даже предвидится возможность поражения дружины в борьбе с триязычниками, так что святой должен вступить и *чъстно ны съхрани* (4 3) Таким образом, перлокуция состоит в побуждении святого присоединиться к борьбе с неправоверными Кроме того, поскольку тропарь IX/4 распадается на две тематически самостоятельные и даже количественно равные части (строки 1–3, строки 4–6), в нем легко выявляется и вторая перлокутивная цель, выраженная метафорически святого умоляют *положить конец скитальчеству* группы, находящейся в среде варваров.

Что же касается триязычников то упоминания о борьбе с ними имеются в *Ил* еще в двух случаях в составе Последования на усение первоучителя Кирилла (под 14-м февраля) в 1-м тропаре III-й песни (128^r 6–10) и в заключительном седальне (132^v 16, 132^v 1–10) Ср

- (1) *Словомъ и срдцѣмъ и азъкомъ* | *ѿ са прѡповѣда*
 (2) *прѣмудрѡстѣ же и силѣ и слово възпльщѣше са* | *вѣне*
 (3) *стрѣлами прѣтѣчѣ|нами оудниѣ* | *триязычникы* |
 *В рукописи Син 164 (XII в ГИМ) *оудниѣ*⁵²

- (1) *ѿко зарѣ прѡсвѣщѣ всю землю* | *еретикы гонши въ каа*
 (2) *на възтоцѣ и западѣ и сѣ|верѣ и оузѣ*
 (3) *и триязычны* | *правши прѡповѣдаа концѣ|мъ*
 (4) *въ азъкъ нхъ глѣ книгы прѣлагаа*
 (5) *рима же дошедѣ* | *тж и тѣло свое положи вѣжне*
 (6) *и дшю свою въ рѣцѣ гни прѣда|сть*
 (7) *влговѣрныи оучителю* |
 (8) *моли ѿ ба грѣховъ оставае* |

⁵² Испорчено (гаплография) должно быть (по Син 164) *триязычникы*

Наконец, обращаемся к последнему песнопению IX-й песни ДК В троицне IX/Г выделяются две части первая – это моление к Пресв Троице, состоящее из общих догматических мест, вторая – инвокация святого, примечательная тем, что референтная группа самым недвусмысленным образом объявляет себя уроженцами города, избирательным заступником которого является св Димитрий, т е Солуни Перлокутивная цель в троицне для целей настоящего исследования не имеет значения, поскольку она изложена в обще-христианском духе и лишена конкретности

⁵² Ф Томсон считает первичным именно это чтение *оудани* (= stifled) [Thomson 1992 69] Здесь и далее мы учитываем мнения Ф Томсона, поскольку он является автором серьезной монографии о доктрине триязычия

Таким образом, референтный, рече-поведенческий и перлокутивный анализ текстов IX-й песни ДК (за исключением IX/Т) позволил выявить две основных интенции, содержащихся в них: 1) сетование на скитальческий образ жизни; 2) переживание острой борьбы с неправовверными. Эти тяготы сопряжены: скитальчество обусловлено борьбой с неправовверными. Ситуация, в которой оказались члены референтной группы, по их самосвидетельству, характеризуется именно названными двумя бедами. Примечательно, что они обе изложены в тропарях не путем аллюзивирования (как нередко бывает в гимнографии), а совершенно открыто и явно.

II

Теперь наступило время соотнести информацию, извлеченную исключительно из песнопений, с теми сведениями о первоучителях Кирилле и Мефодии и дружине их учеников, которые известны из других надежных источников. Гипотеза, согласно которой тропари IX-й песни отражают нужды и чаяния именно этой группы, многократно высказывалась в литературе вопроса.

Были первоучители скитальцами-странниками? Да, были. Начиная от сарацинской миссии, первоучители – сначала вместе, а затем один лишь старший брат (с учениками) – постоянно перемещались в пространстве.

Может быть, состояние скитальца является обязательным для христианина? Нет, не является. Множество христиан живет оседло, имеет домá и обитает в них (такова обходная жизненная норма, имеющая, кстати сказать, по Платону, характер врожденной идеи: "жилище – это благо").

С одной стороны, христианство не отрицает ни оседлого образа жизни, ни важности для человека собственного дома. Наиболее характерна, пожалуй, притча о благоразумном и безрассудном домохозяине: "Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному (ἀνδρὶ φρονίμῳ), который построил дом свой на камне [...]. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному (ἀνδρὶ μωρῷ), который построил дом свой на песке [...]" (Мф 7:24–27). Ясно видно, что Иисус исходит из обычной предпосылки, что иметь дом – ничуть не зазорно; напротив, благоразумный домохозяин удостоен похвалы. 132132

На пресуппозиции важности дома в жизни человека построены, например: призыв бодрствовать, чтобы не пустить вора в дом (Мф 24:43); заповедь ученикам приветствовать тех, кто находится в доме (Лк 10:5); предостережение против разделений в доме (Мф 12:25); ссылка на бедствия от запустения в доме (Мф 23:38) и т.д.

С другой стороны, сам Христос все же был скитальцем ("странствующим рабби")⁵³, а его апостолы также не имели постоянно жилища. Действительно, Христос, не имея, где приклонить главу (сѣѣ члѣвчскы не имать къде главы подъклонити [Мф 8:20; так же Лк 9:58; здесь и далее цитируем по Мариинскому евангелию]); он неоднократно призывал своих учеников последовать своему примеру. Отвѣщавъ же Ісѣ рече. аминь глѣв вамъ. никтоже естъ иже оставитъ домъ [...] мене ради и евангѣлїѣ. аште не имать прияти [...] въ вѣкъ граджштнн животъ вѣчннн (Мк 10:29–30). Призыв нашел многочисленных последователей. Например, объясняя, почему первоверховный апостол Петр, совершивший троекратное отречение от своего учителя, тем не менее помилован, Иоанн Хризостом в знаменитом Поучении в неделю Пасхи вкладывает в уста Христа риторический вопрос (цитируем по старопечатному Златоус-

⁵³ Это его состояние всячески подчеркивалось в святоотеческой книжности. В частности, см. цепочку соответствующих предикаций в Слове на погребение Христово Елифания Кипрского (по тексту Супрасльской рукописи). Иосиф Аримафейский является к игемону Пилату и увещевает его выдать тело Иисусово: даждь ми тѣло мрътво на погребение ... Ісоуса ништааго. Ісоуса бесхрамника ... неврѣгома въсѣми ... Даждь ми сего страннааго. емоуже мѣста и жилишта не съвѣмъ ... Даждь ми сего страннааго. не имжштааго съде къде главы подъклонити. даждь ми сего страннааго въ страннннхъ ѡко странна бесхрамника ... Даждь ми сего страннааго ... иже ни града ни вьси. ни храма ни обитѣли ни рода имать. въ стоужден странѣ (Супр 454,15-455,6).

ту): **Тѣбѣ же, оставльшъ мене ради дѣмъ, женѣ и дѣти, единачу ли грѣхѣ не оставлю;** Далее, ап. Павел, перечисляя жизненные испытания, которые христиане взяли на себя ради проповеди новой религии, пишет: **каѣ ѡстѡтѡбѣн "и скитаемса"** (1 Кор 4:11). Ср., наконец, тематический ряд тягот, в который поставлено скитальчество (цитируем по синодальному изданию слав. Библии): **... до нынѣшнягѡ часа ѡ ѡлчѣмъ, ѡ жаждемъ, ѡ наготѣемъ, ѡ страждемъ, ѡ скитаемса, ѡ трѣждаемса, дѣлающе своими рѣками.**

С учетом возможности выбора между оседлой и скитальческой жизнью члены референтной группы не последовали (совсем не зазорному) императиву обыденной этики иметь жилище, а выбрали для себя альтернативный путь этики строгой⁵⁴. Этот выбор едва ли был им навязан; ясно сказано, что он был сделан добровольно: **любѣве ради зижитѣла** (3:3).

В свете сказанного сошлемся на ситуацию аналогичного выбора, известную из Пространного жития Мефодия. О последних днях Константина-Кирилла в нем сказано: **По днѣхъ же многѣхъ философъ, на соудъ градъин, рече къ мефодию братѡу своему: "се, брате, бѣ соупроуга ваховѣ, канноу враздоу тажаца, и азъ на лѣстѣ падаю, свои днѣ съконьчавъ; а ты любниши гороу вельми, то не мози горты ради вставиши оучениа свокогѡ, паче же можешн кымъ спсѣнь вѣтити"** (цитируем Успенский сборник; по изданию [Лавров 1930: 73]). Говоря иначе, незадолго до смерти, Кирилл, почувствовал опасение, что брат его Мефодий (по человеческому естеству, ищущему оседлости и покоя), пожелает вернуться на место игумена в свой любимый монастырь (предположительно Полихрон на малоазийской горе Олимп). Оседлость и покой, как упоминалось, – желанная и законная цель любого человека. Тем не менее Кирилл призывает брата продолжить тяжкий путь скитальчества и беспокойства. Спасительной для брата первоучитель объявил "безместную", благоприятную жизнь: **проповедю оучениа свокогѡ среди славян Мефодий может спсѣнь вѣтити.** Поскольку в увещании содержится фактическое предупреждение против оседлой жизни (**ты любниши гороу вельми, но: не мози горты ради вставиши оучениа**), имплицитно, что в данной конкретной ситуации скитальчество скорее (**паче же**) приведет к спасению души. Мефодий сделал выбор и последовал заповеди брата.

Тема скитальчества развернута в замечательной стихире 5-го гласа из последования Димитрию по Зг (в издании [Кожухаров 1988: 425])⁵⁵:

- (1) Приди, мнѣче хвѣ, къ намъ
- (2) трѣвоующимъ мѣтвѣна посѣщенна
- (3) иззави шзловленна мѣнычными прѣщенин
- (4) и лютиимъ неистовствомъ кереси
- (5) ююже тѣко плѣнни и назн гонимн исьми
- (6) мѣсто ѡ мѣста често прѣхажяюще
- (7) и влаудеце въ врьтѣпѣхъ и въ горахъ
- (8) оуцедри оубо, прѣхвальне,
- (9) и дажь намъ ослабоу и оустави боуроу
- (10) и разрѣши негодованне юже на насъ
- (11) боу помолн се подающемоу мироу велию мнѡсть

⁵⁴ Вопрос выбора скитальчества как образа жизни ради служения Нуминозному (термин Рудольфа Отто), т.е. по императиву сильной этики, подробно обсуждается в кн. [Верещагин, Костомаров 2002: 108–129]. Нуминозное, по Отто, не передаваемый словами, но реальный опыт человека, когда тот в определенные моменты отчетливо переживает присутствие чего-то *радикально иного*, чем он сам и окружающий его мир; нуминозное – первопричина *строгой* (или *сильной*) этики [Отто 1963: 13–16, 42 и сл.].

⁵⁵ В целокупном последовании Димитрию среди стихир имеются песнопения, переведенные с греческого [Верещагин 2001а: 389]. Известны и стихиры, для которых греч. соответствия не приисканы. Стихира из Зг, по мнению С.Кожухарова, входит в число последних: "Предварительные наблюдения върху стихирарния състав дават основание да се допусне, че Методий е написал и стихирн към Канона, чийто брой засега е невъзможно да се предположи. Със сигурност обаче може да се приеме, че авторът на Канона е автор и на стихъира [...] "Приди, мнѣче хвѣ, къ намъ" [Кожухаров 1986: 77].

На этом заканчивается конкретно-историческое рассмотрение сетования на скитальчество – первой из двух главных интенций IX-й песни ДК. Что же касается второй главной интенции – противоборства с триязычниками, то ее анализ, на наш взгляд, может послужить уточнению времени создания ДК, точнее – выявить *terminus ante quem*, а также поставить вопрос о редактировании одного из тропарей канона под влиянием изменившейся текущей ситуации.

Мотив противостояния триязычникам звучит в житиях неоднократно⁵⁶

В Пространном житии Мефодия читается *блѡхѡу же етера многа чадь, таже гоуѡхѡу словѣнскыя книги, глѡюще тако не достонть никоторомоу же ѡзыкоу имѣти боуковъ свонхъ, разве еврѣн и грѣкъ и латинъ, по пилатовоу писанию, кже на крѣстѣ гни написа, еже апостоликъ*⁵⁷ *пилатъны и трѣязычныи нареклъ проклатъ*⁵⁸

В Пространном житии Константина-Кирилла сказано *въ латцѣхъ (= Венеции) же бывшоу емоу, собравшеса нань латиньстѣи епископи и поповѣ и чернорисци, тако врани на соквалѣ, и въздвигоша триязычноу ересь, глаголюще (чловѣче,) скажи намъ, како ты еси нынѣ створилъ словѣномъ книги, и оучиши а, иуже нѣсть никтоже нынѣ перѣѣ оврѣлъ, ни апостолъ, ни римьским папѣжъ, ни фелогъ григорѣи, ни иеронимъ, ни августинъ мы же три ѡзыки токмо вѣмъ, имиже достонть въ книгахъ славити бога, еврѣнскы, еллинскы, латиньскы.*

Сведения о концепции триязычия в связи с миссией Кирилла и Мефодия к славянам Центральной Европы можно найти в ряде публикаций⁵⁹

Триязычная доктрина, как известно, состоит в том, что в скриптурном⁶⁰ и литургическом употреблении могут быть по праву всего лишь три «священных языка», – те самые, которые использовал Пилат в надписании на кресте Иисуса Христа, а именно еврейский, греческий и латынь. Пропоненты концепции ссылались на суждения некоторых отцов и учителей Церкви – Иеронима Стридонского (ок. 342–420), Илария Пиктавийского (или из Пуатье, ок. 310/320–367), Исидора Севильского (ок. 560–636) и др.

В середине XIX в. австрийский историк Э. Дюмлер (см. [Dummler 1854 179 и сл.]) выступил с догадкой, согласно которой истоки концепции триязычия усматриваются именно у Исидора, богослова энциклопедической образованности в эпоху темных веков (*postri saeculi doctor egregius*⁶¹). Действительно, в знаменитом трактате *‘Etymologiae’* Исидор отстаивает мысль об исключительности иврита, греческого и латыни, во всяком случае, у него в эксплицитном виде присутствует понятие «священного языка», и именно он приводит «аргумент от Пилата» *Tres autem sunt linguae sacrae Hebraea, Graeca, Latina, quae toto orbe maxime excellent. Nis enim tribus linguis super Crucem Domini a Pilato fuit causa eius scripta* [*Etymologiae*, XI,13⁶²] («Имеются всего три священных языка – еврейский, греческий, латинский, и они наиболее выделяются во всем мире. Посему и Пилатом на трех языках была сделана надпись на Кресте Господнем») В *‘Etymologiae’* – (IX,1, XI,13)

Суждения Исидора можно интерпретировать по-разному, но в сеп. 50 поместного Франкфуртского собора 794 г. следы концепции триязычия выражены недвусмысленно: там говорится, что в проповеди и во внелитургических молитвах использование родных языков паст-

⁵⁶ Славянские тексты выписываем по изданию [Лавров 1930] переводы житий на современный русский язык заимствуются из кн. [Флоря 2000]

⁵⁷ Те папа Римский Имеется в виду папа Адриан II

⁵⁸ По мнению Ф. Томсона, когда папа Адриан II произвел термин *пилатъны* и проклял *латников*, речь может идти не об *анафеме*, а только об *отлучении* от церкви (*экскоммуникации*). Именно в IX в. в Риме и в Империи франков стали проводить четкое различие между *анафемой* (вечным проклятьем) и *отлучением* (оно предполагало [временный] запрет причащаться) [Thomson 1992 68]

⁵⁹ См., например, [Grivce 1960 76–77], [Дуцѣв I 1961], [Dvornik 1970 367], [Куцев 1966 53–65], [Флоря 2000 251–252] и т.д., в названных книгах см. и библиографию вопроса

⁶⁰ Скриптурный (от [sacra/divina] scriptura) жанр книжности – жанр книг Свщ. Писания

⁶¹ Так его называли на VIII-м поместном Соборе в Толедо (653 г.)

⁶² Migne, PL, t. 82, 3–4 (1878) col. 326

вы – разрешается⁶³, этим имплицировано, что не допускается использование за богослужением и при чтении Свщ Писания родных языков⁶⁴

Соответственно в полемическом анонимном трактате "Opusculum Contra Francos" (Περὶ Φράγγων καὶ τῶν λοιπῶν Λατίνων)⁶⁵ доктрина триязычия приведена в качестве одного из заблуждений латинян. Хотя сочинение восходит ко 2-й половине XI в. (или даже к началу XII в.), в нем содержатся заимствования из трактата 2-й половины IX в., приписываемого патр Фотию (опубликован Гергенретером [Hergenrother 1869 62–71], см также [Papadopoulos-Kerameus 1897]). В частности, в трактате с осуждением говорится (франки = латиняне) λέγουσι μὴ δεῖν ἄλλοις γλώσσαις τὸ θεῖον ὑεραῖρεσθαι⁶⁶, εἰ μὴ ταῖς τρισὶ ταῦται διαλέκταις ἑβραϊστί, ἑλληνιστί, ῥωμαῖστί⁶⁷ [Hergenrother 1869 68]. Если сделать скидку на полемический задор трактата, все-таки в нем адекватно отражается превалирующая практика Западной Церкви⁶⁸.

Что касается позиции самого патр. Фотия, современника Кирилла и Мефодия, то она ко свенно отразилась в документе конца XII в. – ее подытожил великий канонист Феодор Вальсамон, патриарх Антиохийский (род ок 1140 – ск не ранее 1195 г.)⁶⁹. Вальсамон, как известно, толковал канонические тексты, написанные задолго до него, – например, при патр Фотии и раньше, – так что и в его авторитетном определении относительно переводного богослужения не-ромеев усматривается отражение многовековых воззрений. Отвечая на вопросы патриарха Александрийского Марка, в частности на 5-й вопрос⁷⁰, он сначала сослался на авторитетнейшее мнение ап Павла⁷¹, а затем (как бы в качестве вывода) заявил

⁶³ Впрочем, в cap 52 указанное ограничение как будто снимается. Ut nullus credat, quod non nisi in tribus linguis Deus orandus sit, quia in omni lingua Deus adoratur et homo exauditur, si iusta petierit ("Никто да не верует, что Богу можно молиться только на трех языках, поскольку Богу можно поклоняться, и человек будет услышан, на любом языке, если он просит то, что праведно") [Dvornik 1970 367]. На деле же здесь говорится о том, что допустимы на родных языках лишь частные молитвы. В решениях поместных соборов Западной Церкви начала IX в. (Аахенском 802 г., Майнцском 813 г.) говорилось о необходимости "для духовенства проповеди населению на домашнем языке" и даже предписывался "с этой целью перевод некоторых проповедей на народную латынь или немецкий. Одновременно людям, которые не знают латыни, разрешалось молиться Богу на своем языке. Однако совершение богослужения допускалось лишь на трех 'священных' языках" [Флоря 2000 251–252]. Исключительное употребление латыни как литургического языка на Западе продолжалось вплоть до решения II Ватиканского собора от 4 декабря 1963 г., отменившего монополию.

⁶⁴ Даже весьма ангажированный Ф Томсон, выражаясь очень осторожно, решения Франкфуртского собора признал свидетельством, пусть и "единственным", способным указать на концепцию, которая подобна триязычию в смысле Кирилла и Мефодия.

⁶⁵ См подробнее [Beck 1977 538].

⁶⁶ По Лексикону Лиддела/Скотта, ὑεραῖρω – 1) *to honour or reward with a gift*, 2) *to celebrate*. По Лексикону Лампе, 1) *to honour*, 2) *esp to God, worship*. Если семантика истолкована правильно, – а Лампе ссылается на целый ряд выписок из свв отцов, – то речь идет специально о запрещении совершать богослужения, т.е. о запрете именно на литургию.

⁶⁷ Есть и точный слав перевод: *молвиать бо тни, јако не достонть инѣмъ языкомъ хвалити Бога, но токмо тремя языки, жидовьскимъ языкомъ, еллинскимъ и римскимъ* [Попов 1875 115].

⁶⁸ Ф Томсон исследовал еще три полемических каталога латинских заблуждений с упоминаниями о трилингвизме (из рукописи митр Кирилла Кизичского [после в 1204 г.], из кодекса, переписанного в 1281 г. неким Львом, из послания, направленного митр Никифором Киевским [1104–1121] Ярополку Волынскому [ск в 1123 г.]), все они взяты из Opusculum a. Все византийские ссылки на западный трилингвизм не связаны с миссией Кирилла и Мефодия и представляют собой самостоятельный источник.

⁶⁹ Подробнее о личности и трудах Феодора Вальсамона см [Beck 1977 657–658] и [Красножен 1911].

⁷⁰ "Нет ли ущерба при совершении священных действий на местном диалекте православными верующими, сирийцами или из Армении, а также из других областей, или им необходимо священнодействовать по греческим книгам?" [Migne 1865 957].

⁷¹ "Ὁ μέγας ἀπόστολος Παῦλος, Ῥωμαῖοις ἐπιστέλλων, φησὶν ἢ Ἰουδαίων μόνον ὁ Θεός, οὐχὶ δὲ καὶ ἐθνῶν; καὶ καὶ ἐθνῶν [Migne 1865 957]" ("Великий ап Павел, в послании к Римлянам, говорит: Неужели Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников" [Рим 3 29]).

Οἱ γοῦν Ὀρθοδοξοῦντες ἐν πᾶσι, κᾶν ὡσι τῆς Ἑλληνίδος φωνῆς πάμπαν ἀμέτοχοι, μετὰ τῆς ἰδίας διαλέκτου ἱερουργήσουσιν, ἀντίγραφα ἔχοντες τῶν συνήθων ἀγίων εὐχῶν ἀπαράλλακτα, ὡς μεταγραφέντα ἐκ κοντακίων καλλιγραφηθέντων διὰ γραμμάτων Ἑλληνικῶν [Migne 1865: 957]. Таким образом, он указал, что православные не-ромеи вправе священнодействовать на родных языках, но (лишь) при условии, что они "имеют совершенно одинаковые"⁷² списки принятых святых молитв, переведенные⁷³ с исправно переписанных греческих литургических книг⁷⁴. Феодор Вальсамон, как представляется, фактически выставил два ограничивающих условия: во-первых, все литургические книги на местном языке должны быть одинаковыми; во-вторых, литургические книги должны содержать точные переводы с греческого. Если эти (вполне выполнимые) условия соблюдены, то нет препятствий для богослужения на местном языке. Будучи патриархом Антиохийским, он прекрасно знал, что в его патриархате богослужения издавна правятся на сирийском и арабском языках.

Иными словами, если для Восточной Церкви доктрина триязычия, можно считать, нехарактерна, то для Церкви Западной прямое отрицание присутствия такой доктрины – невозможно.

Иное дело, как квалифицировать эту доктрину. Ф.Томсон назвал триязычие "мифической ересью Запада". Собственно, ученый не отрицает присутствие триязычной доктрины на Западе⁷⁵, и пафос его монографии фактически состоит в том, чтобы именовать ее не ересью⁷⁶, а как-то иначе, слабее (например, *erratum, propositio falsa, sententia improbabilis*; см. [Thomson

⁷² Переводческим эквивалентом "совершенно одинаковые" (можно было бы также сказать: "ни в чем не отличные") мы передаем (употребленный патр. Феодором) ключевой патристический термин ἀπαράλλακτος. В Лексиконе [Lampe 1976: 174–175] он толкуется как: *invariable, unchanging, precisely similar, identical, in no way varying or differing*.

⁷³ Употребленный здесь в подлиннике глагол μεταγράφω в медиопассиве означает 'переводить с языка на язык'.

⁷⁴ Словосочетанием *литургические книги* мы передали оборот оригинала ἐκ κοντακίων. Κοντάκιον – это не только жанр литургической поэзии, сопряженный с именем Романа Сладкопевца, но и тип литургической книги – род служебника, содержащий литургии Иоанна Златоуста, Василия Великого и Преждеосвященных Даров [Lampe 1976: 768]. В данном контексте термин употреблен в расширительном смысле.

⁷⁵ В большей мере доверая латинским источникам, чем славянским, Ф.Томсон тщательно исследовал их (Легенду Кристиана [Vita et passio S.Wenceslai et S.Ludmle], Моравскую легенду [Tempori Michaelis imperatori], Богемскую легенду [Diffudiente sole] и Легенду Quemadmodum) и пришел к выводу, что они определенно сообщают о разногласиях относительно славянской литургии и о подозрительности папства (they record initial papal suspicion of the innovation) [Thomson 1992: 70].

⁷⁶ Томсон дает собственное определение *ереси*: "намеренное, упорное отрицание определенной сформулированной вероучительной догмы, или сомнение в ней, или же исповедание и распространение доктрины, которая была осуждена как противоречащая откровенной истине" [Thomson 1992: 98]. Между тем, конечно, имеются и другие, значительное более широкие, понимания того, что есть *ересь*. Так, в Номоканоне XIV титулов читается: "Кто не православный – тот еретик" (αἱρετικὸς ἐστὶ πᾶς μὴ ὀρθόδοξος) [Правила 1994, II: 370]. В Алфавитной Синтагме Матфея Властаря сказано: "И тот еретик и подлежит законам на еретиков, кто и мало уклоняется от православной веры" [Алфавитная Синтагма 1996: 58]. Собственно, достаточно бывает отличия в обычае: например, *аристеры* всего лишь гнушались принимать что-либо левой рукой, и уже были причислены к еретикам. Некто Нават, не желавший иметь общения с дубрачными, не совершил догматических ошибок, но за "братоненавидение" был, по сообщению Евсевия Памфила, отлучен и предан анафеме на Римском соборе, бывшем при Папе Корнилии (поитификат: 251–253 гг.). В Кормчей печати патр. Иосифа на л. ҫ̄ (в главе ѿ фрѣзѣхъ, и ѿ прѣчихъ латинѣхъ) сказано: ѣликоже западныхъ страны хрѣтіане ... ничіимъ же ѿ вѣтчихъ ѣллинъ различни со҃уть.

1992: 98)). Пусть будет так⁷⁷; суть противостояния, острота и *odium theologicum* от этого не меняются.

Рассмотрим документы, которые без натяжек можно признать за подлинные⁷⁸.

Папа Иоанн VIII (понтификат: 872–882 гг.) в апостольском послании⁷⁹ от конца июня – начала июля 879 г. запретил⁸⁰ Мефодию служить литургию (= мессу) по-славянски и потребовал, чтобы она служилась или по-латыни, или по-гречески, но в согласии с канонам Франкфуртского синода допустил славянскую проповедь и катехизацию.

Audimus etiam, quod missas cantes in barbara, hoc est in Sclavina lingua, unde iam litteris nostris per Paulum episcopum Anconitanum tibi directis prohibuimus, ne in ea lingua sacra missarum sollempnia celebrares, sed vel in Latina vel in Graeca lingua [...]. Predicare vero aut serminem in populo facere tibi licet, quoniam psalmista omnes ammonet Dominum gentes laudare et apostolus: 'Omnis', inquit, 'lingua confiteatur, quia Dominus Iesus in gloria est Dei Patris'. "Мы слышали еще, что ты служишь Мессы на варварском, стало быть славянском, языке, что мы запретили в нашем письме, направленном тебе посредством Павла, епископа Анконского⁸¹, чтобы ты служил святые торжественные мессы не на их языке, а или по-латыни, или по-гречески [...]. Тебе, однако, подобает говорить или проповедовать к народу⁸², как псалмопевец зовет все народы восхвалять Господа (Пс. 116:1) и апостол говорит, чтобы 'всякий язык исповедал, что Господь Иисус в славу Бога Отца'".

Такова одна папская позиция – фактической поддержки доктрины триязычия (с ее церковно-дисциплинарными следствиями). Она вскоре, даже вдруг сменилась другой, противоположной, – отрицания доктрины, и опять-таки с последствиями для церковной дисциплины. В апостольском послании князю Святополку, написанном в июне 880 г., ныне широко известном по начальным словам "Industriae tuae", тот же папа Иоанн VIII, упомянув о "трех главных языках", совершенно недвусмысленно одобрил славянские переводы, выполненные св. Кириллом, проверил и подтвердил правоверие св. Мефодия и, приведя серьезное богословское обоснование, допустил на славянском языке как богослужение (и суточного круга Часов, и Мессы = Литургии), так и чтение Свщ.Писания. Иными словами, не кто иной как сам Римский папа в решительных выражениях дезавуировал доктрину триязычия.

⁷⁷ Со снисходительной же точки зрения, триязычников можно причислить к *парасинагоге* (*παράσυναγωγή*, *illicitus conventus*), поскольку их отступничество выразилось, в частности, в том, что они обходили своего законного епископа и хулили его за поступки (например, совершение Литургии по-славянски), отнюдь не предосудительные. Снисходительная точка зрения может применяться и к таким церковным потрясениям, как, например, иконоборчество. В Житии исповедника Никиты, игумена Мидийского, сказано: "Некоторые считают эту ересь менее важной и не ставят ее ни во что [...]; а некоторые полагают, что это и не ересь, а только препирательство. Я же думаю, [...] что она очень страшна, потому что идет против домостроительства Христова" [Житие 2001: 119].

⁷⁸ В Житии Мефодия [Лавров 1930: 73–74] и в Похвальном слове Кириллу и Мефодию [Лавров 1930: 85] содержится славянская версия апостольского послания Адриана II, относимая к 868–869 гг. Она весьма значима для нашей темы. Тем не менее не ссылаемся на нее, поскольку латинский документ в Ватиканском архиве не сохранился.

⁷⁹ Нередко эти документы 879 и 880 гг. в научной литературе называют *буллами*. Между тем в слав. традиции (в Житии Мефодия, гл. VII; [Лавров 1930: 73]; в Слове похвальном на память Кирилла и Мефодия [Лавров 1930: 85]) употреблен другой церковно-дипломатический термин – *эпистолина* (*ἐπιστολή* "письмо, послание"). Кроме того, лицо, которому надлежит вестись, также называет документ 880 г. не *буллой*, а *посланием* (см. [Апостольское послание 2001: 313]).

⁸⁰ Он использовал недвусмысленный глагол *prohibeo* "препятствовать, не допускать, запрещать".

⁸¹ Это письмо не сохранилось.

⁸² Имплицируется: на славянском языке.

Документ 880 г очень важен⁸³, и ниже из него приведены показательные выписки в порядке их следования в источнике

Igitur hunc Methodium, venerabilem archiepiscopum vestrum, interrogavimus coram positis fratribus nostris episcopis, si orthodoxe fidei symbolum ita crederet et inter sacra missarum sollempnia caneret, sicuti Sanctum Romanum Ecclesiam tenere et in sanctis sex universalibus synodis a sanctis patribus secundum evangelicam Christi Dei nostri auctoritatem promulgatum atque traditum constat Ille autem professus est, se iuxta evangelicam et apostolicam doctrinam, sicuti Sancta Romana Ecclesia docet et a patribus traditum est, tenere et psallere Nos autem illum in omnibus ecclesiasticis doctrinis et utilitatibus orthodoxum et proficuum esse repperentes, vobis iterum ad regendam commissam sibi Ecclesiam Dei remisimus⁸⁴ 'Затем мы задавали вопросы сему Мефодию, вашему высокопочтимому архиепископу, перед собранием наших братьев-епископов, исповедует ли он по-православному Символ веры и поет ли за святыми торжествами Мессы так, как хранит Святая Римская Церковь и как было изложено и передано на шести Вселенских соборах и свв Отцами, в согласии с Евангельской властью Христа, Бога нашего Он же публично объявил, что сохраняет [Евангелие] и поет [Мессу] в согласии с евангельским и апостольским учением, как учит Святая Римская Церковь и как заповедано Отцами Мы же, нашедши его православным во всех церковных учениях и умелым в служении, посылаем его к вам назад для управления Церковью Божию, врученной ему"

Litteras denique Sclavinicas, a Constantino quondam Philosopho reppertas, quibus Deo laudes debite resonent, iure laudamus, et in eadem lingua Christi Domini nostri preconia et opera enarrantur, iubemus 'Наконец, мы по закону похвалием славянские письма, некогда созданные Константином Философом, которыми по достоинству воспеваются похвалы Богу, и предписываем, чтобы на этом языке возносились хвалы Господу нашему Иисусу Христу и его деяниям'⁸⁵

После этого в апостольском послании дается богословски фундированное утверждение роли всех языков в проповеди Христа и в богослужении, а триязычная доктрина осуждается даже по имени *Neque enim tribus tantum, sed omnibus linguis Dominum laudare auctoritate sacra monetur, que precipit dicens Laudate Dominum omnes gentes et collaudate eum omnes populi*" ('Священная власть требует, чтобы мы похвалили Господа не только на трех, но на всех языках, как предписано в словах 'Хвалите Господа, все народы, прославляйте Его все племена'⁸⁶)

Далее в апостольском послании содержится ссылка на событие Пятидесятницы, когда апостолы, по дару Св Духа, заговорили на многих языках (Деян 2 1–12) и выделено место и подчеркнута фраза (2 11), подтверждающая правомерность использования всех языков для похваления Бога Согласно 'Деяниям', парфяне, мидяне, эламиты, жители Месопотамии, Иудеи, Каппадокии, Понта, Азии, Фригии, Памфилии, Египта, частей Ливии, прилежащих к Кириине, критяне, аравитяне и представители других народов "все изумлялись и дивились, говоря между собою" "Как же мы слышим каждый собственное наречие, [] слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих?" (Деян 2 7–11)

⁸³ Папские письма IX в в одновременном сборнике не дошли до нас Однако сохранился точный список этих регистров, выполненный в XI в (может быть, с черновиков писем IX в) Этот сборник написан т н беневентанским письмом, содержит 314 посланий папы Иоанна VIII за период 876–882 гг и хранится в Ватиканском архиве под шифром Reg Vat I (см подробнее [Дуйчев 1972 261]) Интересующее нас письмо № 257 занимает в источнике листы 99^v–100^v Оно многократно публиковалось, (легко читаемое) факсимильное воспроизведение см [Od slovienskej liturgie 1992 10–12]), мы цитируем по критическому изданию [Sveta brata 1985 93–95], но в использовании прописных букв придерживаемся пнетических написаний

⁸⁴ Этот фрагмент и следующий по-русски приведен в кн [Флоря 2000 383] Предпочитаем, однако, пользоваться собственным переводом

⁸⁵ Папа Иоанн Павел II 31 декабря 1980 г выпустил апостольское послание "Egrediae virtutis", приуроченное к 1100-летию апостольского послания папы Иоанна VIII князю Святополку В послании 1980 г свв Кирилл и Мефодий объявлены, наряду со св Венедиктом Нурсийским, "на все времена небесными сопокровителями всей Европы у престола Божия" В послании 1980 г дана высокая оценка послания 880 г, содержится выписка из последнего и, в частности, сказано "В этом послании одобряется и рекомендуется употребление славянского языка в литургии, чтобы 'на этом языке возносились хвалы Господу нашему Иисусу Христу и его делам'" [Апостольское послание 2001 313]

⁸⁶ Пс 116 1

В документе приводится, далее, выписка из послания ап Павла (Флп 2 11), в которой содержится призыв, чтобы "всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца" Дается ссылка на другое послание того же апостола (1 Кор 14 5) "Желаю, чтобы вы все говорили языками"

Не удивительно, что на столь солидном богословском фоне сделан и вполне эксплицитный вывод о легитимности славянского языка в церковном употреблении *Nec sane fidei vel doctrine aliquid obstat sive Missas in eadem Sclavinica lingua canere sive Sacrum Evangelium vel lectiones divinas Novi et Veteris Testamenti bene translatas et interpretatas legere aut alia horarum officia omnia psallere, quoniam, qui fecit tres linguas principales, Hebraeam scilicet, Graecam et Latinam, ipse creavit et alias omnes ad laudem et gloriam suam* "Никакая здравая вера или учение не препятствуют, чтобы на этом славянском языке пелись Мессы, или прочитывались как Священное Евангелие, так и божественные наставления Нового и Ветхого Завета, если они хорошо переведены и истолкованы, равно как совершались прочие службы Часов⁸⁷, ибо Тот, кто сотворил три главных языка, то есть еврейский, греческий и латынь, Тот же сотворил и все прочие на похвалу Себе и славу".

Сделано единственное и несущественное ограничение папа предписал, повторяя отчасти повеление своего предшественника Адриана II, как оно отразилось в славянской версии⁸⁸, чтобы за богослужением Евангелие сначала прочитывалось по-латыни, а затем в переводе на славянский, да сѧ испълнѣтъ книжнѡе слово, ѡко въсхвалѣтъ Ѣа всѧи ѡзъци

Послание 880 г. было отправлено князю Святополку через посредство Мефодия, стало быть, Мефодий прочитал о прямом осуждении триязычников – одним из первых

Соответственно текущая ситуация для Мефодия и его дружины изменилась теперь радикальным образом, и изменилась к добру Отсюда, по закону непосредственного вербального реагирования только на актуальный раздражитель, должны были радикально измениться и РП-тактики, а также и перлокутивные цели в прекативной коммуникации Лукавить в анабатическом общении со святым (например, не замечать изменения к благу и не благодарить за него) – этически невозможно.

Действительно, получив папскую поддержку, Мефодий с учениками, естественно, мог в дальнейшем предъявлять триязычникам авторитетнейший документ – приговор крайнего судьи в богословских вопросах, наместника первоверховного апостола Петра Триязычники, по церковной дисциплине, были теперь обязаны или замолкнуть⁸⁹ и покаяться, или же им надлежало выйти из ограды Церкви Папский авторитет, в отличие от авторитета епископского и тем более священнического, в состоянии искоренить ересь

Соответственно для славянского первоучителя триязычная опасность подрыва всего его (и Кириллова) жизненного дела существенно пошла на спад и даже совсем исчезла В любом случае, она больше не стояла, как раньше, на переднем плане

⁸⁷ Под *horarum officia* (службы Часов) понимаются последования суточного круга, ныне включающие в себя утреню, дневные часы, вечерню и повечерие, за исключением Мессы (= Литургии) (Состав службы Часов в IX в точно не известен) О допустимости совершения Мессы по славянски в цитируемом фрагменте сказано также и отдельно

⁸⁸ Имеется в виду апостольское послание папы Адриана II славянским князьям Ростиславу, Святополку и Коцелю, отправленное ориентировочно в 868–869 гг и, к сожалению, не сохранившееся в Ватиканском архиве Отсюда сомнения в его подлинности Послание дошло до нас в славянском переводе (в Житии Мефодия, гл VIII), и в нем сказано сѧ же кѡднѣ храничи обѣчан, да на мѣши пѣрвѣе чѣтѡуть аѡлѣ и еванѣлик римьскѣ, тѣче словѣньскѣ [Лавров 1930 73–74] В этом послании, далее сказано аще же кѣто [] начьнетъ, дѣрзнуѡвъ, инѡко развѣрѣтити въ, гада книгѣ ѡзъцика вашого, да боудеть отълоученъ [] си бо соутъ вълци, а не овьца, ѡже достонѣтъ ѡ плодъ ихъ знати и хранитисѧ ихъ

⁸⁹ К ним можно отнести заключительные слова Жития Мефодия первоучитель оуста многорѣчьныхъ заградѣ

Формулируем гипотезу. В прекратившей коммуникации столь страстная словесная борьба с триязычниками, какую мы видим в тропарях IX/3 и IX/4 ДК, после июня 880 года невозможна. Напротив, для первоучителя и его присных должен был наступить период или умолчания о том, что отодвинулось в прошлое, или реминисценций о прошлом, но тогда с использованием глаголов прошедшего времени⁹⁰. Следовательно, имеются основания для мотивированной догадки, что оба тропаря написаны в момент актуального противоборства с триязычниками, а отсюда, путем отсеечения невозможного, и может быть установлен (по отношению ко времени написания ДК) *terminus ante quem* – до июня 880 г.

После указанного рубежа новые (= другие) ковы противоборцев-франков завладели вниманием первоучителей⁹¹. (Иное дело, что в дальнейшем для позиции преемников папы Иоанна VIII, начиная уже с 885 г., были характерны колебания и даже рецидивы впадения в осужденную ересь.)

Собственно, изложенная выше аргументация, добытая лингвистическим анализом, сама по себе уже достаточна для изложения гипотезы. Мы, однако, можем подтвердить ее еще аргументами, полученными от введения в научный оборот нового фактического материала (не известного исследователям предшествующего времени). Всего ниже обсуждаются две версии тропарей по источникам XIII–XIV вв.

Так, выше мы поместили версию концовки тропаря IX/3 по Сф, серьезно изменяющую перлокутивный эффект: **и посрамил кси кретигты трикзычникты лютник воини оубъли**⁹² кси.

При сопоставлении с тропарем IX/3 по версии *Tn* видно, что содержательные перемены значительны: они отражают иную (переменяющуюся) реальность. Пала триязычная ересь, триязычники посрамлены; их посрамление в Сф, в отличие от версии *Tn*, приписано теперь не чаемой и отнесенной к будущему деятельности Мефодиевой книжной дружины, а – великомученику Димитрию, уже сыгравшему свою роль.

Грамматически дважды использованы формы перифрастического прошедшего времени (перфекта), а они показывают, что борьба с триязычниками отныне отошла в прошлое.

Естественно, мы не можем точно знать, кто предпринял редактуру текста, дошедшего до нас в Сф. Ясно, однако, что правка текста ДК предпринята человеком, который входил в ту же самую референтную группу, от лица которой писал автор ДК. Иначе он, редактор текста, переменял бы также строки (IX/1–4), отождествляющие совокупность скитальцев по землям и градам (Мефодий и его дружина). Следовательно, на редактуру решился из числа членов группы человек, обладавший на то полномочиями и авторитетом. Это, конечно, в первую очередь мог быть сам автор ДК.

Ситуация реконструируется следующим образом: когда при очередном праздновании памяти Димитрия (в октябре того же 880 года или, вероятнее, позже на год или два-три) Мефодию стало ясно, что предикации наличествующей версии устарели, он и решился переписать текст и воздать должное уже проявившему себя заступничеству великомученика. Фактически строки (5)–(7) – это благодарение.

⁹⁰ Если же предположить реминисценцию, то после триумфа воспоминания бывают спокойнее, а главное – все признаки текста, указывающие на текущий момент, переводятся в прошедшее время.

⁹¹ Противники слав. архиепископа не успокоились: по выражению писателя Жития Мефодия, "не прекратилась их злоба". Но теперь они стали выдвигать новые обвинения (в частности, в том, что он нарушает сложившиеся границы между диоцедами) и строить новые козни, о чем и говорится в заключительных главах Жития (дело дошло даже до ареста первоучителя); характерно, однако, что триязычная ересь в источнике больше не упоминается ни разу.

⁹² Вероятно, нужна конъектура – **оубыль**. Она обсуждалась с А.А.Туриловым, которого благодарю за советы.

Первоучитель, несомненно, сознавал, что ересь разрушилась отнюдь не только по усилиям его книжной дружины. Переменить за год умонастроение одного и того же лица (Римского первосвященника) и перенастроить его от фактической поддержки ереси к ее отвержению – естественным путем невозможно. Исследователи и до сих пор не могут ответить на вопрос о том, что стало причиной радикальной перемены.

Стало быть, с учетом кончины первоучителя, а также если предположить, что правка была предпринята именно по случаю праздника, модификация текста могла иметь место – самое позднее в октябре 884 г. Первоучитель не только переменял грамматическое время, но и перестроил синтаксическое членение.

Итак, как мы думаем, первая версия тропаря была создана до июня 880 г., а вторая – или в октябре 880 г., или, вероятнее, в 881–884 гг., когда падение ереси стало общеизвестным.

Когда высказывается лингвотекстологическая гипотеза, необходимо, во-первых, рассмотреть другие возможные объяснения генезиса явления и, во-вторых, описать вероятный механизм, приведший к изменениям именно наблюдаемого вида.

Итак, не может ли быть такого, что строки (5) и (6) претерпели в *Сф* модификации просто вследствие бытования текста, т.е. в ходе его копирования? Выше мы показали, какого характера варьирование возникает спонтанным путем: на этом фоне столь масштабная перестройка текста может быть названа только редактурой-справой. Доводы идут от противного: на фоне строк (1)–(4) перемены в строках (5)–(7) слишком сконцентрированы (тогда как ошибки в тексте одинаковой сложности должны быть распределены примерно поровну); в строках (5)–(7) нет ни одного случая атомизма слова⁹³, т.е. нарушения когерентности текста песнопения (тогда как уже при неполно-синонимических и тем более паронимических заменах несвязность текста как правило возникает⁹⁴).

Следовательно, речь может идти не о спонтанной порче тропаря, а о его целенаправленной и сознательной правке. Чем руководствовался этот справщик (Мефодий), легко понять, если согласиться, что значение триязычной ереси после 880 г. сошло на нет. Присяжная молитва стала благодарственной.

Теперь о возможном механизме редактуры. Поскольку мерность тропаря не нарушена и объемы исходного и отредактированного текстов по количеству слов и букв примерно одинаковы, представляется, что редакция проходила путем смыва или подчистки фрагментов, которые надлежало устранить, и написания на подчищенном месте фрагментов, которые вводились заново. Такова обычная процедура соразмерной справки (например, когда одно слово заменяется на другое при условии примерно одинакового числа литер). При этом редактор мог использовать те исходные фрагменты, которые сохраняли свое значение, т.е. не смыть, не подчистить их, а, напротив, навести заново.

Гипотетичная справа протекла так, как представлено ниже. Вверху – текст 5–7-й строк тропаря по версии *Тп* (т.е. предполагаемого текста до редактуры; внизу – тот же тропарь по версии *Сф* (т.е. после редактирования). Прямым шрифтом с подчеркиванием показаны сохраняемые при справе фрагменты; курсивом показаны вверху – подчищенный текст, внизу – текст, написанный по подчищенному:

*на по~~срам~~ление, бл~~ж~~нне, триязычннкъ и еретнкъ лю~~т~~ъ вонни б~~з~~в~~я~~юще.
и по~~срам~~на въ исн иретнкы триязычннкы лю~~т~~нне вонни оубыли исн.*

⁹³ Атомизм слова в древнем тексте – осмысленность отдельного слова (ошибочного варианта) при возможной смысловой гетерогенности текста; писец, совершая ошибку, тем не менее следил, чтобы отдельное слово давало смысл. См. подробнее [Верещагин 2001a: 280, 595].

⁹⁴ См. подробнее: [Верещагин 2001a: 280–281, 595].

Если принять догадку о записи справщика поверх подчищенного текста, то возникает вопрос: почему он не использовал фрагмент *триязычникъ и еретикъ*, а посчитал нужным предпринять перестановку – *кретигы триязычники*? (В других списках такой перестановки нет.) Ответов, на наш взгляд, может быть два; мы придерживаемся второго.

Прежде всего, возможно, что *кретигы триязычники* – это результат обычной в процессе бытования текста спонтанной метатезы парного словосочетания с равноположенными членами.

В то же время можно предположить и мотивированную, намеренную перестановку.

Тропарь IX-й песни ДК прописаны богословски точно, акрибически. Так, в IX/4 содержится прошение уничтожить триязычную "лесь" и сказано, выражаясь по-современному, аккуратно: святой должен выступить не на телесную, а на духовную брань и попать не самих людей-триязычников⁹⁵, а исключительно их учение – *лесь попираа триязычникъ*.

Такую же точность предполагаем и относительно тропаря IX/4 *Тп*: пока папа Римский, как высший авторитет в богословских спорах, не обозначил сторонников триязычной доктрины как *еретиков*, они и в тропаре не получили клейма. *Триязычники*, правда, поставлены с еретиками в один ряд: *на посрамленнк, блъжне, триязычникъ и еретикъ*, но тем не менее копулятивный союз и имплицитно, что триязычники и еретики – разные категории людей⁹⁶.

Точно так же, кстати сказать, триязычники и еретики разведены в седальне *Ил* из Последования Кириллу Философу (см. выше). Триязычники не подходят под категорию, например, *еретиков на Востоке*. Стало быть, *триязычники* и *еретики* не слиты; догматико-вероисповедный статус триязычников оставлен без квалификации.

Когда в июне 880 г. высший авторитет дезавуировал главный тезис триязычников об исключительности священных языков для богослужения и богопознания, теперь сторонников тезиса можно было не по субъективному суждению (пусть даже архиерея), а по церковному праву (*iure*) именовать *еретиками*. Эта перемена, на наш взгляд, и отразилась как в перестановке слов, так и в неслучайном пропуске союза *и*: по итогам строго грамматического анализа порождения смыслов, *кретигы триязычники* – это единая, цельная группа людей⁹⁷, а именно: людей, учение которых является разновидностью ереси.

Метатеза лексем – не случайна, еретики-*триязычники* теперь встали в ряд с еретиками-*арианами* или еретиками-*монофизитами* и т.д. Перед нами не бывшее соположение номинаций, а новая единая номинация: синтаксическая модель (не с копуляцией, а с примыканием существительных) – *кретигы триязычники* – первую позицию замещает лексемой, называющей видовой понятийный признак, а вторую – лексемой, называющей родовой.

Победа над триязычниками не была продолжительной. После смерти папы Иоанна VIII (882 г.), а также когда ушел из жизни архиепископ Мефодий (885 г.), т.е. когда исчезли сдерживающие авторитеты, триязычники снова подняли голову⁹⁸. Изгнанные из Моравии ученики Мефодия восприняли свою участь как возобновление преследований со стороны триязычников.

⁹⁵ Т.е. не уничтожить их телесно.

⁹⁶ Сошлемся на аналогию: *мытари* и *грешники* (Лк 15:1), *фарисеи* и *книжники* (Лк 15:2), *друзья* и *соседи* (Лк 15:6), *подруги* и *соседки* (Лк 15:9) и т.д. – это хотя и близкие, но разные категории людей.

⁹⁷ Т.е. не две группы, как раньше, – отдельно *еретики* и отдельно *триязычники*.

⁹⁸ Так, уже преемник Иоанна папа Стефан в послании Святополку (от времени ок. 885 г.), еще полагая Мефодия в живых, обвинил святителя в том, что он якобы неправо судит о Троице (стало быть, о *Filioque*) и что он при жизни назначил себе преемника (Горазда). Для князя, и без того настроенного враждебно, это был сигнал к атаке.

Действительно, одна стихира Шафариковой и Орбельской триодей, вошедшая в последование пятка пятой седмицы Великого поста (обнаружена и опубликована И. Карабиновым [Карабинов 1910: 227]), содержит горькое сетование и прямо указывает на "еретиков триязычников" (строка 3). Стихира пострадала в процессе бытования, и В. Мошин (на основе ряда списков) предпринял ее реконструкцию, которая (в нашей стихометрической версии) и помещается ниже [Mošin 1972: 123]:

- (1) Страсти спасныа приемъ ты, спасе рода чловѣческаго,
- (2) от страсти хота сводити ны, новозванныа языки,
- (3) прогнавъ еретики триязычници
- (4) по земѣмъ и странамъ страсти приемлѣще
- (5) оутѣши, мноствие, съхрани, оумножи и възрасти
- (6) нѣже искоупи кровию своею чѣстною
- (7) тѣло страстно, прѣщедре боже, вѣсмыртне господи

Н.Л. Туницкий считал стихиру произведением Климента Охридского [Тунцкий 1913: 79].

Иными словами, период торжества над триязычниками продолжался с июня 880 по апрель 885 г., лишь при жизни Мефодия; это наблюдение лишний раз подтверждает, что редакция тропаря IX/3, сохранившаяся в *Сф*, скорее всего, выполнена им.

Приведем в заключение еще один, последний, аргумент. В том, что редактором тропаря IX/3 *Сф* был член той же самой референтной группы, что и автор того же тропаря в *Тп*, можно убедиться, если исследовать качественные особенности справки текста, явно предпринятой "посторонним". У нас есть подобная счастливая возможность: тропарь IX/4, представленный в *Шд* (публикацию см. выше), отредактирован именно сторонним лицом.

Если редакция антиграфа *Сф* проходила путем смыва или подчистки старого текста и записи на том же пергамене новой версии, то, напротив, непосредственную редактуру, имевшую результатом версию *Шд*, предпринял переписчик прямо в ходе своей работы с антиграфом: он пошел на модификацию текста, поскольку тот, по всей видимости, показался ему непонятным.

Все признаки установки на внесение ясности в текст – налицо.

Переписчик-редактор оставил неприкосновенной 1-ю строку (*Потци сл, славне, и вари днь*), а во 2-й предпринял две замены: вместо *вокводство* вписал *мужство*, а вместо *триязычникъ – поганыхъ*. К моменту копирования канона (вторая половина XIV в.) представление о ереси IX в. уже давно утратилось, и существовавшая временно и сейчас забытая *льсть триязычникъ* была заменена на всегда актуальную *льсть поганыхъ*. Антиграф, однако, к счастью, оставил свой след: редактор, написав *поганыхъ*, должен был быть выпустить заменяемую лексему *триязычникъ* антиграфа, но по инерции он принялся выписывать излишнее слово, пока не спохватился. Подобные недосмотры особенно часты при переходе со строки на строку, что и наблюдается в данном случае. Однако, уже написанные шесть букв *триязы* переписчик оставил; возможно, в дальнейшем он намеревался их вымарать.

В строке (3) элиминировано местоимение 1-го л.: вместо конкретного *чѣстною ны съхрани* стало всеобщее *чтно нынѣ схранан*.

Далее, референтная номинация 4-й строки *въ варварѣхъ, сѣе, сущаа оѣства*, видимо, также показала редактору неясной: отнести ее к себе, в том числе к себе как к члену христианской экумены, он не мог, поэтому номинация была отнесена к кому-то неизвестному – к "ним". Отсюда включение местоимения 3-го лица: *настави ꙗ въ пристанище чѣстнок*. Из моления "за себя" тропарь превратился в моление "за другого", и соответственно, конечно, переменилась его перлокутивная цель.

Если теперь сравнить две редакции по сущностным характеристикам, то в первой мы без труда видим модификацию текста (вслед за изменением ситуации) членом той же самой референтной группы выходцев из Солуни, тогда как во второй модификация предпринята человеком, не имеющим к ней отношения. Редактором версии *Шд* Мефодий не мог бы быть ни в коем случае. Однако, чтобы посчитать его редактором версии *Сд* – препятствий нет.

Итак, результаты референтного, рече-поведенческого и перлокутивного анализа IX-й песни ДК, затем сопоставленные со свидетельствами других источников, а также подключение нового материала (на первом месте тропаря IX/3 в версии *Сф*) позволили изложить догадку о времени создания и редактуры знаменитого канона. Разнообразные аргументы столь велики числом, что дают основание для выдвижения гипотезы⁹⁹

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А А* 2001 – Текстология переводных произведений (Священное Писание) // Д С Лихачев при участии А А Алексеева и А Г Боброва Текстология на материале русской литературы X–XVII вв СПб 2001
- Алфавитная Синтагма* 1996 – Алфавитная Синтагма М Властаря / Перевод с греческого Н Ильинского (Допечатка) М, 1996
- Ангелов Б Ст* 1958 – Из старата българска, руска и сръбска литература София 1958
- Ангелов Б Ст* 1966 – Няколко наблюдения върху книжовното дело на Климент Охридски // Климент Охридски Сборник от статии по случай 1050 години от смъртта му София 1966
- Апостольское послание* 2001 – Апостольское послание “Egregiae virtutis” // Православие и католичество от конфронтации к диалогу Хрестоматия / Сост А Юдин М, 2001
- Аршинов В* 1999 – Событие и смысл в синергетическом измерении // Событие и смысл (Синергетический опыт языка) М, 1999
- Бътлър Т* 1987 – Методиевият канон в чест на Димирър Солунски // Кирило-Методиевски студии Кн 4 София, 1987
- Бахтин М М* 1979 – Высказывание как единица речевого общения Отличие этой единицы от единиц языка (слова и предложения) // М М Бахтин Эстетика словесного творчества М 1979
- Брудный А А* 1998 – Психологическая герменевтика Учебное пособие М 1998
- Верещагин Е М* 1996 – Христианская книжность Древней Руси / Отв редактор акад О Н Трубачев М, 1996
- Верещагин Е М* 1997 – История возникновения древнего общеславянского литературного языка Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников М 1997
- Верещагин Е М* 1998 – Древний список последования св Димитрию Солунскому // Palaeobulgarica Старобългаристика XXII (1998) 4
- Верещагин Е М* 2001а – Церковнославянская книжность на Руси Лингвотекстологические разыскания / Под редакцией и с предисловием акад О Н Трубачева М, 2001
- Верещагин Е М* 2001б – Еще раз об этнической принадлежности славянских первоучителей Кирилла и Мефодия // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья “Славяне и их соседи” XX конференция памяти В Д Королюка Сборник тезисов М, 2001
- Верещагин Е М В Г Костомаров* 1999 – В поисках новых путей развития лингвострановедения концепция рече-поведенческих тактик М, 1999
- Верещагин Е М В Г Костомаров* 2000а – В поисках новых путей развития лингвострановедения сингулярные рече-поведенческие тактики М, 2000
- Верещагин Е М В Г Костомаров* 2000б – Хранитель и Творец русского языка и культуры Опыт применения методик исчисления смыслов к произведениям А С Пушкина М 2000
- Верещагин Е М В Г Костомаров* 2000в – Рече-поведенческое исследование Притчи Пушкина о блудной дочери // ВЯ 2000 № 2
- Верещагин Е М В Г Костомаров* 2002 – Мирознание вне и посредством языка В поисках новых путей развития лингвострановедения гипотеза (1020)эпистемы М 2002
- Верещагин Е М В Б Крысько* 1999 – Наблюдения над языком и текстом архаичного источника – Ильиной книги Статья первая // ВЯ 1999 № 2, Статья вторая // ВЯ 1999 № 3

⁹⁹ Содержание статьи обсуждалось с В Б Крысько и А А Туриловым, благодарю их за большую помощь

- Верещагин Е М Г Ротэ* 1996 – Служебная минея за декабрь в церковнославянском переводе по русским рукописям XII–XIII вв. Наборное издание. Последования дней декабря с 1-го по 8-ой / Подгот и прокоммен Е М Верещагин, А Г Кравецкий, Д Кристианс, Л П Медведева / Ротэ Н Трунтэ / Под ред Е М Верещагина, Г Ротэ // *Abhandlungen der Nordrhein Westfalishen Akademie der Wissenschaften Bd 98 Opladen*, 1996
- Воронов А Д* 1878 – Древнеславянский канон св Димитрию Солунскому // *Труды Киевской духовной Академии Вып I, IV за 1878 г*
- Гадамер Г Г* 1991 – Семантика и герменевтика // Г-Г Гадамер *Актуальность прекрасного М*, 1991
- Гаспаров Б М* 1996 – Язык, память, образ Лингвистика языкового существования М, 1996
- Гиренок Ф* 1999 – Археография события // *Событие и смысл (Синергетический опыт языка) М*, 1999
- Горский А В* 1865 – О древних канонах святым Кириллу и Мефодию // Кирилло-Мефодиевский сборник В память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, [] изд М [П] Погодиным М, 1865
- Горский А В Невоструев К И* 1917 – Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки Отдел 3 Книги богослужебные Вып 2 М, 1917
- Грайс Г П* 1985 – Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике Вып XVI М* 1985
- Дуйчев И* 1972 – За документите из Ватиканския архив, относящи се до българската история (IX XIV век) // И Дуйчев *Българско средновековие Проучвания върху политическата и културната история на средновековна България София*, 1972
- Житие* 2001 – Житие преподобного отца нашего Константина, что из иудеев Житие св исповедника Никиты, игумена Мидийского / Перевод, составление, статья Д Е Афиногенова М, 2001
- Жития на светиите* 1974 – Жития на светиите София, 1974
- Ильинский Г А* – Рукописи Зографского монастыря на Афоне // *Известия Русского археологического института в Константинополе Т XIII*, 1908
- Иссерс О С* 1999 – Коммуникативные стратегии и тактики русской речи Автореф докт дис Екатеринбург, 1999
- Карабинов И* – Постная триодь Исторический обзор ее плана, состава редакций и славянских переводов СПб, 1910
- Каталог* – Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв, хранящихся в ЦГАДА СССР Ч 1–2 М, 1988
- Климент Охридски* 1970 – Събрани съчинения Т I Обработили Б Ст Ангелов, К М Куев Хр Кодов София, 1970
- Кожухаров С* 1986 – Методиевият канон за Димитър Солунски (нови данни за история на текста) // Кирило-Мефодиевски студии Кн 3 София, 1986
- Кожухаров С* 1988 – Мефодий и Наум Охридский и формирование славянской гимнографической традиции // *Symposium Methodianum / Hrsrg von K Trost, E Volkl, E Wedel Neuried*, 1988
- Кожухаров С* 1995 – Канон за Димитър Солунски // Кирило-Мефодиевская энциклопедия Т II София 1995
- Красножен М (Е)* 1911 – Толкователи канонического кодекса Восточной Церкви Аристин Зонара и Вальсамон Юрьев, 1911
- Крикпе С* 1986 – Загадка контекстов мнения // *Новое в зарубежной лингвистике Вып XVIII М* 1986
- Куцилер М* 2001–2002 – Литургия Церкви / Пер с нем Ч I–II М, 2001, Ч III М, 2002
- Лавров П А* 1930 – Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности Л 1930
- Лопатин Л М* 1896 – Понятие о душе по данным внутреннего опыта // *Вопросы философии и психологии Т VII Кн 2 (32) 1896*
- Лурья А Р* 1970 – Мозг человека и психические процессы Т 2 М, 1970
- Попов А [Н]* 1875 – Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян XI–XV вв, М, 1875
- Правила* 1994 – Правила Православной Церкви С толкованиями Никодима, еп Далматинско-Истринского Т I СПб 1911, Т II СПб, 1912 (Допечатка) М, 1994 (в 2-х тт)
- Райков Б Кожухаров Ст Миклас Х, Кодов Хр* 1994 – Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора София, 1994

- Серебренников Б А* 1988 – Общественное и индивидуальное сознание // Б А Серебренников Роль человеческого фактора в языке Язык и мышление М, 1988
- Серль Дж* 1986 – Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике Вып XVII М, 1986
- Серль Дж Вандервекен Д* 1986 – Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике Вып XVIII М, 1986
- СК* – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI–XIII вв М, 1984
- Соболевский А И* 1990 – Церковнославянские тексты моравского происхождения // Русский филологический вестник 1990 № 1–2
- Творения* 1993 – Творения св отца нашего Иоанна Златоуста, архиеп Константинопольского в русском переводе Т II Кн 1 СПб 1899
- Туницкий Н Л* 1913 – Св Климент еп Словенский Его жизнь и просветительская деятельность Сергиев Посад, 1913
- Турилов А А Мошкова Л В* 1999 – Славянские рукописи Афонских обителей / Сост А А Турилов, Л В Мошкова Под редакцией А Э Н Тахиаоса Фессалоники, 1999
- Флоря Б Н* 2000 – Сказания о начале славянской письменности СПб, 2000
- Цонев Б* 1923 – Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека Т II София, 1923
- Чейф У Л* 1983 – Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике Вып XII М, 1983
- Ягич* 1886 – Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г Труд орд акад И В Ягича СПб, 1886
- Avenarius A* 1973 – Die Awaren und die Slaven in den Miracula sancti Demetrii // Byzantina Bd 5 1973
- Aland K und Aland B* 1989 – Der Text des Neuen Testaments Einführung in die wissenschaftlichen Ausgaben sowie in Theorie und Praxis der modernen Textkritik Stuttgart, 1989
- Beck H -G* 1977 – Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich München, 1977
- Bruckner A* 1913 – Die Wahrheit über die Slavenapostel Berlin, 1913
- Дуїчев І* 1961 – Il problema delle lingue nazionali nel Medio Evo e gli Slavi // Ricerche slavistiche VIII, 1961
- Dummler E* 1854 – Die Pannonische Legende vom hl Methodius // Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen Bd XIII, 1854
- Dvornik F* 1970 – Byzantine missions among the Slavs SS Constantine-Cyril and Methodius New Brunswick, 1970
- Goffman E* 1974 – Das Individuum im öffentlichen Austausch Frankfurt-am-Main, 1974
- Grivec F* 1960 – Konstantin und Method Lehrer der Slaven Wiesbaden 1960
- Halkin F* 1957 – Bibliotheca Hagiographica Graeca Brussels, 1957
- Hergenrother J* 1869 – Monumenta Graeca ad Photium eiusque Historiam Pertinentia Ratisbonae (= Regensburg), 1869
- Jakobson R* 1965 – Methodius' Canon to Demetrius of Thessalonica and the Old Church Slavonic Hirmoi // Sborník prací Filosofické Fakulty Brněnské University XIV, 1965, řada uměnovědná, F 9 (= Selected Writings, VI, 1, 1985)
- Jakobson R* 1985 – Sketches for the History of the Oldest Slavic Hymnody Commemorations of Christ's Saint and Great Martyr Demetrius // Selected Writings V VI Berlin etc, 1985
- Kujew K M* 1966 – Zur Geschichte der "Dreisprachendoktrin" // Byzantinobulgarica Vol I Sofia 1966
- Lampe* 1976 – A Patristic Greek Lexicon / Ed by G W H Lampe Oxford, 1976
- Lemerle P* 1953 – La composition et la chronologie des deux premiers livres des Miracula s Demetrii // Byzantinische Zeitschrift, Bd 56, 1953
- Lemerle P* 1979–1981 – Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Demetrius V I–II Paris 1979–1981
- Matejko L* 1001 – *Отъ мѣглы лютыя и невѣждьственѣ очисти ны* // Cyrillo-Methodiana In honorem Aemiliae Blahová et Venceslai Konzal Praha, 2001
- Migne J -P* 1865 – Patrologiae Cursus Completus Series Graeca accurante J P Migne T 88 Paris, 1865
- Mošin V* 1972 – Heretici trojezičnici u staroslavenskom prijevodu Trioda // Slovo V 22 Zagreb, 1972

- Obolensky D* 1994 – The Cult of St Demetrius of Thessaloniki in the History of Byzantine-Slav Relations // Dimitri Obolensky Byzantium and the Slavs Crestwood, 1994
- Od slovienskej liturgie* 1992 – Od slovienskej liturgie ku slovenkej provincii Korene krest'anskej kultúry na Slovensku Bratislava 1992
- Otto R* 1963 – Das Heilige Uber das Irrationale in der Idee des Gottlichen und sein Verhältnis zum Rationalen Munchen, 1963
- Papadopoulos Kerameus A* 1897 – Φωτισκὰ St Petersburg, 1897
- Pike K L* 1967 – Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior The Hague, Paris, 1967
- Russel B* 1922 – The analysis of mind London, New York, 1922
- Schonborn Ch* Unter Mitarbeit von M Konrad und H P Weber 2002 – Gott sandte seinen Sohn Christologie AMATECA Lehrbuecher zur katholischen Theologie Bd VII 2002
- Schubert H* 1916 – Die sogenannten Slavenapostel Constantín und Methodius Ein grundlegendes Kapitel aus den Beziehungen Deutschlands zum Sudosten Vortrag, gehalten in der Gesamtsitzung der Heidelberger Akademie der Wissenschaften am 26 Februar 1916 Heidelberg, 1916
- Sveta brata* 1985 – Sveta brata Ciril in Method v zgodovinskih virih ob 1100 letnici Metodove smrti Ljubljana, 1985
- Thomson F* 1991 – SS Cyril and Methodius and a Mythical Western Heresy Trilingualism A Contribution to the Study of Patristic and Medieval Theories of Sacred Languages // Analecta Bollandiana, Revue critique d'hagiographie T 110 Fasc 3–4 Bruxelles, 1992

© 2003 г. Г.А. БОГАТОВА

**ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ:
МЫСЛИ ЛЕКСИКОГРАФА О ЖАНРЕ**

Я коснусь здесь двух ранних статей Олега Николаевича по исторической и этимологической лексикографии (им четверть века) и последней – "Столетие", остающейся пока в рукописи.

"О XX веке будут напоминать не только две мировые войны, – писал О.Н. Трубачев, – но и замечательные культурные события, к которым хочется отнести также двенадцать международных съездов славистов, начиная с Первого, проходившего в 1929 г. в Праге, по XII... в Кракове... Именно съезды славистов повернули стрелку славистического компаса в сторону словаря и слова" [Трубачев 1988: 4, 7].

В XX в. в славянской лексикографии начали активно работать этимологи и историки языка А. Преображенский, Э. Бернекер (Slavisches etymologisches Wörterbuch, 1924), Ст. Урбанчик (Słownik staropolski, 1930–40 гг.), Х. Шустер-Шевц (Historisch etymologisches Wörterbuch der ober-und niedersorbischen Sprachen, с 1982), М. Фасмер (Etymologisches russisches Wörterbuch, с 1950; Этимологический словарь русского языка с дополнениями О.Н.Трубачева, с 1964), Л. Садник и Р. Айтцетмюллер (Vergleichender Wörterbuch der Slavischen Sprachen, 1963), В.Махек (Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, 1957), П.Скок (Etymologijski rječnik Hrvatskoga ili Srpskoga jezika, 1971) и др. Стали выходить украинские (А.С. Мельничук, Л.Л. Гумецкая, Д.Г. Гринчишин), появились белорусские этимологические и исторические словари (А.А. Журавский, В.В. Мартынов) и др.

В России, как пишет О.Н. Трубачев, сложилась многокорпусная традиция фундаментальных словарей исторического цикла (раздельно этимологические, исторические, диалектные). Выпускались они почти в одно время Ф.П. Филиным, Ф.П. Сороколетовым, О.Н. Трубачевым, Ю.С. Сорокиным, Л.Л. Кутиной, С.Г. Бархударовым, Д.Н. Шмелевым, Г.А. Богатовой и др. И Олег Николаевич Трубачев, как глава Московской этимологической школы (по словам В.Н. Топорова), всегда признавался нами старшим в суждениях о возможностях словарного жанра в воссоздании истории слова.

В последние годы Олега Николаевича часто занимала мысль об особенностях личности лексикографа, его месте и роли в развитии жанров лексикографии.

В ноябре 2001 г. в статью "Столетие", посвященной юбилею Василия Ивановича Абаева, Олег Николаевич размышлял о личности и роли ученого-лексикографа: «Сила суждений Абаева – в полной независимости от каких-либо течений и коллективных предпочтений, а это встречается не так уже часто в наше время. Галльская прозрачная изящность речи, в соединении с возвышенной мудростью, эта понятная всем глубина, которая порой шокирует приверженцев темного плетения словес, эта манера говорить и писать, которую можно назвать суверенной, это качество, которое можно выразить лишь библейскими словами – "он говорил как власть имущий", – он, Василий Иванович Абаев, никогда в этой жизни не занимавший "постов". Мы убеждаемся, что перед нами властитель дум». И таким виделся Олегу Николаевичу лексикограф XX века.

Как и Василий Иванович, Олег Николаевич всегда был молодец, подтянут, строг, немногословен, обязателен; казалось, что этот внешний эталон академичности вечен. Характер эталонности носило и все, что выходило из-под его пера: не приходится говорить о монографиях и словарных статьях, но даже рецензии как внешние, так и внутренние, не для печати, были законченны, компактны, всегда изящны.

Он был патриотичен и тверд в своих убеждениях, занятых позициях, в сложнейших ситуациях никогда не терял нить мысли. Особое впечатление по компактности и умению обобщить обозначенный материал оставляли круглые столы, которые он вел на съездах славистов.

Он любил чистоту во всем – от напитков (из коктейлей – только "Каберне" с соком, а так предпочитал чистые сухие вина) до постановки и разрешения вопросов.

Его редкие лекции в России и за рубежом, выступления на конференциях, в обсуждениях выслушивались аудиторией с глубочайшим вниманием и запоминались надолго. При внешней суровости он был трогательно чист и верен в дружбе. Он не любил должности и посты, все знают, как он до последнего сопротивлялся директорству. Но когда безвременно ушел из жизни его ближайший друг Никита Ильич Толстой, он безропотно принял на себя почти все его нелегкие обязанности. Такая же верность и нежность всегда связывала его с Владимиром Николаевичем Топоровым, даже если с ним самим бывали суровы и его ближайшие друзья. Он любил чистоту в жизни и в работе. И его статья – "Историческая и этимологическая лексикография" [Трубачев 1984] – статья о чистоте жанров.

В 1973 г. при Международном комитете славистов была создана Комиссия по лексикологии и лексикографии. Ее первым председателем был Ш. Пециар (Словакия), вторым – в течение 18 лет – Х. Шустер-Шевц. В Комиссии работали почти все редакторы исторических и этимологических словарей. Незадолго до создания Комиссии, в 1971 г., прошел Круглый стол по большим европейским историческим словарям во Флоренции, где о трактовке воссоздания истории слова говорили довольно много и историки, и этимологи. Славяне не были приглашены на это совещание, но обсуждение поднятых вопросов продолжалось и на конференциях в славянских странах и на заседаниях Лексикографической комиссии после публикации флорентийских материалов в 1973 г. В этот период О.Н. Трубачев исходит из положения, что "именно этимология наиболее полно выражает идею историзма", и эту свою точку зрения считает необходимым объяснить подробнее... «поскольку есть тенденция со стороны последней (исторической лексикографии. – Г.Б.) поглотить этимологическую лексикографию. На международном симпозиуме под названием "Круглый стол, посвященный большим европейским историческим словарям", в таком духе высказался нидерландский лексикограф Ф. Толленаре (F. de Tollenaere). Он полагал, что прежняя функция этимологии – доистория слова и сравнительно-историческая фонетика – сменяется новой функцией – биографией слова, после чего цели этимологического и исторического словарей совпадают» [Трубачев 1984: 24, 25]. В это время коллектив этимологов, собранный Олегом Николаевичем, уже приступил к комплектованию материалов картотеки для начала словаря. У Трубачева было свое видение возможностей этимологии и реконструкции истории слова. В 1976 г. он отмечал, что "никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию" [Трубачев 1976: 148].

В 1974 г. вышел первый том ЭССЯ (А–В), реконструирующий праславянский лексический фонд, а в 1975 – первая публикация под названием "Историческая и этимологическая лексикография. Праславянская лексика на *d*- начальное". Она появилась в материалах конференции "Проблемы славянской исторической лексикографии" [Трубачев 1975: 13–19]. Уже в этих тезисах, развернутых потом в статью, звучит некото-

рое раздражение автора против смещения задач жанров и методики: "Ошибочно думать, что единственная сфера реконструкции – дописьменный период, самая богатая письменная история (романские языки) не исключает реконструкцию, не может ее заменить и далеко не всегда облегчает ее. В принципе уместно использование реконструкции при изучении современного словообразования и жизни слов. Поэтому, наверное, провозглашаемое отдельными лингвистами (Ф. Славский, Ф. Толленаре) положение, согласно которому идеал этимологического словаря есть исторический словарь, нельзя принять" [Трубачев 1975: 14].

Это был период, когда исторические словари заняли стартовые площадки почти вплотную к этимологическим. Выработывалось само построение словарной статьи. В тех же тезисах Олег Николаевич пишет: "Полемизирую с Л. Садник и Р. Айтцетмюллером, словарь которых принципиально задуман как безбрежный поток материала в виде аморфных статей-гнезд. Мы исходим из принципа, что расположение материала есть уже половина методологии" [Там же: 18].

В эти годы и мною была задумана книга "История слова как объект русской исторической лексикографии" [Богатова 1985] (не без некоторого сопротивления Олега Николаевича). В книге я много внимания уделяю построению словарной статьи, определению типа словаря – диахронического типа, с широкими хронологическими рамками – "Словаря русского языка XI–XVII вв." (СлРЯ), в отличие от словарей отдельных периодов – СлРЯ XVIII в. и Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. По моим соображениям, ввиду разнокорпусности словарей исторического цикла да еще одновременно издаваемых, история слова (не только из праславянского фонда) может быть сложена по всем этим словарям с разной мерой глубины и подробности.

В 1985 г. два московских фундаментальных словаря – "Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд" (под ред. О.Н. Трубачева) и "Словарь русского языка XI–XVII вв." (гл. ред. Г. Бархударов, ред. Г.А. Богатова: тт. 1–7; гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Г.А. Богатова: тт. 8–10) – подводили итоги десятилетия изданий, и вопрос о канонах жанра – а речь шла о словарях исторического цикла: собственно исторических, этимологических и фундаментальных диалектных типа СРНГ – неизбежно выплеснулся на страницы печати и на трибуны Международного симпозиума по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии (1985). Десятилетие издания само по себе заставляло "остановиться, оглянуться": начало издания совпало со статьей Ю.С. Сорокина "Что такое исторический словарь?", с его постулатом о том, что историческим делает словарь не материал памятников письменности далеких эпох, а подход к его подаче, ибо историческим в принципе может быть и словарь современного русского языка. Понятия "историзм" и "хронизм" в этой дискуссии уже четко разграничились, и эти положения отчасти нашли отражение в моей книге [Богатова 1985: 85–86]. И все же Олега Николаевича не удовлетворяло, казалось, само понимание истории слова, исходящее только из задач того или иного жанра лексикографии. Подлинную историю, как он считал, может давать в конечном счете только этимология. Даже эпиграф к его статье гласил: "Древняя культура влияет на современную через посредство неразрывной цепи традиций, лишь последняя часть которой является письменной традицией" (Джон Бернал).

Далее Трубачев предпринимает широкий обзор историко-этимологических словарей: Эрну – Мейе "Этимологический словарь латинского языка", П. Шантрена "Этимологический словарь греческого языка", – где, казалось бы, письменная история слова простиралась на 40 веков. Однако "история слова не только начинается до первых собственно греческих письменных текстов, но и завершается во всем существенном до их появления" [Трубачев 1984: 28–29]. Шантрена провозглашает в предисловии: "Этимология должна была бы быть полной историей словаря в его структуре и эволюции" (цит. по [Трубачев 1984: 27]). О.Н. Трубачев считал, что на долю

письменной истории в большинстве случаев приходится период относительного покоя; он пишет: «Может быть, такой ход мыслей устраивает людей, которые по каким-то причинам тяготеют занятиями этимологией. Нам больше импонируют слова О. Семереньи о том, что "вся история немецкого слова Messer перевешивается глубиной проникновения и удовлетворением, получаемым от знания того, что оно происходит из *mezzi-gahs* – (каменный резак)"» [Трубачев 1984: 23]. Анализ взглядов и возможностей И. Срезневского, В. Абаева, Л. Щербы, В. Виноградова, И. Немца, И. Мистрика говорит о разработке канонов жанра, о необходимости спокойно взглянуть на проблемы чистоты жанров: "Вообще насыщение исторического словаря сравнениями с диалектными и иноязычными данными, а также сведениями по этимологии, способно лишь взорвать изнутри исторический словарь как таковой и поэтому нежелательно", – писал Олег Николаевич. В течение 10 лет он был членом редколлегии нашего СлРЯ XI–XVII вв., а его сотрудники – частыми посетителями КДРС. Структура нашего словаря совершенствовалась рядом с ним. Рядом были и наши письменные столы. Наши споры с ним начали стихать, и мы многое учли по части чистоты жанра. Историческая лексикография как жанр заняла свою нишу (не только у нас, но и в других странах). И в такой форме это было принято им. "При всей относительности письменной фиксации, ее кодифицирование и адекватная интерпретация в филологических словарях документальной истории (исторических словарях) – дело огромной не только научной, но и общекультурной важности. История слова невозможна без исторического словаря так же, как невозможна без него этимология", – заканчивает он [Там же: 35]. Последний вывод имел большой положительный резонанс.

На Международной конференции "Современная русистика на пороге XXI века" (7–11 июня 2002 г.) в секции "Историческая и этимологическая лексикография и историко-лексикографические исследования" возврат к этой теме имел и мемориальный характер. Поневоле вспомнился тот Первый симпозиум 1985 г., который запечатлен на фотографии, публикуемой здесь. Жаркий конец мая. У Дома ученых цветет сирень. Все еще живы и полны сил. На переднем плане стоит весь цвет славянской лексикографии и палеославистики. В самом деле, в конференции принимали участие В. Журавлев, С.М.Толстая, Василий Нимчук (Украина), Игорь Немец (ЧССР), Ш. Ондруш (Словакия), Веслав Борысь (Польша), Анастасия Петровна Евгеньева, Жанна Жанновна Варбот, Лидия Петровна Жуковская, Любовь Викторовна Куркина, Михаил Мурьянов, Виктор Дерягин, Геннадий Одинцов. Многих из них уже нет.

В центре фотографии стоит Олег Николаевич Трубачев и рядом его сотоварищ и давний коллега Хайнц Шустер-Шевц. В этом году 9 марта остановилось перо Олега Николаевича Трубачева на восьмой странице перевода статьи своего друга Шустер-Шевца для "Вопросов языкознания" (она печатается в этом номере).

В последний месяц своей жизни Олег Николаевич подготовил статью "Опыт ЭССЯ за 30 лет", которая в значительной мере содержит тоже материал о чистоте жанра, его возможностях и тонкостях. Сегодня его уже можно назвать текстом-завещанием. Алфавитно написана половина словаря (до буквы "О" включительно). Но словарь как тип уже состоялся, структурно он закончен. Словарь русского языка XI–XVII веков также прошел более 2/3 пути (до буквы "С"). Впереди у этих словарей еще большая работа, и каждая потеря ощутима.

В уже цитированном тексте, под названием "Столетие", Олег Николаевич дает оценку пути славянской лексикографии, позволю себе в заключение еще раз процитировать его слова из этой рукописи:

«Недавно я решил нелегкую для себя задачу – определить реальное место лингвистической географии в нашей науке. И, просматривая упомянутый том трудов Абаева,

*Участники Международного симпозиума по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии.
Москва, май 1985 г.*

встретил там лаконичную оценку скромных потенций учености начала века, в которые (потенции) у нас, в сущности, все упирается до сих пор, уже на исходе этого века: "Много ли мы знали, например, в начале нашего века о субстратной и ареальной лингвистике" (В.И. Абаев. Избранные труды, т. II, с. 115). – Вопрос, заключавший в себе ответ: ясно, что знали весьма немного. Жаль, что это состояние знаний сохранялось потом так долго; как говорится, стабильность достойная лучшего применения» ... «В случае со славянским дело обстояло так: еще до того, как появились этимологические словари отдельных славянских языков, заслуживающие свое название, началась публикация этимологических словарей (всех) славянских языков. За дело взялись выдающиеся личности, и эти труды не утратили своего значения по сей день: этимологические словари Ф. Миклошича (1886 г.) и Э. Бернекера (самое начало XX века). Для нас сейчас в общем ясно, как эволюционировала и вызревала научная мысль: это были не праславянские словари (понятие "праславянского" конципировалось позже), а скорее *общеславянские* словари, где было по возможности все (старое и новое) и практически отсутствовала стратификация словаря. Такой лингвист, как А. Мейе, выступивший в качестве рецензента словаря Бернекера, сказал, что общеславянские словари вроде Бернекера не могут заменить собой этимологических словарей отдельных славянских языков, напротив, они делают насущным и желательным их появление. Верность этого суждения полностью подтвердилась в последующие десятилетия. Один за другим, начиная с 20-х годов, а затем – с паузой во II Мировую войну и послевоенные годы, – выходят польский, болгарский, чешский, сербохорватский, русский, словенский, верхне- и нижнелужицкий, полабский, украинский, белорусский, старославянский этимологические словари. Некоторые из них еще не окончены, зато, с другой стороны, отдельные славянские языки к настоящему времени насчитывают по несколько этимологических словарей. Продвинутость славистики в области этимологической лексикографии выразилась, далее, думается, и в том, что проявился как бы "возврат" к плану и проекту в масштабах всего славянского. В действительности же речь идет о праславянском этапе существования всего словарного состава славянских языков и диалектов, с допущением древнего диалектного, сложного многообразия этого словарного состава, или лексического фонда, о путях его реконструкции. Ненадуманная сложность и – даже порой кажется – трудноосуществимость этих задач не останавливала исследователей. Тот факт, наконец, что над этим всерьез задумались – независимо и одновременно – в разных научных центрах, говорит достаточно сам за себя. Объективный крен, тенденция к тому, чтобы видеть в давнем, письменно не засвидетельствованном праязыке, в данном случае праславянском, аналог живому языку, влекли за собой необходимость признать за праязыком наличие и других параметров живого языка. Некоторые исследователи при этом сразу брались за реконструкцию праславянского текста, но, если не пренебрегать промежуточными этапами, необходимо, как минимум, признать актуальность реконструкции слова, целой лексемы. Эпоха корневой реконструкции, корневой этимологии, корневой этимологической лексикографии в этой области языкознания прошла. Все эти, бегло перечисленные, наработки, как иногда сейчас выражаются, доступно квалифицировать как прорыв, как первый в науке опыт праязыковой лексикографии вообще, хотя глядя на вещи как бы изнутри, трезво понимаешь и сознаешь, как все это трудно и необъятно сложно, сравнительно с корневым методом. Но назад пути нет. Такова картина в славистике».

На этом мы предпочтем остановиться. Если "Столетие" будет где-то напечатано, мы будем иметь удовольствие прочесть обзор истории иранской лексикографии и ее пути к праиранской фазе развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богатова Г А* 1985 – История слова как объект русской исторической лексикографии М , 1985
- Трубачев О Н* 1975 – Историческая и этимологическая лексикография Праславянская лексика на *d*- начальное // Тез докладов Всесоюзной конференции “Проблемы славянской исторической лексикографии” Вып 3 М , 1975
- Трубачев О Н* 1976 – Принципы и методы семантических исследований // Исследования по исторической семасиологии М , 1976
- Трубачев О Н* 1984 – Историческая и этимологическая лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии М , 1984
- Трубачев О Н* 1988 – Славянская филология и сравнительность От съезда к съезду // ФН 1988 № 3

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

B.H. Bichakjian. Language in a Darwinian perspective. Peter Lang Europaischer Verlag der Wissenschaften Frankfurt-am-Main, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien 2002 316 p

Бернард Бичакжан известен в европейской (и, возможно, не только европейской лингвистике) уже более двадцати лет. Он жил и работал во Франции, специализировался по исторической лингвистике в Гарвардском университете, долгие годы был профессором в университете города Неймеген (Нидерланды), где живет и сейчас. Является Президентом LOS (Language Origins Society), лингвистического общества, активно работающего и собирающего свои Ежегодные Форумы уже 18 лет подряд. В 1992 г. им была опубликована статья в *Вопросах языкознания* [Бичакжан 1992], о чем он пишет с благодарностью в Предисловии к рецензируемой книге, изданной десять лет спустя. Позднее появилась его публикация и в петербургском издании *Язык и речевая деятельность*. Но все же в российском языкознании он известен мало (см., однако, анализ связанных с его теориями дискуссии и споров в нашем обзоре [Николаева 1996]), что объясняется не столько индивидуальными причинами, сколько и тем, что стремительно развивающееся направление, к которому он примыкает, в нашем отнюдь не бедном лингвистами языкознании как-то не воспринимается всерьез. Говоря очень упрощенно, зарубежная теория лингвистики как правило представляется у нас в русле того, что сам Бичакжан называет *mainstream linguistics*¹, и эта лингвистика – в основном американская, хотя уже становится очевидно, что в рамках европейского региона возникают новые и пока у нас не включенные в теорию самостоятельные лингвистические направления. Однако уже только за последнее десятилетие прошло четыре Международных конференции, посвященных эволюции языка (Эдинбург 1996, Лондон 1998, Париж 2000, Гар-

вард 2002)¹. Появились у нас работы, специально обсуждающие вопрос о том, что же такое эволюция в языке [Николаева 1991, Вельмезова 2002].

В прежние десятилетия Б. Бичакжан стал широко известен своей теорией педоморфозиса, или ноотении, утверждающей, что язык движется в сторону усвоенного им ранее, отбрасывая то, что является более сложным и/или приобретено позднее. Само направление этого движения можно увидеть в речи современного ребенка [Bichakjian 1988, 1993]. Теория педоморфозиса в свое время вызвала ожесточенную дискуссию.

В рецензируемой книге острых углов и экстравагантных теорий гораздо меньше и написана она очень просто, хотя вопросы ставятся здесь достаточно серьезные. Вслед за Предисловием следует Перечень таблиц и иллюстраций (а их в книге около сорока), затем – *Словарь-индекс символов, диакритических знаков и аббревиатур*. Основной текст книги, состоящей из 8 глав, занимает 278 страниц монографии. После него – Библиография, насчитывающая 225 единиц (наша отечественная наука представлена именами Вяч. Вс. Иванова, Т. В. Гамкрелидзе и Г. А. Климова), далее – *Словарь основных понятий*, используемых в книге, в конце – Предметно-именной указатель.

По сути дела, в книге ставятся следующие вопросы: 1) Что такое эволюция в языке, от-

¹ На одной из них – парижской – автору данной рецензии довелось присутствовать и было очень интересно видеть, как языковедные мгновенно, лидируя, обрастает новыми контактами с биологами, генетиками, психологами и др.

личается ли она от его истории, от развития языка? 2) Связана ли эволюция языка с аксиологией? Это хорошо или плохо? 3) Как мы можем определить, что для языка хорошо, а что плохо? 4) Почему одни языки развиваются по "оптимальному" пути, а другие – нет? 5) Каков спектр лингвистического разнообразия "оптимального" пути? 6) Можно ли сопоставлять биологическую эволюцию видов в дарвиновском смысле и развитие языка? 7) Почему эволюционная теория с такой легкостью была воспринята естествоиспытателями и встретила (встречает) сопротивление и неприязнь в языкознании? Наконец, одна из глав посвящена достаточно 'свежей' проблеме можно ли говорить о параллелизме (изоморфном движении) эволюции человеческого письма и человеческого языка?

Анализ этой книги, пожалуй, легче всего начать с единственного недоумения, которое возникает при ее чтении у читателя-лингвиста, привыкшего к более узким по специализации текстам. Хотя в ней много иллюстраций и много сведений общенаучного характера, как будто бы известных из общей истории и общей культуры и из общей истории науки, но популярной все-таки ее назвать никак нельзя. Так кто же ее ангажированный читатель? И только после первого чтения можно понять, что прямой адресат у нее есть это специалисты по культурологии и эволюционной семиотике, для которых и выпускается "бохумская" серия В Коха. Таким образом, Б. Бичакжан не популяризирует факты лингвистики, а вводит факты лингвистики в общенаучное эпистемологическое русло. Следовательно, недоразумения нет, но жанр этот пока в нашей науке еще не развился.

Первая глава – вводная и очень краткая – перечисляет те ведущие для большинства позиции, против которых выступает автор данной книги. Вторая глава содержит краткую историю эволюционного подхода в естественных науках – до Ч Дарвина и после него, те рассказ об эволюции эволюционного подхода. И о ней в журнале "Вопросы языкознания", согласно отечественной традиции, говорить нецелесообразно, так как многие сообщаемые здесь сведения вполне подробно прорабатываются еще в средней школе. Важно отметить здесь три взгляда на развитие феноменов, которые Б. Бичакжан называет Часы (a watch), Колесо (a wheel) и Вектор (a vector). Теория Часов предполагает прежде всего Часовщика (те креационистская теория), который завел мир по определенной заданной Программе. Теория Колеса строится на циклах, циклы эти могут быть

темпорально различными, но также в конце концов предполагают конечную неизменность. Теория Вектора вписывает факты языка в общую систему эволюции Универсума. И здесь Б. Бичакжан цитирует Т. Добжанского (США), подчеркивавшего, что "основное в биологии просматривается только в свете эволюционной теории". Именно этот подход предлагается автором и для лингвистики. Третья глава монографии посвящена теории эволюции в истории лингвистики и тем изначальным феноменальным препонам, которые мешают языковедам принять этот подход и в настоящее время. Кратко описывая ранний период истории языкознания, Б. Бичакжан выделяет А. Шлейхера, который, прочитав Ч. Дарвина, стал его горячим поклонником, но до конца эволюционную теорию к лингвистике все же не применил. Методологические препятствия у биологов и лингвистов были разные. Против Дарвина была Церковь, а против поколения Шлейхера – прекрасное образование. Признать классические языки древности – греческий, латинь, санскрит – предыдущим этапом было непреодолимо и недопустимо этически. И даже позднее на пути биологов стоял лишь скромный предок ('miserable ape'), а на пути лингвистов – радость от богатства реконструируемых языков индоевропейской семьи "Сдвиг", по мнению автора, наметился в XX в., когда появились общедиахронические идеи А. Мейе, дрифт Э. Сепира (как концепт, взятый из биологии), идеи Ф. де Соссюра, О. Эсперсена, А. Мартине, Н. С. Трубецкого и др. Критически в этой главе говорится лишь о концепции Р. Якобсона, который, хотя и употреблял термин "Entwicklung", но практически эволюционистом не стал. (Более подробно об этом мы будем говорить ниже в связи с теорией несовместимости эволюции и телеологичности.) Недостатки современной лингвистики – идеи униформитарности [Николаева 1996], компенсаторности в синхронии и типологии, идеи врожденности диахронических путей – восходят, по мнению Б. Бичакжана, прежде всего к Л. Блумфильду и его последователям (включая Н. Хомского), которые и составляют идеологически малоподвижный "mainstream" современной лингвистики.

Итак, наиболее интересна для интерпретации четвертая глава книги – о том, какие именно языковые черты являются признаком эволюции ('Defining the evolution of linguistic features'). Эти признаки менее сложны при воплощении и перцепции (нейромускулярные связи), но обладают большим функциональным спектром. По Ч. Дарвину подобные признаки появляются (случайно) пу-

тем естественного отбора (*natural selection*) и обладают большой адаптивностью Б Бичакжан практически не говорит о "случайности" адаптивных признаков, но формулирует общую идею «Экспансия поля деятельности и сокращение "стоимости" речевой единицы» (с 103) (Из нашего изложения может следовать, что монография является текстом чисто теоретическим, на самом же деле она изобилует примерами из разных языков и неожиданными сравнениями)

Таким образом, дальнейшее изложение идей автора посвящено конкретным случаям подтверждения того, что диахрония – в том случае, если она ведет к лучшему – однопавлена, что лучше – это и произносительное удобство и удобство перцепции, а также совмещенность но не диффузность функций у одной единицы Самый деликатный вопрос современной эволюционной теории, сразу же возникающий при ее обсуждении, это то, что, признав ее, придется и признать, что не все языки удовлетворяют ее требованиям в равной степени и придется тем самым расставить языкам отметки, нарушив языковую политкорректность, нарушив принцип 'униформитарности' и усложнив принятую теорию реконструкции Автор книги его обходит, введя в рассмотрение только языки индоевропейской семьи, хотя и говорит о возможности показать эволюцию на всех языках планеты (с 109) В пятой главе, рассмотрев подробно теории прародинности индоевропейцев и реконструкции протоструктуры индоевропейской фонетики, Б Бичакжан склоняется к идее одного гласного типа [e], который, в комбинации с ларингалами, создает всю гамму вокализма, включая долгие и краткие звуки Это и есть действительный процесс оптимизации, так как математическая сложность всего ряда упростилась, а функциональные возможности повысились Процесс оптимизации в грамматике прослеживается в книге на известных примерах исчезновения дуалиса и регрессии гендерной классификации имен, исходя из понимания референта Например, день ясен, прозрачен, а 'ночь', таинственна и загадочна Поэтому мы имеем *le jour / la nuit, der Tag / die Nacht, день (М) / ночь (Ж)*

Явлениями одного процесса, по мнению автора, являются развитие предлогов в противовес флексиям, появление специализированных артиклей, возникновение личных местоимений, подавляющих личные окончания Это все, как считает Б Бичакжан, в целом можно считать увеличением роли частиц (*particles*) Согласиться с этим последним трудно, т к именно древние языки были ча-

стицеобильными (например древнегреческий), и именно их комплексы могли начинать высказывание (ср. хеттский) Наконец, закон Вакернагеля, о котором не упоминается, тоже в какой-то степени свидетельствует о тяготении 'частиц' к началу предложения (Возможно, автор понимает термин 'частицы' просто как мелкие служебные слова.)

К процессу оптимизации автор относит и развитие перфекта, ослабление роли аориста, ослабление или исчезновение медиальных форм, приведшее к подчеркиванию роли субъекта и совмещению медиальных форм с пассивом Синтаксическая оптимизация состояла в важнейшем переходе языков от *head-last* к *head-first*, т е к ветвлению слева направо, к правоориентированной структуре высказывания Это изменение Б Бичакжан связывает с тем, что порядок слов в древних языках предполагал глобальное восприятие (например, лат *Legatos miserunt*), а не движение от актанта Новые же формы определены были эволюцией асимметрии мозга, развитием грамматически ориентированного левого полушария Важным фактором изменения порядка слов является и развитие подчинения, упростившее сложность восприятия древней фразы Ср, например (с 214), лат *Quid dicam de Socrate, cuius morti illacrimari soleo Platonem legens?* Или лат *De istis rebus expecto tuas letteras (iste относилось ко 2 лицу)* и англ *I expect a letter from you about your things* Автор признает, что намеченный путь оптимизации оказался неординарным для разных языков даже индоевропейской семьи Этим различиям посвящена глава шестая "Эволюция и различия" Б Бичакжан понимает, что не все селективные инновации объяснимы Например, понятно, что у дятла большой и сильный клюв Но почему у него красный хохолок и полоски на крыльях? (с 183) Подобное есть и в лингвистике Например *in* в произношении экономичнее чем *-ing* Однако вряд ли возникнет *kin(g)* *sin(g)*, *thin(g)*, т к уже есть слова *kin sin thin* Интересным в этой главе является раздел об обмене (*trade-off*), когда одно возникает все-таки за счет чего-то другого В частности, очевидно, что сложный для произношения звук неэкономичен Зато он выигрывает по дистинктивности, и для коммуникации это важно Поэтому древние языки имели более 'яркие' по дистинктивности звуки, но за это шла в свою очередь нейромускулярная плата На оптимальное развитие языка может влиять и язык завоевателя, язык контактного соседа и т д Наконец, на развитие языков осуществляется и 'внутреннее давление

Оно идет от самих филологов, культивирующих миф о прекрасных языках древности, от кодификаторов, от учителей языка в школах Б Бичакжан приводит, в частности, первоначальное название книги известного лингвиста Р А Холла "Оставьте свой язык в покое!" (R A Hall Leave your language alone, 1950) Считая теорию циклов в целом неэволюционной, Б Бичакжан вполне признает циклизацию на уровне эмпирии Таково, например, развитие романского Futurum'a *lauda-b-o* (лат, синтет) > *laudare habeo* (лат, аналит) > *je louera* (франц, синтет.) > *je vais louer* (франц, аналит) и т д, однако через всю книгу проходит идея наличия общего направления в языковой эволюции, которую Б Бичакжан называет "Bauplan"

Предпоследняя, седьмая, глава рецензируемой книги посвящена эволюции письма Как и предыдущие главы, она начинается с подробного исторического очерка (что, как указывалось нами выше, приближает книгу к более популярному, чем обычно принято для концептуального текста, жанру) Поэтому следует отметить здесь действительно имеющиеся нетривиальные наблюдения и концептуальные построения Прежде всего Б Бичакжан привлекает для каждого вида письма эргономический фактор, т е количество нейромускульной энергии, затрачиваемой при каждом виде письма, которое в свою очередь требует определенной (такой и только такой) позы писца-исполнителя. Важной оказывается оптимальная комбинация материала и максимально удобной позы начертания именно при таком материале Интересно здесь сравнение исходной точки "писания" при древнем письме с привычным для нас расположением цифр на циферблате, которое и отражает более древнюю стартовую позу Движение вправо Б Бичакжан связывает с более поздним развитием левого полушария с его концентрацией на правой стороне Самым важным в этой главе представляются параллели развития письма и языка, которые Б Бичакжан связывает в основном с эволюцией церебрального уровня "Нельзя не отметить ту поразительную вещь, что в обеих структурах – в языке и на письме – совершился фундаментальный поворот (reversal)" (с. 258) А именно

Язык вершина единицы в конце (head-last) > вершина единицы в начале (head-first),

Письмо справа налево > слева направо

В обеих системах мы имеем переход от холистического охвата к аналитическому, а переход от иероглифов к алфавитному письму можно приравнять к переходу к отношениям S/O вместо содержательных критериев агенса и пациенса В последней главе говорится

об отстающей" лингвистике и перечисляются основные эволюционные шаги индоевропейских языков, которые

А) кластеры взрывных заменяют простыми фрикативными,

Б) различия гласных по долготе/краткости – различиями по качеству,

В) аспектные отношения – темпоральными,

Г) порядок элементов с конечной вершиной – порядком с начальной вершиной,

Д) причастные обороты – сложноподчиненными предложениями,

Е) отношения агент/пациент – категориями S/O

В заключение автор подчеркивает, что он пишет только об однонаправленных процессах оптимизации языкового пользователя, т е об эволюции, но никак не касается по-прежнему загадочных вопросов общеязыковых истоков

Книга Б Бичакжана интересна российскому читателю не только и не столько сообщаемыми фактами и историографическими очерками, т к в основном лингвисту-специалисту, как правило, все это известно, сколько простым и прямым сопоставлением дарвиновской теории и фактов истории языка Поэтому, очевидно, и примеры приводятся самые простые и автор отлично понимает, что реальная ситуация каждого отдельного языка оказывается намного сложнее начертанного однонаправленного пути

Заключая рецензию, можно высказать только два соображения Первое Телеология обычно противопоставляется дарвинизму и эволюционной теории вообще только из-за принятия/непринятия идеи случайности адаптивных признаков, оказавшихся в результате селекции удачными Не вдаваясь в философию, можно отметить, что движение к цели (телеология) вполне может включать в себя также и оптимальный путь отбора на оси селекции признаков, которые в конце концов не будут случайными В конце концов трудно различить "цель" телеологии и концепт Bauplan'a Второе соображение можно назвать прогнозирующим и мрачным Несомненно, что всеобщая компьютеризация все больше разделяет компьютерных пользователей на предпочитающих "иконки", картинки, идеографические кнопки, и тех (старшее поколение), которые стараются вчитываться в команды вербальные Также несомненно, что речь юных пользователей становится даже не столько бедной, сколько трудной для воплощения Таким образом, визуальный ряд нашей коммуникации, может быть, потихоньку движется к своим пиктографическим истокам

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бичакжан Б Х* 1992 – Эволюция языка развитие в свете теории Дарвина // ВЯ 1992 № 2
- Вельмезова Е В* 2002 – И А Бодуэн де Куртене об истории, развитии и эволюции языка и языков // Уч зап Казанского гос ун-та Т 143 Бодуэн де Куртене и современная лингвистика Казань, 2002
- Николаева Т М* 1991 – Диахрония или эволюция (об одной тенденции развития языка) // ВЯ 1991 № 2
- Николаева Т М* 1996 – Теории происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании // ВЯ 1996 № 2
- Bichakjian В Н* 1988 – Evolution in language Ann Arbor, 1988
- Bichakjian В Н* 1993 – Le changement linguistique Avantages intrinsèques et immédiats // Mélanges W Zwanenberg / Ed par A Hulk, F Melka, J Schroten Amsterdam, 1993

Т М Николаева

CONTENTS

V N Toporov (Moscow) In memory of Oleg Nikolaevič Trubačev, O N Trubačev The role of books in my life, G A Bogatova (Moscow) The role of the library in the life of O N Trubačev, I G Dobrodomov (Moscow) Oleg Nikolaevič Trubačev, V I Černyševa (Moscow) Oleg Nikolaevič Trubačev and our generation, V V Levitskij (Černovtsi) The Indo-European roots **sep(h) /sp(h)ē-*, **erə-/*rē-*, **elə-/*lē-*, B B Xodorovskaja (Moscow) The rise of the perfect in Latin and the origin of the element *-is-/-er-*, H Schuster Schewc (Purschwitz, GFR) The Slavic metathesis of liquids and the desintegration of Proto-Slavic, A K Matveev (Ekaterinburg) On the etymology of substrat toponyms with *tamb-/tam-* stems, O A Teuš (Ekaterinburg) Etymology of Finno-Ugric loans in Russian and the semantic analysis, A L Šilov (Moscow) Geographic names and toponymic etymologies (based on the material of toponymics of the Russian North) E M Vereščagin (Moscow) Some observations on the language and text of an archaic language monument "The Book of Elish" G A Bogatova (Moscow) Historical and etymological lexicography some thoughts of a lexicographer, **Reviews:** T M Nikolaeva (Moscow) B H Bichakjan Language in a Darwinian perspective

Технический редактор *О Н Никитина*

Сдано в набор 24 10 2002	Подписано к печати 16 12 2002	Формат 70 × 100 /
Офсетная печать	Усл печ л 13,0 Усл кр отт 19 7 тыс	Уч изд т 15 5 Бум л 5 0
	Тираж 1489 экз Зак 6905	

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители Российская академия наук, Отделение литературы и языка РАН

Адрес издателя 117997 Москва Профсоюзная 90
Адрес редакции 121019, Москва, Г 19, ул Волконка 18/2 Институт русского языка
телефон 201 25 16
Отпечатано в ППП Типография Наука 121099 Москва Шубинский пер 6